

ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

М. А. ВАВИЛОВА

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ

К 75-летию автора

**Вологда
«Книжное наследие»
2005**

**МАРГАРИТА АЛЕКСАНДРОВНА
БАВИЛОВА**

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
кандидат филологических наук, профессор, декан филологического
факультета Вологодского государственного
педагогического университета

СТЕРЕОТИПИЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ В ФОЛЬКЛОРЕ

Естественная форма бытования фольклорного текста – хранение его в памяти и устное воспроизведение. Вместе с тем необходимо различать два его типа: устный и записанный. Различие между ними весьма существенно. Записанный фольклорный текст становится текстом для чтения, приобретает характер литературного текста, который нельзя подвергнуть каким-либо изменениям. Каждый записанный текст и индивидуален, и случаен, и не дает полного представления о произведении, бытующем в народной среде. Чтобы получить представление о полноте содержания записанного произведения, понять его идейно-художественный смысл, необходима совокупность вариантов. Это положение четко сформулировано В. Я. Проппом: «Изучать надо совершенно конкретный и реальный замысел народа во всей совокупности его проявлений: по отношению к этой совокупности каждая отдельная запись – частный случай осуществления этого замысла»¹.

В процессе естественного бытования фольклорное произведение (песня, сказка) никогда не звучит одинаково. Точного повторения нельзя ожидать даже от одного и того же исполнителя. Каждое новое исполнение непредсказуемо и зависит от многих факторов: памяти информатора, его настроения в данный момент, состава аудитории и других причин. Песенный текст, хотя и стабильнее прозаического, может по-разному распеваться, может меняться мелодический рисунок, ритм. Сказка может быть короткой и длинной: «ее сложить и разложить можно», – говорил сибирский сказочник Е. И. Сороковников (Магай). Устная коммуникация предполагает прямую передачу текста от субъекта к субъекту. В отличие от письменной фиксации, как в литературе, она не может осуществляться независимо от человека и включает в себя не только слово, но и жесты, мимику, реак-

цию аудитории. Известный фольклорист Д. М. Молдавский так передает свое впечатление от устного рассказа сказочника Ильи Богатырева: «Как-то незаметно он вышел из-за стола, сделал несколько шагов по комнате и вдруг – исчез. Крестьянин деревни Сунево Илья Богатырев перестал существовать. На его месте стоял забитый и хитроумный герой традиционной сказки, веселый победитель глупых богачей, жадных попов, бар, судей, купцов и святых. Рассказ сменился актерской игрой. Сказка за сказкой, и мы увидели, что перед нами не только человек, наделенный блестящей памятью, но еще и превосходный актер»².

Кроме изменчивых исполнительских характеристик, фольклорный текст имеет и устойчивую структуру, которая в значительной мере определяет его специфику. А. Н. Веселовский в «Поэтике сюжетов» обратил внимание на явления «схематизма и повторяемости» на всем протяжении поэтического творчества и поставил вопрос о «типических схемах... передававшихся в ряду поколений как готовые формулы», способных «оживиться новым настроением»³. Ученый имел в виду такое явление, которое с современной точки зрения уместней называть стереотипией.

Стереотипность в той или иной форме присутствует во всех фольклорных жанрах. Это модели, трафареты, структурные каркасы, которые каждый раз заполняются определенным содержанием, характерным для среды бытования. «Под стереотипом, – замечает К. В. Чистов, – следует понимать типовые решения типовых ситуаций, т. е. модели, в которых откладывается опыт, как отдельного человека, так и опыт следующих друг за другом и наследующих традицию поколений»⁴. Стереотипы функционируют не только в фольклоре, но и в других сферах культуры (деятельностные модели, речевое поведение и т. д.)⁵, их исторические корни уходят в глубь веков.

Большое место в бытовой культуре человеческого общества занимает, к примеру, система запретов. Дж. Фрезер связывает формирование этой системы с явлением «табуизации» и возводит ее к архаическим временам: к оберегам царей и царских детей от опасности, порчи, болезни, так как с образом царя, его здоровьем, связывалось представление о благополучии народа, царства, о хорошем урожае, благоприятной погоде и т. д.⁶ Изоляция царя, царских детей – явление исторически реальное. Стереотип сохранился до наших дней, но его «наполнение» связано с конкретными фактами. В волшебной сказке, например, структурная модель которой восходит к архаическим представлениям, система запретов также связана со стереотипом «нельзя», но мотивировка его, его внутренне наполнение меняется в зависимости от индивидуальности информатора, от времени записи сказки. В русских сказках, записанных в XIX веке, «запрет» чаще всего связан

с опасностью похищения или подмены царских детей. Историческая мотивировка исчезла.

«Что же у вас, господин хозяин, местность экая у вас широкая, – и башня к чему эка выстроена, ни одного окна и никакого света нет, к чему она эка?» – «Ах, друг мой, в этой башне застата царская дочь... Как кухарка ли, нянька принесет ей кушанье, только сунут ей там, и не заходят внутрь. Так она там и живет, ничего вовсе не знает, какой такой народ есть»⁷.

Или еще пример: «Ее (девушку – М. В.) велели в каменный столб закласть... оставили окошечко, чтобы ей подавать по стаканчику водицы да по кусочку сухарика из суток в сутки»⁸.

В записях XX века также можно обнаружить этот стереотип, но мотивировка заключения в башню меняется. Заточение в башню становится не оберегом, а наказанием: «Бабу бедную, безвинную, беспричинную посадили. Помещик у себя же на дворе выклат ей башню – из кирпичей столб – и запер ее в этот столб... оставил ей маленькое окошечко: сухарь и воду подают ей исть туды»⁹.

Как видно из приведенных примеров, диалектическое взаимодействие общего и частного определяет жизнеспособность стереотипа, ибо «проблема стереотипа в любой сфере культуры – это, помимо всего прочего, также и проблема его многократной повторной применимости, способности к модификации, к вариативности»¹⁰.

Стереотипия – одна из характерных черт фольклора. Учитывая это качество, удалось систематизировать мировое сказочное наследие с помощью указателей мотивов, сюжетов, создать национальные указатели сказочных сюжетов, предпринять попытки создания указателей мотивов других фольклорных жанров¹¹.

Исследование стереотипности – актуальная задача современной фольклористики. Ее решение позволит выявить законы, управляющие процессом фольклорного творчества. Уже сейчас можно выделить несколько уровней стереотипии. Прежде всего, это стилистические стереотипы, под которыми И. А. Разумова¹² понимает все устойчивые элементы языка и стиля (лексику, фразеологию, синтаксис), все, что определяет стабильность сказочного стиля. Следует отметить, что именно этот раздел поэтики фольклорного текста изучен и описан наиболее обстоятельно¹³.

Но стереотипия свойственная фольклорному стилю в целом, является стереотипией малого масштаба. Она входит в систему стереотипов второго, более высокого уровня, каким является целостный фольклорный текст, повторяющийся в традиции. Примером стереотипа такого уровня может служить модель волшебной сказки, выведенная В. Я. Проппом на основе принципа: «Все волшебные сказки однотипны по своему строению»¹⁴. Тра-

диционное использование законов сюжетосложения фольклорного текста, «правил порождения словесной ткани текстов»¹⁵ является выражением коллективного настроения, коллективного мироощущения, коллективной памяти.

Как уже отмечалось, фольклорный текст в процессе многократного устного воспроизведения варьируется. Вариативность – это особая форма проявления индивидуального начала. «Не фабула сказки, не сюжет ее являются элементами индивидуального творчества сказочника, а трактовка того или иного традиционного мотива, этюда или сюжета» – отмечает Э. В. Померанцева¹⁶.

Соединение двух начал – коллективного, формирующего стереотипы, и индивидуального, проявляющегося не в создании нового произведения, а в выборе готового сюжета, мотивов, стилистических формул (т. е. в варьировании), – и определяет фольклорную традицию. Именно в этом контексте нужно понимать кажущееся на первый взгляд парадоксальным высказывание В. Я. Проппа о волшебной сказке, в которой обнаруживается, с одной стороны, «ее поразительное многообразие... с другой – ее поразительное однообразие, ее повторяемость»¹⁷.

Каждый конкретный сюжет возникает перед исследователем в многочисленных конкретных воплощениях. Это могут быть разновременные записи одного сюжета, сделанные в разных регионах. Как показывают материалы экспедиций, один и тот же сюжет, зафиксированный многократно, будет иметь общее, повторяющееся звено, инвариант, и вариативную часть. Легче всего в этом плане анализировать волшебную сказку благодаря работе В. Я. Проппа, открывшей закон ее сюжетосложения.

Фольклорный текст, несмотря на его динамичность, подчиняется определенным законам варьирования. Оно происходит на разных уровнях:

- на уровне стилистики текста;
- на уровне его сюжетно-композиционной структуры;
- на жанровом уровне.

В первом случае изменения в тексте не влияют на общий замысел произведения. Во втором случае могут возникать новые тексты – версии, которые будут отличаться иной идейной трактовкой сюжета, иной композицией, мотивировкой поступков героев и т. д. На каждом уровне действуют свои механизмы варьирования. Для варьирования на уровне стилистики текста характерны «синонимические обратимые замены»¹⁸.

Это явление удивительно точно прокомментировал сказочник Филипп Петрович Господарев: «Тебя зовут Николаем, а можно сказать Костя, меня Филипп, а можно назвать по-другому; также и в сказках. Есть Иван-царевич, а можно назвать Иван-купеческий сын»¹⁹.

В вариантах сказок о ловком воре (СУС 1525) герой зовется Иваном, Тимохой, Климкой, Моктой, Тимоней, Капсиркой, Турундаем, Каныгой-Лыгой, Кузькой, Мотрошилкой, Антошкой, Наумом, Митрохой и т. д. «Жил старик со старухой. У них был сын по имени Иван» (Афанасьев, № 383). «Жил старик со старухой. У них был сын Тимоня» (Худяков, № 28). «Жил старик со старухой. У них был сын Митроха» (Афанасьев, № 386) и т. д.

Выбор имени может быть следствием случайных или личных причин. Вологодский сказочник Илларион Акимович Гагарин (Ларя) именем своей жены называл сказочных героинь²⁰. Братья Соколовы, характеризуя белозерских сказочников, пишут, что у рассказчика, церковного сторожа, в число действующих лиц вводится церковный сторож²¹. Таким образом, рассказ делается близким слушателям.

Синонимические замены особенно распространены в частушках. Гармонь в них – это венка, веночка, вяточка, белоголовочка, двухрядка, минорка, переборка, тальянка, трехрядка, хромка и пр. Соперница в любви характеризуется как грубиянка, злодейка, конкуренка, лиходейка, перебойка, своячка, супостатка, супротивница. Девушка может быть названа белянкой, дорогушенькой, зазновой, любушкой, разлапушкой, сударушкой; парень – беседником, дружкой, жадобиночкой, завлекой, завлекашей, кавалером, посижальником. И к девушке и к парню применяются названия: боля, болина, детка, дроля, духаня, желанный (ая), забава, залетка, засуха, земляниченька, игровой (ая), карамелина, кровинка, любезный (ая), малиночка, матаня, ненаглядный (ая), поичка, приятка, прехехенька, родный (ая), родняша, роза, симпатия, статейка, ухажер (ка), цветок, Шура, Шураня, ягода, ягодина и др.²²

В фольклорных текстах встречаются замены отдельных традиционных слов, следы модернизации стиля. Вместо привычного «В некотором царстве» – «В мисте публицьном», героями сказок становятся сыщик, приказчик, барышня, кавалер, живут они «на фатерах», носят галоши, ходят в банки, отправляют телеграммы и т. д.²³ Смена «костюма сказки» говорит о новых представлениях, проникавших в деревню из города, но содержание остается традиционным.

Очень вольно обращение рассказчиков с географическими названиями. Они вводятся с целью придания повествованию достоверности или локальной приуроченности. Часто географические названия искажаются, сохраняя лишь фонетическое подобие. Варианты зачинов песни-баллады «Ванька ключник и князь Волхонский» убедительно тому подтверждение²⁴. Местом действия в одних вариантах называется Москва: «Было дело в белокаменной Москве» или «Во славном городе Саратове», «Во селе-то, во селе было Измайлове», «На острове было на Дмитровском», «Во городе было во Питере».

В некоторых вариантах делаются уточнения: «В Москве было, в городе, на Сенной площади», «в той Успенской улочке», «Далече-далече было в каменной Москве, Во второй улице во Дмитровке». «На Устренской большой улице».

Параллельно идет другой процесс – процесс обобщения, снятия конкретизации, в котором нет никаких локальных названий: «Дело было на святой Руси», «На горе, возле речки». «Среди-то было торгу-ярманхи, Большого базарику», «На горе на горушке» и т. д.

Некоторые варианты баллады не имеют зачина: «Как у славного было князя Волконского, Жил-поживал вор Ванюша-ключник». Таким образом, «словесное варьирование текста – естественный способ существования фольклорной традиции»²⁵.

Процесс порождения фольклорного текста зависит от многих причин, в том числе от восприятия текста самим исполнителем. Проиллюстрируем эту мысль вариантами баллады о любви доброго молодца к королевской дочери из собрания «Великорусских народных песен» А. И. Соболевского²⁶. Трагический рассказ о любви известен примерно в двадцати вариантах, которые были записаны П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом в Олонецкой губернии. Есть записи из других губерний – у П. В. Киреевского, П. В. Шейна, Н. А. Иваницкого. Не будем касаться всего текста баллады, возьмем только самое начало, которое в олонечких вариантах, где сильна эпическая традиция, выглядит почти всегда одинаково:

Ходил молодец из орды в орду.
Из орды в орду, да из земли в землю.
Загулял молодец в землю литовскую,
К тому королю литовскому
(Соболевский, № 4).

Или так:

Король молодца любил-жаловал
(Соболевский, № 12).

С точки зрения законов поэтики линейного фольклорного текста, в приведенных вариантах нет начала. В полноценном фольклорном тексте все взаимосвязано, причинно-следственные связи легко просматриваются. В данном случае у исполнителей, хорошо знакомых с фольклорной традицией, должно возникнуть несколько вопросов:

- 1) Каким образом русский добрый молодец очутился на службе у чужого короля (прусского, литовского, политовского, шведского)?
- 2) За что король сразу же полюбил молодца?

3) Каким образом, с точки зрения исполнителя, проявлялась королевская любовь?

Ответ на эти вопросы, на гипотетическую «критику текста» исполнителем, дает «совокупность вариантов», раскрывающих замысел произведения. Причины, приведшие молодца на чужбину, разные – от личных до социальных.

«Как бы на молодца не служба государева
И не наборы солдатские,
Не ходил бы я, молодец,
По чужой-дальней стороне,
По Свирской Украине.
Проходил молодец из орды в орду,
Зашел молодец к королю в Литву»
(Соболевский, № 6).

«Ой, неволя, неволя – боярский двор!
Во боярском дворе жить не хочется;
Во крестьянство пойтить – много надобно;
Пойду я, молодец, королю служить!»
(Соболевский, № 24).

Полонил молодца шведский король
(Соболевский, № 9).

Пошел, пошел удалый добрый молодец
От худой жены да неудачливой
Из орды в орду, да к королю в Литву.
Он бьет челом да поклоняется,
Сам королю да во служение дается
(Соболевский, № 10).

Таким образом, мотивы появления доброго молодца на службе у чужого короля становятся ясны: сбежал от государевой службы, от боярской неволи, попал в плен, ушел от нелюбимой жены.

Ответ на следующий вопрос – «За что король полюбил доброго молодца?» – также можно найти в балладных вариантах.

«Изошел я всю землю святорусскую.
Я сине море плавал из края в край...
А за это меня король любил-жаловал»
(Соболевский, № 22).

Молодец у короля на вестях служил,
Что король-то его любил-жаловал
(Соболевский, № 13).

«Ой, служил же я трем, трем царям.
Как четвертому, царю русскому,
Да служил я ровно девять лет,
Как составилось моей службицы,
Да всей было ровно тридцать лет,
Как за то меня король прусский
За то любил-жаловал»
(Соболевский, № 16).

Третья группа вариантов баллады показывает, что король не обманулся в своем выборе.

Король молодца любил-жаловал,
С одного блюда он пивал-едал,
С одного плеча и платье нашивал
(Соболевский, № 24).

За одним столом сидел,
Да ведь он пил-ел с одной ложечки
(Соболевский, № 3).

Все эти изменения -показывают ту работу, которую проводит талантливый исполнитель с текстом, добиваясь его совершенства и ясности замысла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. – М., 1958. – С. 22 – 23.

² Господин леший, господин барин и мы с мужиком // Записи о сказочниках Д. М. Молдавского. – М; Л., 1965. – С. 20, 32 – 120.

³ Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов. – СПб., 1913. – С. 2.

⁴ Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. – Л., 1986. – С. 113.

⁵ Этнические стереотипы поведения. – Л., 1985.

⁶ Фрезер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – Изд. 2-е. – М., 1986. – С. 26 – 34, 69, 165 – 172, 174, 185, 188 – 251, 554 – 561, 670 – 671.

⁷ Смирнов А. М. Сборник Великоорусских сказок Архива Русского географического общества. – Пг., 1917. (Зап. XIV, № 10.)

⁸ Великоорусские сказки в записи И. А. Худякова. – М.; Л., 1964 (№ 49).

⁹ Азадовский М. К. Верхненеленские сказки. – Иркутск, 1938 (№ 5).

¹⁰ Чистов В. К. Народные традиции и фольклор. – С. 112.

¹¹ Бараг Л. Г. Сюжеты и мотивы белорусских волшебных сказок: Систематический указатель.

затель // Славянский и балканский фольклор. – М., 1971. – С. 182 – 235; Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М., 1975. – С. 167 – 191 (каталог русских быличек); Соколова В. К. Русские исторические предания. – М., 1970. – С. 275 – 287; Смирнов Ю. К. Восточнославянские баллады и близкие им формы. – М., 1988. – С. 110 – 116; Северные предания / Подгот. Н. А. Криничной. – Л., 1978. – С. 112– 115; Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. – Л., 1979.

¹² Разумова И. А. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. – Петрозаводск, 1991.

¹³ Рошняну Н. Традиционные формулы сказки. – М., 1974; Новиков Н. В. К художественной специфике восточнославянской волшебной сказки: Начальные и заключительные формулы // Отражение межэтнических процессов в устной прозе. – М., 1979. – С. 19 – 43; Ухов П. Д. Атрибуция русских былин. – М., 1970; Позднеев А. В. Общие места и перенесения в былинах // Проблемы истории литературы. – М., 1964. – С. 65 – 86.

¹⁴ Пропп В. Я. Морфология сказки. – М., 1969. – С. 26.

¹⁵ Чистов К. В. Народные традиции в фольклоре. – С. 147, 152.

¹⁶ Померанцева Э. В. Коллективное и индивидуальное начало в сказке // Художественный фольклор. – Вып. V. – Л., 1929. – С. 119.

¹⁷ Пропп В. Я. Морфология сказки. – С. 24.

¹⁸ Чистов К. В. Народные традиции в фольклоре. – С. 147, 152.

¹⁹ Сказки Ф. П. Господарева / Запись текста, вступ. ст., примеч. Н. В. Новикова. – Петрозаводск, 1941. – С. 41.

²⁰ Архив ВГПИ (ВГПУ). 1960 – 1961.

²¹ Соколовы Б. и Ю. Сказки Белозерского края. – Архангельск, 1981. – С. 28.

²² Библиотека русского фольклора: Частушки. – М., 1990.

²³ Соколовы Б. и Ю. Песни и сказки Белозерского края. – М., 1915. – № № 44, 80, 81.

²⁴ Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. – Т. I. – СПб., 1895. – № № 25, 35, 42, 33, 27, 36, 31.

²⁵ Чистов К. В. Народные традиции в фольклоре. – С. 160.

²⁶ Великорусские народные песни. – № № 5, 10, 11, 13, 24, 12, 14, 9, 4, 22, 16, 23, 7, 6, 8 и др.

ВАРИАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СКАЗКИ О ЛОВКОМ ВОРЕ

1. Типологические собратья авантюрного героя русской сказки

В указателе сказочных сюжетов¹ в разряде анекдотов о хитрых и ловких людях выделяется обилием версий тип 1525 – Ловкий вор. Сказка относится к числу популярнейших и в мировом репертуаре².

Сказка о Ловком воре – бытовая по своей тематической природе и характеру разрешения конфликта. Это ее постоянные признаки, признаки первичные.

В современной фольклористике сказка о Ловком воре определяется как новеллистическая (В. П. Аникин) или авантюрная (В. И. Чичеров)³. При чем подразумевается, что под понятие «новеллизма» или «авантюренности» подходит любой ее вариант, а сами признаки «авантюренности» или «новеллизма» являются основными критериями жанра. Поэтому сказки авантурные и новеллистические часто рассматриваются как самостоятельные сказочные группы наряду со сказками о животных, волшебными, бытовыми. Между тем понятие «авантюрная сказка» – признак вторичный, это внутрижанровая разновидность бытовой сказки. Данное положение легко подтверждается путем анализа вариантов сказки в записях XVIII – XX веков.

«Сравнительный указатель сюжетов» под номером 1525 объединяет пятнадцать разновидностей, составляющих сказочный цикл о Ловком воре⁴.

Сопоставление русского цикла с международным репертуаром по указателю сюжетов показывает, что содержание циклов, за небольшим исключением, совпадает.

Литературная история образа плута в мировом репертуаре начинается с Геродота (IV в. до н. э.)⁵, хотя в фольклоре этот образ, безусловно, старше.

Е. М. Мелетинский указывает на существование комических рассказов о плуте-трикстере еще в эпоху первобытно-общинных отношений. Плут-трюкач на этом этапе выступает как пародийный дублет культурного героя-демиурга. «Озорство мифологического плута, – пишет Е. М. Мелетинский, – служило своего рода отдушиной в мире строгой религиозной и социальной регламентации первобытно-общинного строя»⁶.

Но даже при схематичном сопоставлении плута более поздней формации с мифологическим озорником обращает внимание факт их идейной несовместимости. Во-первых, плутовские возможности трикстера – это возможности *не индивидуальные*. Свобода его самостоятельности – от связи с культурным героем, олицетворяющим силы племени, родоплеменного коллектива, а не проявление его личных возможностей. Во-вторых, «профанирование святынь» – одна из сфер деятельности двойника культурного героя – шло в легальных рамках, т. к. плутовские деяния трикстера и слушатели, и рассказчик относили к тем временам, когда современный «миропорядок не был еще установлен»⁷. Генетические корни образа плута уходят в первобытный фольклор. Их выявление позволяет объяснить одно из свойств этого образа – его поразительную живучесть в фольклоре и литературе народов мира, способность возрождаться в каждую новую эпоху, обновлять социальный облик в зависимости от конкретно-исторической и национальной приуроченности.

Образ Ловкого вора встречается и в «волшебном» обрамлении. С. В. Савченко приводит греческий вариант, который стоит где-то на периферии между волшебной сказкой и бытовой. От волшебной сказки в нем остались непосильные для обыкновенного человека задания: украсть у дракона крылатого коня, одеяло с погремушками и, наконец, самого дракона. Но герой справляется со своей задачей без вмешательства чудесных помощников: переодевается нищим, отращивает бороду, обманом зазывает в сундук дракона и т. д.⁸ Так «трудные задачи» решаются в бытовой сказке.

Мировому сказочному репертуару известен еще один промежуточный образ ловкача – ловкач-недотепа. На популярность героя этого типа в европейском фольклоре указывал в Э. Коскен⁹. Младшему вору старшие дают наказ украсть кошелек и взять все мелкие монеты. В кошельке оказывается еще и золото, но вор берет только мелкие монеты. О логичности эволюции «иронического неудачника» в ловкача и авантюриста писал в одной из статей А. М. Горький: «дураки фольклора, превратясь в Санчо Пансу, Симплисиссима, Уленшпигеля, стали умнее феодалов, приобрели смелость высмеивать господ...»¹⁰.

Обращение фольклора и литературы эпохи Средневековья к теме ловкого человека, ловкого вора, неунывающего пройдохи, пикаро не было слу-

чайным. Оно совпадает с периодом распада феодальной системы, с высвобождением из ее орбиты большой массы людей. Они «выпадали» из корпорации, класса, что вызвало «массовое бродяжничество, появление людей вне закона, вне общества», — отмечал К. Маркс¹¹. Так возникали фигуры «бродячих королей-нищих, ландскнехтов, всякого рода авантюристов»¹². Процесс выделения личности из ячейки, из класса был связан с переосмыслением общественных связей, которые начинали выступать «по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей»¹³.

Очень убедительно появление международного героя-авантюриста объясняет английский литературовед А. Кеттл. Он отмечает историческую закономерность появления этого образа: «“Пикаро”, или плут, был социальной парией, человеком, отвергнутым феодальным обществом и *отвергнувшим* это общество и его мораль. Но феодальный строй, выбросивший его из общества, в то же время *способствовал*, особенно в дни своего упадка, *процветанию* этого типа. Среди плутов было немало *младших* сыновей разорившихся знатных семей» (курсив мой. — М. В.). А. Кеттл называет исторически сложившиеся черты характера авантюриста: предприимчивость, отсутствие моральных норм, эгоизм, крайний нигилизм: «Они осмеивают все, что считается священным в феодальном обществе: рыцарскую доблесть, честь, сыновнее послушание, верность и даже королевский титул»¹⁴.

Автор «Истории испанской литературы» Д. Тикнор, не скрывая своей антипатии к типу пикаро, тем не менее, очень верно связывает его появление с осознанием народными массами своей значимости в связи с участием в общественной жизни страны и освободительной борьбе: «В низах проснулось чувство собственного достоинства, которое стало выражаться то социальными волнениями, то частыми смутами в университетах, то, наконец, открытыми восстаниями городских общин за свои права»¹⁵.

«Авантюризм был одной из особенностей итальянской жизни, — пишет Б. Г. Реизов. — Он был стремлением *жить вне нормативных форм* общения»¹⁶ (выделено нами. — М. В.).

Таким образом, авантюризм — явление историческое, явление международное. В Европе волна его пришла на XV — XVII века. Литературным отражением этой волны были плутовские романы. В фольклоре своеобразным аналогом литературной темы авантюризма стала тема «воровства».

В русско-украинском обществе интерес к авантюрной тематике, к авантюрному герою возникает в XVII — XVIII веках, когда, по мнению академика В. Н. Перетца¹⁷, общество стало расставаться с аскетическими идеалами предков.

Образ пикаро с конца XVII века проникает в популярную на Украине и в Белоруссии школьную драму. В интермедиях и пьесах Митрофана Довгалевского (середина XVIII века) действуют герои нового времени, активно воспринимающие жизнь. Это и прощелыга-шляхтич, и «козак», и «москаль», и знаменитые «пиворезы – мандРОВанные (странствующие) дьяки», жизнь которых сама по себе, по меткому замечанию А. И. Белецкого, «является любопытной новеллой плутовского жанра»¹⁸, и просто «хлопы».

Академик Е. Ф. Карский отмечает аналогичность подобных явлений в Белоруссии. «Тип Фрола Скобеева, – пишет он, – был популярен в фольклоре и литературе XVI – XVII веков»¹⁹.

В. П. Адрианова-Перетц, рассматривая рукописную демократическую литературу 30-х годов XVIII века, говорит о широком распространении жарт об удачливых обманщиках, хитрых ворах, плутах и пр. «Составители жарт особенно охотно перелагали в стихотворную форму те фации, сюжеты которых были известны в сказочных народных вариантах (выделено нами – М. В.)»²⁰. В качестве примера фигурирует жарт о воре, укравшем ветчину, имеющий аналогию с народными анекдотами о москале, укравшем у крестьянина сало (у Томпсона тип 1525 М, у Н. П. Андреева – 1525 П).

Развитию темы пикаро в русской литературе и фольклоре особенно способствовал XVIII век. Реформы Петра I, выдвижение людей не знатных, но предприимчивых (А. Д. Меншиков, А. Г. Разумовский и др.), «окно в Европу», через которое хлынули на Русь авантюристы, искатели «фартуны», обнищание крестьянства, распад патриархальной семьи, народные волнения, разбой – все это способствовало появлению того разряда людей, которые послужили прототипами для русских плутовских романов и сказок о ловких людях.

Таким образом, и в фольклоре, и в литературе любой страны тип героя-авантюриста не мог появиться раньше, чем созрели исторические предпосылки для его становления. В Испании он был типологически закономерен в XV – XVI веках. Это был Урдемалас – «делающий пакости» – герой народных анекдотов, увековеченный Сервантесом в комедии «Педро де Урдемалас». Для Италии XVI века не менее знаменит был Бертольдо, для Германии – Тиль Уленшпигель, для Франции – солдат-бродяга Фанфан-Тюльпан. Литературная жизнь западных пикаро становилась логическим продолжением их «устной» жизни. Литературная и фольклорная судьбы русского пикаро – пройдохи, вора, ловкача – совмещаются типологически. Фрол Скобеев и ловкий вор сказок – Фомка, Тимоха, Климка, Шабарша, Барма, Лабза и пр. – близки по духу, но не повторяют друг друга. Русский плут не получил такого индивидуального обобщения, как на Западе, ни в фольклоре, ни в литературе. Но собственной судьбой в культурном сознании он, несомненно, обладал.

Близость древнерусских героев-ловкачей со сказочным вором несомненна. Об их тождестве говорить не приходится, речь может идти лишь о типологической близости. Тем не менее, можно сделать вывод о логичности появления или возрождения образа фольклорного ловкача и пройдохи в России примерно на тех же хронологических широтах, на которых обрелся и тип литературного героя (т. е. в XVII – XVIII веках).

Литературные близнецы ловкого вора известны нам из более ранних памятников. Но по сути они представляют не что иное, как литературную обработку фольклорного первоисточника.

Сравнивая литературный образ с его фольклорной интерпретацией, мы убеждаемся в подобии этих моделей. Отсюда закономерен вопрос: где – (в литературе или фольклоре) – образ возник раньше? Появление нового типа героя знаменует, по мысли Д. С. Лихачева, переворот в литературе, отход от «исторического» идеального героя к «бытовой» личности. И такой поворот произошел не без влияния фольклора: «Эти перемены в литературе, по-видимому, совпадают по времени с аналогичными переменами в фольклоре, а еще вероятней, в известной мере *идут за последними*»²¹ (выделено нами. – М. В.).

Именно в такой последовательности, в такой логике развития образа – от фольклора к литературе – убеждает пример западных пикаро, которые начали свою жизнь в устной традиции, а закончили ее в литературном произведении.

Рассматривая литературные образы плута и ябедника Ерша, Убогого, Вора-татья, нельзя не заметить, что неизвестные авторы не были новаторами, а повторили фольклорную схему образа, развивая его только в заданном народной традицией направлении. У древнерусского автора не было иного образца, кроме народного, и он за ним последовал, нарисовав тип ловкача и пройдохи по народной модели. Поэтому-то ни Ерш Ершович, ни Убогий, ни Тать не являются носителями психологии авантюризма, авантюризм появляется только в их поведении. Внешнее проявление авантюризма характерно и для сказочных героев-авантюристов. Средневековый автор использовал в своем произведении не только фольклорную модель образа, но сохранил и фольклорную оценку героя. Известно, что понятия «вор», «воровство» в официальной и народной трактовках расходятся. В «Уложении» царя Алексея Михайловича (1649 г.) термин «воровство» обозначает преступление в широком смысле слова: это и бунт, и поджог, и грабеж, и выступление против властей. В фольклоре «вор» не преступник, это народный заступник, или мститель, ловкач, удачник, озорник. Воры, разбойники выступали против воевод, бояр, помещиков и вызывали симпатии народа. Об этом писал В. Г. Белинский, анализируя «разбойничьи

песни»: «Существование “удальцов” не было улегитимировано правительственной властью, не было улегитимировано общественным мнением. Они были удалцы и молодцы, а не злодеи»²².

Для обозначения «воровства» в прямом смысле употреблялись понятия «мошенник», «тать». Такое разграничение в сказках ощущается вплоть до XX века. Позднее произошло переосмысление народных понятий, и рассказы о ворах-бунтовщиках слились с рассказами о ворах-мошенниках. Таким образом, первая группа «литературных ловкачей» повторила фольклорную интерпретацию образа.

Другая группа литературных авантюристов: Фрол Скобеев, Ерш Ершович, Тать также типологически соотносится со сказочным вором-ловкачом. Но это более высокая ступень типологизации: отталкиваясь от фольклорного образа, авторы сумели показать не внешнюю, а внутреннюю сущность нового героя – *психологию авантюризма*, сознательное авантюрное начало, определившее все поступки. «Или буду полковник – или покойник»²³, – вот моральное кредо героя-авантюриста.

Сопоставляя типологически образы плута в литературе и фольклоре, необходимо помнить, что принципы их изображения не тождественны, а диктуются спецификой каждого вида искусства. Авантюристность плутовского романа эпохи средневековья – понятие более широкое, чем понятие авантюристности в фольклоре. В литературе это прежде всего изображение психологии авантюризма и причин, ее порождающих. Сказка, реагируя на появление нового героя в жизни, пользовалась очень ограниченными фольклорными средствами, которые не предусматривали изображение индивидуальности характера. Новый образ в сказке создавался в рамках традиций. Новаторство проявилось в форме циклизации вокруг одного героя однотипных ситуаций, в контаминации близких по теме сюжетов²⁴. Таким образом, возникала сложная, «нанизывающая» композиция авантюрной сказки, удобная для циклической организации рассказа о приключениях героя и его победах.

Подобные явления в мировом фольклоре не единичны. В. В. Кожин отмечает, что у некоторых народов «фольклорные романы остались в устной традиции, не могли оформиться, обрести устойчивость и подчас исчезали бесследно»²⁵. Попытка превратить сказку о Ловком воре в народный роман была сделана Б. П. Шергиным. Но, несмотря на интересную обработку сюжета, он не приобрел популярности «Тиля Уленшпигеля». Причина тому – не только разный уровень способностей авторов. Главное, что ловкач и плут Шергина не мог стать носителем актуальных идей своего времени. Он был герой не XX века, не мог приобрести значимость героя эпохи, каким был его предшественник в XVII – XVIII веках.

Русская сказочная интерпретация темы плутовства – локальная редакция типологической модели относительно позднего происхождения. О русских вариантах этого сказочного сюжета мы узнаем впервые из архивных и литературных источников середины и конца XVIII века. Но считать 1740 – 1780 годы (время первых фиксаций сказки) временем ее возникновения, естественно, нельзя.

2. Сказка о Ловком воре в публикациях XVIII века

Публикация в русских сказочных сборниках XVIII века сказки о Ловком воре²⁶ совпадают по времени с появлением в России переводных и оригинальных плутовских романов²⁷.

С середины XIX века исследователям становится известен более ранний ее вариант, обнаруженный историком Петром Бартевым (младшим) в архиве Тайной канцелярии. Записан он был неизвестным лицом от неизвестного рассказчика, по предложению Бартева, путем подслушивания, в грозные времена бироновщины, когда «приставам Тайной канцелярии велено было доносить не только о действиях заключенных, но и записывать их разговоры и даже сказки, которые они друг другу сказывали»²⁹.

Это предположение представляется правдоподобным. В 30 – 40-х годах XVIII века, в период правления Анны Иоанновны и ее фаворита Бирона, в памяти народной оживают легенды и рассказы о других временах и справедливых царях. Носителем социальной справедливости в различных жанрах фольклора выступает Иван Грозный. В сказке о Ловком воре он воспринят сквозь призму народного представления о своем, мужицком, справедливом царе.

Народную оценку царя рассказчик вкладывает в слова Вора-Шибарши: «Не думайте-де на нашего царя Ивана Васильевича лиха, он-де до нас милостив, поит нас и кормит и всех жалует...»³⁰.

Скрытый народный упрек был понят в XVIII веке. Не случайно рассказы подобных историй преследовалось.

Рукописный вариант XVIII века является контаминацией нескольких сюжетов – 1525, 950 (Дядя и племянник), 951 (Царь и вор) и 1373 (Поп в мешке поднимается на небо). Схематично сказку можно изобразить следующим образом: 1525[1525 Д + 1525 Р** + 1525 j] + *1525 I + 950 + 951 В + 1737³¹.

В одной сказке объединено пять микросюжетов.

Думается, что рассматриваемый вариант – результат недавнего процесса образования. Цикл еще не отстоялся в каких-то стабильных границах, микросюжеты легко отделяются друг от друга. Например, тип 1525 Д (кра-

жа с отвлечением внимания) в составе цикла не играет самостоятельной роли, а выступает как микросюжет, подчиняя в свою очередь типы 1525 j (другие это сделали) и 1525 j2 (кража одежды)³².

Герой называется Шибаршой (вариант имени Шабарша), Бармой, Лабзой – и за этим разными именами стоят разные модели отражения действительности, разные образы. Первая модель образа ловкача соответствует представлению о воровстве как искусстве, ловкости, озорстве. Вторая модель изображает вора-преступника (вор-тать).

Третья стоит ближе к первой (вор – носитель классовых антипатий, выразитель народного протеста).

Сказка состоит из пяти относительно самостоятельных частей. Первая часть, отмечена в каталогах под № 1525Д, она включает в себя довольно устойчивый круг мотивов: Шибарша не хочет крестьянствовать, как его отец, а хочет воровать. Первая жертва – мужик, ведущий по дороге быка. Шибарша пытается отвлечь внимание мужика, бросает на дороге сапог. Привязав быка, он возвращается за первым сапогом. В это время Шибарша отрубает быку голову, бросает ее в болото, а мясо отдает отцу. Шибарша ворует у мужика одежду (1525 Р**), когда тот лезет в болото за быком. Шибарша хочет отомстить отцу за то, что тот, сомневаясь в его ловкости и отговаривая его от воровства, взял украденное мясо. Имитируя наказание, Шибарша кричит: «Государь-царь, помилуйте, не я крал – батюшка!». Отец бросает мясо и убегает. За воровство он выгоняет сына из дома. Эта часть сказки композиционно завершена и, по-видимому, выступает не только в составе цикла, но и как самостоятельная. В ней есть свое начало (не хочу крестьянствовать – хочу воровать), свой конец (приключения героя кончаются благополучно), повторяющиеся эпизоды, из которых строится сюжет (воровство быка, воровство одежды, озорство над отцом).

В структуре всего повествования эта часть является своего рода экспозицией, началом дальнейших, более сложных приключений вора Шибарши.

Вторая часть сказки – схематичное изложение сюжета 1525 К: воры обращаются к потерпевшему с вопросом, как поделить награбленное или кому из воров взять шубу. Но здесь сознательно, как нам кажется, нарушается традиционная трактовка сюжета. Шибарша и Барма обращаются к справедливому царю Ивану Васильевичу с просьбой рассудить их, причем в этом обращении нет обычного издевательства, а Иван Васильевич не изображается обманутым простачком. Это редкий вариант сказки, в котором вопросы о том, как разделить награбленное, заданы без подтекста, без насмешки и озорства, а с единственным желанием получить справедливый ответ. Не случайно и само обращение к Ивану Васильевичу – справедливому царю.

В композиционном плане этот эпизод выполняет роль связки между двумя сюжетами – 1525 и 950 – и служит в то же время завязкой для нового круга воровских приключений.

Третья и четвертая части сказки – контаминация по тематическому признаку, присоединение сюжетов 950 и 951, которые рассказывают о воровстве царской казны, попытках царя поймать вора, совместных похождениях Ивана Васильевича и Шибарши, во время которых вор помогает раскрыть заговор против царя. Это основная часть сказки. В ней воровство Шибарши поставлено на службу царским и народным интересам. Царя и вора объединяет ненависть к боярству и духовенству. Сказка подчеркивает, что дружбу с крестьянским сыном Шибаршой царь ставит выше общественного мнения, выраженного архиереем: «Досель-де сам царь Иван Васильевич воров выискивал, а нынче-де сам с ворами знаетца»³³. За это осуждение, как говорит сказка, царь и просит Шибаршу «архиерею насмешку отсмеять», чему и посвящается пятая часть сказки. Архиерей осмеян: в мешке поднят «на небо» – на колокольню Ивана Великого, сброшен оттуда, повешен на Спасских воротах в мешке за крюк, и все прохожие его бьют. «Архиерею досталось от царя и от людей»³⁴, – замечает сказка.

В эпизоде насмешки царя над архиереем рецензировавший сказку историк И. В. Беляев увидел конкретно-исторический факт взаимоотношений Ивана Грозного с митрополитом Филиппом, который не одобрял политической линии царя и защищал опальное боярство³⁵.

А. Н. Веселовский также обратил внимание на этот факт, подчеркивая способность отдельных сказочных мотивов быть актуальными в новых исторических условиях: «Мне кажется, – писал он, – что дело идет здесь не о новой приставке, а о quasi историческом применении старого сказочного мотива... Первоначально дело шло о простой воровской проделке, лишь когда народ перенес свою сказку на царя Ивана, мотив воровства исчез и заменился новым: издевкой царя над святителем...»³⁶.

В рукописном тексте сказки уже отчетливо видны черты сказочного эпоса нового времени. В центре повествования не героический, а буднично-персонаж – вор, обыкновенный смертный, демократический герой, который полагается только на самого себя, на свой ум, свою силу, свою ловкость. Мир, в котором он живет и действует, – не воображаемый, а буднично-прозаический мир повседневной крестьянской жизни с ее заботами и радостями.

Сказка о Шибарше отличается от традиционной, классической прежде всего новым характером вымысла. Фантастику в ней заменяет нарочитое нагромождение не героических, а будничных ситуаций (воровство быка, одежды, обман отца, воровство казны и т. п.), из которых каждая сама по

себе вполне допустима и возможна, но взятые в совокупности они теряют правдоподобность.

Хотя сказка и утратила традиционное оформление, в ней продолжают действовать внутренние сказочные законы, которые и удерживают ее в рамках сказочного жанра. Обычная сказочная схема (герой совершает необычные подвиги, делает невозможное с точки зрения ординарного человека), но низведенная до степени бытовизма, сохраняется в сказке о Ловком воре.

Из традиционных сказочных приемов сказка о Шибарше в наибольшей мере сохранила систему повторений, которая в одних случаях способствует авантюристности повествования, усложняет композицию (воровство казны, воровство у царя и т. д.), а в других повторяет традиционное сказочное правило: трижды бросает Шибарша архиерея с колокольни, трижды каждый должен ударить плетью по суме, повторяется рассказ о воровстве, о том, как архиерей попал «на небо» – в мешке.

В публикациях XVIII века сказка о Ловком воре встречается пять раз.

Первые печатные тексты сказки появились в сборнике рыцарских и приключенческих «повествований» В. А. Левшина, как нам кажется, не случайно: сказка была тематически созвучна авантюрной направленности сборника и в то же время указывала на демократизацию читательских вкусов, на социальное расслоение литературы³⁷.

Народная сказка с ее плутовской тематикой успешно соперничала с рыцарскими романами, несмотря на возмущение великосветского читателя³⁸. Она звала читателей, по меткому замечанию В. Г. Короленко, из «сферы фантастических подвигов героев и рыцарей, от искусственной буколички и пасторали в сферу действительной жизни»³⁹.

В изданиях XVIII века сказка передается довольно близко к народным вариантам. В. А. Левшин, например, не «ломает» сюжет, как он это делает с другими сказками, входящими в сборник, а как бы дописывает его, делая героя выразителем просветительских идей.

В народной сказке обычно сливается воедино мировоззренческая концепция рассказчика и его героя. В литературной сказке XVIII века о Ловком воре автор и герой – два лица, и хотя первый стремится во что бы то ни стало слиться со своим героем и щеголяет кстати и некстати народными словечками (черт с тобой, черт тебя побери, стерва, пужало, робята, старая хрычовка, моя брага гуще). Он стремится вернуть при каждом удобном случае пословицы и поговорки («сколько вору ни воровать, а палачевых рук не миновать») и очень похож на тех поэтов, «которым никак не удастся закрыть свой фрак зипуном»⁴⁰.

Вор Фомка, Тимоха, Клипка появляется перед читателем то как просветитель, то как «пикаро». Вора-просветителя возмущает социальное не-

равенство, социальная несправедливость, казнокрадство: «В городе повесили крестьянина за то, что он, умирая с голоду, украл у скупого богача четверть ржи. А старый наш воевода украл у короля 30000 рублей, его только сменили с места и не велели впредь к делам определять. Но ему нужды в том нет: деньги-то остались у него...»⁴¹. Он делает критический выпад против «парламента», обличает взяточничество, сетует на отсутствие нравственного примера со стороны привилегированных классов. Вор Фомка, отправляясь на воровство государевой казны, иронически замечает: «А теперь время подражать нам старому воеводе»⁴².

Книжные тексты фольклорного происхождения в XVIII веке отличается стилизация под «словесность»: «В одной деревне жил старик. Древность его свидетельствовала лысина, в которой от долговременного ношения шапки слезли все волосы. Словом сказать, она в доме его служила ночью вместо месяца. Помощнику у себя имел он ровных лет, но разностовала она от него горбом»⁴³. В кладовой «сундуки отверзаются, мешки с деньгами восстают с ложа, лишается хозяин долголетних трудов своих»⁴⁴. В тексте широко представлены моральные сентенции типа «Воровство есть последнее и самое гнусное ремесло, каждое за собой влечет поносную смерть...»⁴⁵. Завершается произведение следующим пассажем, обнаруживающем знакомство автора с канцелярским стилем: «Неотступно, с покорностью просили крестьянина, чтобы уведомил он их, каким образом скрыл он унесенную ими из его двора свинью... уважая их неотступную просьбу, объявил он о своем обстоятельно... И воры удивлялись его хитрости и выхваляли догадку; наконец, оставив свое подлое ремесло, согласились с ним вместе жить, назывались братьями и, поженясь, жили благополучно...»⁴⁶.

Количество примеров можно бы и увеличить, но мы не ставим своей целью анализ авторского начала литературной сказки XVIII века. Если же снять с этого текста «литературные одежды», то можно составить представление о вариантах сказки о Ловком воре, типичных для устного бытования во времена Левшина.

Из народного варианта сказки о Ловком воре нам уже известны входящие в сюжет 1525 эпизоды Д (кража с отвлечением внимания), частично А (кража-задание), 1525К* (кому должна достаться шуба).

Из книжных вариантов сказки можно извлечь подробную разработку версии А – кража по заданию. Она входит как составная часть в текст сказки 1780 и 1794 годов⁴⁷. Схематично они выглядят так: 1525 Д + 1525 А. В развернутом виде текст 1780 года строится следующим образом: 1525 Д [Н+Д] + 1525 А [А(1573)] + А + 1660 + 950 + 951 В; а композиция текста 1794 года выглядит так: 613 + 1525 Д (Д + j) + 1525 А [А + А + (Р) + А + А].

Версия А (кража по заданию) представляет самостоятельное авантюрное повествование. В ней в одном случае (у Левшина) – два, а в другом – четыре («Старая погудка») подвижных эпизода, которые можно легко поменять местами или опустить, и композиция при этом не нарушится. Фомка (Левшин) и Климка («Старая погудка») должны украсть охраняемого жеребца, вола из стада, рубашку дворянина и постель из-под него, перстень с руки барышни, шкапулку, на которую неотрывно смотрят барин и слуги.

В построении сказки как системы выполнения героем определенных заданий можно усмотреть связь с традиционной волшебной сказкой, где герой, добиваясь какой-то высокой цели, совершает ряд подвигов, но черты эпоса нового времени проявляются здесь в пародийном переосмыслении традиционной схемы. В волшебной сказке персонаж, формулирующий задания, всегда знает, чего хочет от героя: женить на дочери, отдать царство – при благополучном исходе; или, давая заведомо невыполнимые поручения, – погубить своего соперника. В нашей сказке явно пародируются трудные задачи. Барин, предлагающий выкрасть у себя же жеребца, шкапулку, кольцо, рубашку, сами задания, их бесцельность, а также постоянный проигрыш барина воспринимаются как насмешка, сатира.

Каждый эпизод воровства и Фомка, и Климка «осложняют» озорством, шуткой, смеются над людской глупостью то безобидно, то зло. Остроумие и яркий комизм отличают все их проделки. Климка украл у барина коня. Но прежде чем уйти, весело посмеялся над пьяными караульщиками: тому, кто держал лошадь за ноги – дал в руки по колышку, сидящего на лошади – посадил на перекладину, у последнего оставил в руках повод, но обмотал его вокруг столба. Он украл вола, оставил караульщиков в полной уверенности, что «вол вола съел», связал девок-горничных за косы, вылил в постель барина гушу и т. д.

Версия Д, известная нам уже по народному варианту, дополнена лишь одним мотивом, ставшим своего рода общим местом в характеристике вора: дядя обучает племянника воровской ловкости (вынимает из-под сидящей в гнезде птицы яйца), ученик же срезает у учителя подметки. Этот эпизод всегда рассматривается в сказке как эталон непревзойденного воровского мастерства. В обоих текстах он не связан с последующими действиями героя.

Из двух названных вариантов сказки наибольший интерес представляет текст из «Старой погудки». В нем намечаются попытки социальной характеристики героев. Барин предупреждает Климку, что если он не сможет украсть, «то весьма строгому подвергнет себя наказанию». Он бьет конюхов, когда узнает о пропаже. «Скрывая свой гнев», требует Климку к себе

для отчета. Сказка заканчивается рассказом об убийстве барина, который захотел научиться воровать, но не научился подчиняться и делить все поровну, поэтому Клипка «господина своего отправил на тот свет без пашпорта», а сам стал наследником всего имения, «возвратился в свое селение и стал у отца своего жить честным образом, оставя все прежние плутовства и бездельничества»⁴⁸.

Вариант 1794 года, как это видно из схемы, имеет более развернутые мотивы, каждый эпизод воровства выдержан в определенной, повторяющейся последовательности: приказ украсть, согласие вора, отвлечение внимания, воровство, озорство, вор в кабаке, разговор с барином, новое задание. Каждый эпизод заканчивается диалогом: «“Украл ли ты лошадь?” – “Украл, сударь”. – “Где ж она?..” – “Продал, сударь”. – “А деньги где?” – “Пропил...”»⁴⁹.

Во всех четырех эпизодах повторяется тот же цикл действий, что и придает каждому из них относительную композиционную самостоятельность и завершенность.

В международном каталоге сказочных сюжетов С. Томпсона выделяется тематический цикл «Воры и их ученик» – 1525 Е. В русском сказочном репертуаре он также известен из публикаций XVIII века, это тексты 1780 и 1795 годов⁵⁰. Текст 1780 года: 1525 Е + 1525 К* + 1525 Е (М + НЗ + Д). Текст 1795 года: 1525 Е + 1525 К* + 1525 Е (М + НЗ + Д). Типы 1525 Н (кража друг у друга), 1525 Н1 (обучение воровству), 1525 Н2, 1525НЗ (кража окорока, свиньи у младшего вора) 1525 Н* (переодевание свиньи в женское платье) не самостоятельны, а подчинены типу 1525 Е. Оба текста почти тождественны и представляют по композиции сложное авантюрное повествование. Эти сказки – самостоятельная версия разработки темы плутовства. Краткое содержание ее таково: крестьянский сын, или Тимоня (в разных вариантах), всякому честному ремеслу предпочитает воровство и просит родителей отпустить его в учение к «ночным портным» – разбойникам. При первом же испытании Тимони на воровскую ловкость оказывается, что его учить нечему, он уже превосходит по мастерству своих учителей. Воры не хотят его отпускать, ставят перед ним ряд преград: женят на сестре, он должен суметь уберечь свинью, которую сами же должны у него украсть. Тимоня выходит победителем из этого состязания: дважды возвращает украденную свинью, получает заклад (двести рублей, сто рублей) и живет «добропорядочно» с женой в деревне.

В сказке прославляется человеческий ум, ловкость, находчивость. Простота и наивность вымысла – пьяная свинья в сарафане спит на печи, свинья мелет в жернове зерно и т. д. – придают сказке юмористический колорит. Воровство расценивается как своего рода талант, как дар свыше, как

виртуозная ловкость, как путь к достижению благополучной жизни. Представление о воровстве не как о *преступлении*, а как об *искусстве* усиливается еще тем, что Тимоне, крестьянскому сыну, удается провести не просто человека, а умелых татей.

Авантюрный характер сказки проявляется в композиции. Здесь тоже, как и в предыдущей версии, наблюдается «нанизывание» приключений героя и внутренняя завершенность эпизодов, составляющих сюжет. Полный вариант версии Е складывается из двух эпизодов, в каждом из которых от начала до конца по одному плану излагается история воровства свиньи у Тимони и остроумный способ ее возвращения. Частично ситуации, составляющие эпизод (условия спора-залога, хитрость Тимони, погоня за свиньей, обман воров), видоизменяются в другом эпизоде, но схема остается прежней. Например, стараясь уберечь свинью от воров, в первом эпизоде Тимоня поит ее вином, надевает на нее сарафан, укладывает спать на печи; во втором эпизоде, вновь оберегая свинью, Тимоня ставит ее в женской одежде к жернову. Из эпизода в эпизод переносится без изменения способ «узнавания»: воры голосом мужа спрашивают у жены, где свинья.

По совокупности идейно-тематических и композиционных особенностей сказки этой версии можно определить как бытовые, авантюрные. Мы предполагаем, что композиционный рисунок (1525 Е + 1525 К* + 1525 Е [М + НЗ + Д + М + НЗ]) оформился в период начавшейся циклизации сказок, анекдотов, новелл вокруг нового героя сказочного эпоса – Ловкого вора.

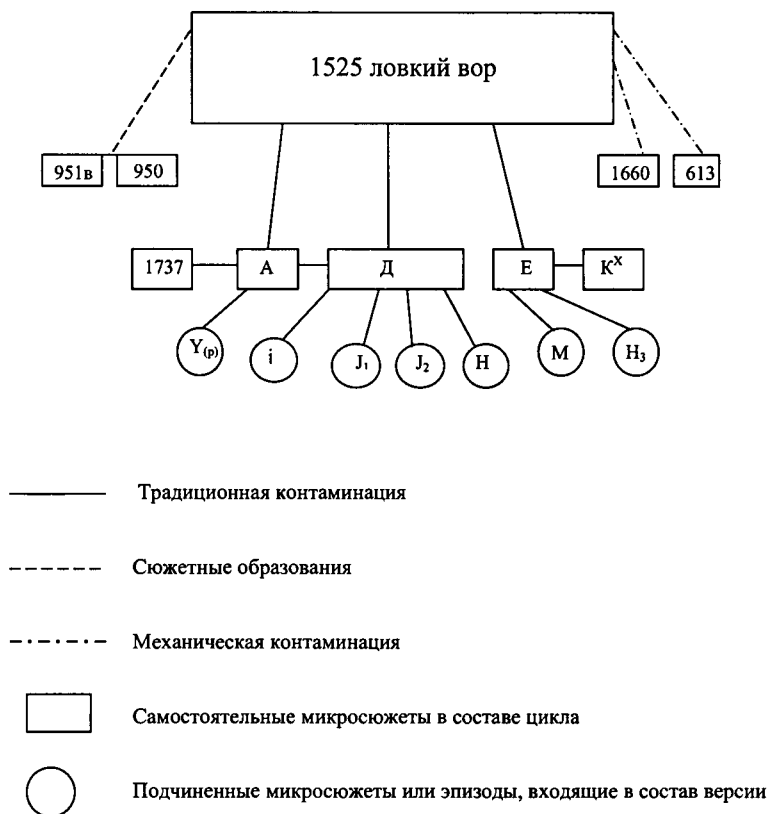
В составе сказочного цикла XVIII века в четырех из шести известных нам вариантов в качестве микросюжета выступает тип 1525 К*. (Кому должна достаться шуба?)⁵¹. Если взять этот сюжет обособленно, то он подходит под жанровые признаки анекдотов на тему о незадачливых людях, помогающих себя же обворовать.

В XVIII веке сюжет был известен в двух разновидностях. Воры обкрадывают барина, господина, архимандрита и не могут поделить шубы. Ловкий вор под видом сказки рассказывает историю воровства и спрашивает, кому же должна достаться шуба. Этот сюжет получил номер 1525 К. Сюда же можно отнести варианты, где мотив воровства пропущен, а все рискованное предприятие (влезание в окно к спящему господину, подмена сказочника, разговор с засыпающим барином и т. д.) проводится лишь с целью получить совет, как поделить добычу, кому из двух – мошеннику или вору – владеть женой и домом⁵².

Вторая разновидность сказки – воровство с барской, господской помощью. Сонный барин, принимая вора за дворецкого, отвечает на его вопросы (Где ключи от кладовой? Где шуба на собольем меху?)⁵³.

Функции сюжета 1525 К* в составе сказочного цикла XVIII века во всех случаях однотипны. Он выполняет функцию испытания воровской ловкости и находчивости, он предваряет цепь дальнейших, более сложных приключений героя.

Структуру сказочного цикла о Ловком воре, типичную для XVIII века, можно для большей наглядности изобразить в виде схемы.

Цифровые и буквенные обозначения сюжетов и мотивов по «Сравнительному указателю сюжетов» и по «Указателю» С. Томпсона. 1525: А – Ловкий вор показывает свое искусство; Д – Ловкий вор обманывает прохожих (сообщников); Е – Воры и их ученик; *1525 I = 1525 К* – Кому должна достаться шуба; 1525 В* = 1528 I – Нужда; 1525 II – Кража под песню; Р** – Кража одежды; Н* – Кража овцы (животное одето в женское платье); С – Проезжие смотрят на человека, уходящего на дороге; *С I – ловкий вор обманывает прохожих; j, j₁, j₂ – выделяются С. Томпсоном как разновидности обмана; H₂ – Обучение воровству; H₃ – Кража окоро-

ка, свиньи у младшего вора; 300 – Победитель змея; 325 – Хитрая наука; 613 – Правда и Кривда; 664 А*, 664 В* – Морока; 700 – Мальчик с пальчик; 801 – Сапожник на небе; 950 – Дядя и племянник; 951 В – Царь и вор; 1045 – Угроза морщить озеро веревкой; 1063 – Кто дальше бросит дубину; 1072 – Состязание в беге; 1074 – Бег вперегонки; 1084 – Кто громче свистнет; 1130 – Шляпа (мешок) денег; 1381 – Жена-доказчица; 1528 – Сокол под шляпой; 1535 – Дорогая кожа; 1537 – Мертвое тело; 1539 – Шут; 1537* – Работник ссорит всю семью; 1626 – Кому достанется еда; 1660 = 1534 – «Шемакин суд»; 1736 – Скупой поп и работник; 1737 – Поп в мешке; 1740 – Свечи на спинах раков; 1775 – Голодный поп (барин) на ночлеге.

Как видно из схемы, в XVIII в. процесс образования цикла еще, по-видимому, не закончился, внутренние связи и логика движения сюжета не всегда оправданы.

Внутри цикла существует три типа связей.

Первый из них – связи внутренние, образующие самостоятельные версии внутри цикла: А (кража-задание), Д (кража быка и обман соучастников), Е (воры и их ученик). Причем версии А и Д очень близки между собой. И хотя в XVIII веке они еще разграничиваются, существует тенденция к их сближению: их связывает один тип героя – это ловкач и озорник. Не нажива, а риск определяют его поступки. Он тяготеет к приключениям ради самих приключений. Его можно назвать, используя термин В. В. Кожинова, «социальным озорником». Идейной близостью героев объясняется объединение версий А и Д в составе сложного авантюрного повествования.

Версия Д еще не утратила жанровой самостоятельности: она входит в состав цикла со своим кругом эпизодов и мотивов. Вокруг стержневого эпизода Д группируются побочные, рисующие определенные ситуации. Спайка стержневого и побочных мотивов представляет собой устойчивую единицу сказочного повествования: во всех вариантах XVIII века этот комплекс повторяется в полном или сокращенном виде (Д – Н; Д – j). Но тип А группирует вокруг себя и отдельные эпизоды, и отдельные микросюжеты по типу заданий. Например, задание украсть коня раскрывается через стабильные эпизоды обмана, отвлечения внимания стражи и озорства, насмешки; задание украсть вола раскрывается через эпизод, который условно можно назвать «Вол вола съел» – (Р), а задание «отсмеять архиерею насмешку» раскрывается не через эпизод, а через самостоятельный сюжет – 1737 (поп в мешке поднимается на небо), который подчинен идее цикла.

Функция микросюжетов в версии А следующая: функция микросюжета «Д» – функция предварительного испытания, он выполняет роль начальной ситуации, а в композиционном плане – завязки. Начальная ситуация ставит условием доказательство от противного: не сделать того-то. В наших вариантах – не украсть быка. Спор – лейтмотив этой части – переходит и в следующие.

Микросюжет А составляет основную часть сказки и выполняет функцию трудных задач. Круг задач версии А: задание украсть у дворянина рубашку, лошадь, перстень, архиерея, королевскую казну – имеет два типа мотивов: а) сомнения в ловкости; б) спасение от наказания.

Решение задач реализуется через определенные ситуации: задача украсть коня – через обман стражи (незаметно подсовывается вино, пьяная стража спит, вор привязывает охранников к перекладине, доске и т. д.). Задача украсть перстень – через обман барина и барыни. Задача украсть рубашку – через отвлечение внимания (в постель выливается гуща, дворянин сам снимает рубашку, выбрасывает ее) и т. д.

Развязка обычно констатирует положительный результат испытаний. Но судьба героя остается как бы открытой, незавершенной. Вторая самостоятельная версия внутри авантюрного цикла – версия Е. Ей соответствует другой тип героя. Это тоже вор, но воровство для него – не «социальное озорство», не средство обрести частную судьбу, а способ достижения материального благополучия. Это – вор-накопитель. Стремление к благополучному концу сближает его с традиционным сказочным героем. Версия Е повторяется в записях XVIII века два раза, в устойчивом обрамлении эпизодов и контаминаций. Этот цикл состоит из двух частей: 1) начальная, в основе которой мотив спора или выбора профессии (младший сын не хочет работать – хочет воровать); в ней очень слабо звучит мотив запрета и более подробно развивается тема испытания воровской ловкости (тип 1525 К*); 2) основная часть – трудные задачи и их выполнение. Система трудных задач строится по типу спора-залога, с повторной системой эпизодов: Е М + НЗ + Д + М + НЗ (спор – задание украсть свинью).

Кроме того, существуют связи, которые можно назвать механическими. Они не соответствуют внутренней логике сюжета, а лишь внешне осложняют его. В составе цикла XVIII века это тип 1660 (Шемякин суд) и 613 (Правда и Кривда).

Материал XVIII века не позволяет делать какие-либо далеко идущие выводы. Для этого необходимо сопоставить его с текстами других периодов. Но наблюдения над структурой цикла позволяют предположить, что в XVIII веке цикл переживал начальную продуктивную стадию формирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. – Л., 1929. – С. 80 – 90; Указатель сюжетов: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. – Т. 3. – М., 1957. – С. 491 – 192; Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. И. Березовский, К. П. Калашников, Н. В. Новиков. – Л., 1979 (далее УСВС).
- ² Thompson St. The Types of Folktale. A classification and bibliography. – Helsinki, 1961.
- ³ Аникин В. П. Русская народная сказка. – М., 1959. – С. 211; Его же: Русская народная сказка. – М., 1977. – С. 186 – 187; Чичеров В. И. Русское народное творчество. – М., 1959. – С. 198 – 302.
- ⁴ УСВС. – С. 305 – 309.
- ⁵ Геродот. История: В девяти книгах / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. – Л., 1972. – С. 116 – 118.
- ⁶ Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. – М., 1963. – С. 32.
- ⁷ Там же. – С. 57.
- ⁸ Савченко С. В. Русская народная сказка. – Киев, 1914. – С. 380 – 384.
- ⁹ Cosuin Em. Contes Populaires de Lorraine. – Т. 11. – Paris, 1886. – P. 275 – 280.
- ¹⁰ Горький А. М. Собр. соч.: В 30-ти томах. – Т. 17. – М., 1953. – С. 306.
- ¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 3. – М., 1955. – С. 77 – 78.
- ¹² Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. – М., 1953. – С. 113.
- ¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 12. – М., 1958. – С. 709 – 710.
- ¹⁴ Кеттл А. Введение в историю английского романа. – М., 1966. – С. 37 – 38.
- ¹⁵ Тикнор Д. История испанской литературы. – Т. 3. – М., 1891. – С. 87.
- ¹⁶ Реузов Б. Г. Итальянская литература XVIII в. – Л., 1966. – С. 18 – 19.
- ¹⁷ Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI – XVII веков. – Т. 1. – Вып. 1. – Л., 1928. – С. 169.
- ¹⁸ Белецкий А. И. Украинская литература XVIII в. // Литературная энциклопедия. – Т. 11. – М., 1939. – С. 541.
- ¹⁹ Карский Е. Ф. Рецензия на сборник П. В. Шейна «Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края». – Т. 2. – СПб., 1893 // Журнал Министерства народного просвещения. – 1884. – С. 434 – 450.
- ²⁰ Адрианова-Перетц В. П. Фольклорные сюжеты стихотворных жарт XVIII в. // Из истории русских литературных отношений XVIII – XX веков. – М.; Л., 1956. – С. 44 – 51.
- ²¹ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. – М.; Л., 1958. – С. 124.
- ²² Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В тринадцати томах. – Т. 5. – М., 1954. – С. 438 – 439.
- ²³ Русская повесть XVII века. – Л., 1954. – С. 470.
- ²⁴ О циклизации как более высокой ступени художественного развития народного творчества писал А. Н. Веселовский. См.: Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – Л., 1940. – С. 504. Этот же вопрос интересно рассматривается Ю. Смирновым. См.: Смирнов Ю. Славянская эпическая общность: Изменчивость уровней эпики // Советское славяноведение. – 1967. – № 6. – С. 27 – 39.
- ²⁵ Кожин В. В. Происхождение романа. – М., 1963. – С. 86.
- ²⁶ Левшин В. А. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях. Сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывания в памяти. Приключения. – Ч. 2. – М., 1780. – С. 2 – 24, 32 – 53; Похождения некоторого россиянина. Истинная повесть, им самим написанная. – Ч. 2. – М., 1790. – С. 35 – 45; Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. – Ч. 1. – М., 1795. – С. 3 – 26; Ч. 3. – С. 19 – 34.
- ²⁷ В 1775 г. в русском переводе появился роман «Жизнь Лазарильо с Тормеса», в 1771 – «Подлинное описание жизни французского мошенника Картуша» – в переводе М. Неелова;

в 1781 – «Похождения ожившего нового увеселительного и великого в делах любовных плута и шута Совестдрала, большого носа», перевод немецкого романа о проделках Уленшпигеля. В XVIII в. также были переведены на русский язык Сервантес, Дефо, Прево, Скаррон, Свифт, Фильдинг, Ричардсон, Лесаж, Стерн, Вольтер, Руссо, сборник арабских сказок «Тысяча и одна ночь» и др. Из оригинальных произведений можно назвать романы «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда» Ф. Эмина и «Пригожая повариха» М. Чулкова, «Похождение Ивана – гостинного сына» И. Новикова, «Обстоятельную и верную историю российского мошенника, славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, со всеми его сысками, розысками, сумасбродною свадьбою и разными забавными его песнями и его сотоварищей» М. Комарова.

²⁸ Русский архив. – 1863. – С. 444 – 442. Один из эпизодов, входящих в состав цикла, встречается также в архиве Тайной канцелярии за 1754 год: Живая старина. – 1903. – № 1 – 2. – С. 225 – 227.

²⁹ Русский архив. – 1863. – С. 451.

³⁰ Там же. – С. 449.

³¹ Квадратные скобки показывают, из каких микросюжетов складывается сказка. Мы используем буквенное обозначение, принятое в международном указателе С. Томпсона. За некоторыми исключениями, специально оговоренными, они соответствуют обозначениям русского «Указателя» Н. П. Андреева.

³² Аналогичный процесс происходит и в эпосе. Ю. Смирнов в указанной выше статье пишет, что при циклизации эпоса происходит «притягивание к имени или событию песен различной жанровой принадлежности».

³³ В самостоятельные типы № № 1525j1, 1525j2 выделяются Томпсоном. Самостоятельность их для русского репертуара не характерна.

³⁴ Русский архив. – 1863. – С. 449.

³⁵ Там же. – С. 450.

³⁶ Митрополит Филипп – из рода бояр Колычевых, принимавших активное участие в придворных интригах, стал митрополитом при Иване Грозном по настойчивой просьбе царя. Филипп не был согласен с политической линией Ивана, противопоставлял ей христианские абстрактно-гуманистические доводы, защищал опальных удельных князей. Впал в немилость, был сослан в Тверской Отроча монастырь, где в 1569 г. был, по преданию, задушен Малютой Скуратовым.

³⁷ Веселовский А. Н. Сказки об Иване Грозном // Древняя и новая Россия. – 1876. – Т. 1. – С. 318 – 319.

³⁸ Характеристику литературной жизни этого периода см.: Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. – Т. 1. – Вып. I. – СПб., 1909. – С. 625 – 643, 870 – 877; Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. – М., 1960. – С. 374 – 400; Кузьмин А. И. К истории переводного плутовского романа в России XVIII века // Роль и значение русской литературы XVIII века в истории русской культуры. – М.; Л., 1966. – С. 194 – 199; Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. – Л., 1938; Русская литература XVIII века и славянские литературы: Исследования и материалы. – М.; Л., 1963. – С. 5 – 39; Елеонский С. Ф. К вопросу о взаимосвязях народного творчества и литературы в XVIII в. // Уч. зап. Московского городского пед. ин-та им. В. П. Потемкина. – Т. 48. – Вып. 5. – М., 1955. – С. 81 – 103; Кожин В. В. Происхождение романа. – М., 1963.

³⁹ Петербургский вестник. – 1781. – Апрель. – С. 293.

⁴⁰ Короленко В. Г. Лосарильо из Тормес, его удачи и неудачи // Короленко В. Г. О литературе. – М., 1957. – С. 314.

⁴¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В тринадцати томах. – Т. 8. – М., 1955. – С. 457.

⁴² Левшин В. А. Русские сказки... – Ч. 2. – С. 33.

⁴³ Там же. – С. 43.

⁴⁴ Там же. – С. 2, 8.

⁴⁵ Старая погудка... – Ч. 3. – С. 21, 20, 27, 34.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Старая погудка... – Ч. 3. – С. 34.

⁴⁸ Левшин В. А. Русские сказки... – Ч. 2. – С. 32 – 53.

⁴⁹ Старая погудка... – Ч. 1. – С. 3 – 26.

⁵⁰ Старая погудка... – Ч. 3. – С. 15, 26.

⁵¹ Левшин В. А. Русские сказки... – Ч. 2. – С. 2 – 24; Старая погудка... – Ч. 3. – С. 19 – 24.

⁵² Русский архив. – 1863. – С. 444 – 452; Левшин В. А. Русские сказки... – Ч. 2. – С. 2 – 24; Похождения некоторого россиянина... – С. 35 – 45; Старая погудка... – Ч. 3. – С. 19 – 34.

⁵³ Похождения некоторого россиянина... – С. 35 – 45; Русский архив. – 1863. – С. 317; Левшин В. А. Русские сказки... – Ч. 2. – С. 2 – 24; Старая погудка... – Ч. 3. – С. 19 – 34.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СЮЖЕТА СКАЗКИ О ПОПЕ В КОЗЛИНОЙ ШКУРЕ

Сказка о попе в козлиной шкуре широко представлена в международном репертуаре. В каталоге сказочных сюжетов Томсона (1961)¹ указывается на бытование ее у шведов, финнов, эстонцев, латышей, немцев, русских, украинцев, греков. Этот список можно продолжить ссылками на белорусские, польские, болгарские варианты².

«Нечестивый священник хочет завладеть деньгами, найденными бедняком. Он надевает шкуру козла, принимает облик дьявола, пугает бедняка и получает деньги. Но, придя домой, не может снять шкуры»³, – так выглядит сюжетная схема сказки, известная восточноевропейским народам,

В этой статье ставится задача дать историко-литературный анализ сказочного сюжета (831) на текстах русских, украинских и белорусских сказок.

Опираясь на материалы, имеющиеся в нашем распоряжении⁴, можно выделить три этапа в литературной истории этой сказки: 1) первые свидетельства о бытовании сюжета – 20-е годы XIX века; 2) 50 – 90-е годы XIX века, когда появляются первые фольклорные записи и литературные обработки сюжета, и, наконец, 3) записи советского времени и новые литературные обработки.

По остроумному выражению украинского фольклориста М. Дрогоманова, сказка о попе в козлиной шкуре имеет «курьезную полицейскую историю»⁵. Пожалуй, ни одна сказка не производила такой сенсации, как эта. Вот что рассказывают современники-очевидцы: поэт-баснописец А. Е. Измайлов, декабрист Д. И. Завалишин, цензор О. А. Пржецлавский.

В середине октября 1825 года в Петербурге разнесся слух, что из какого-то малороссийского уезда привезли попа с рогами. Он надел козлиную шкуру, чтоб отнять у бедняка деньги, но она приросла к телу. Попа приво-

зят, якобы, в Петербург, в Александро-Невскую лавру и каждое утро водят на покаяние в Казанский собор. Весь Петербург поверил этому рассказу, и тысячи любопытных стояли по всей дороге от лавры до собора. «Жилище митрополита осаждаемо было десятками пышных карет», – рассказывает цензор Пржецлавский. Все: и чернь, и знать – хотели увидеть рогатого попа. «Не знаю, – продолжает Пржецлавский, – как монастырь избавился от каретных посетителей и посетительниц, но с пешею толпой полиция разделалась бесцеремонно. Когда после многих увещаний народ все не расходился, домогался рогатого попа, то привезли пожарные трубы и стали обливать... Поп с рогами канул в воду»⁶.

«Хотели, как носился слух, – пишет об этом вымышленном персонаже А. Е. Измайлов, – водить [его] по улицам и отчитывать в Казанском соборе... На площади, у знамения, у Невского монастыря собирается народ толпами, полиция разгоняет чернь водою...»⁷.

Д. И. Завалишин, который сам ходил к Казанскому собору, сообщает: «Произведено было следствие, по окончании которого дело было будто бы передано из местной консистории в Синод и вследствие этого разнеслось известие о нем и в Петербурге, с прибавлением, что и самого попа привезли, тогда как прислано было только дело о нем»⁸.

На основании этих сведений мы можем представить круг мотивов, которые составляли сказочный сюжет не дошедших до нас фольклорских текстов: 1) у бедняка умирает кто-то из близких; 2) поп не хоронит покойника без денег; 3) крестьянин решает сам похоронить родственника; 4) бедняк, копая могилу, находит клад; 5) поп за деньги хоронит покойника по закону; 6) поп завидует мужицкому богатству; 7) крестьянин рассказывает попу, как нашел клад; 8) поп убивает козла и решает испугать мужика; 9) поп в шкуре козла под окном у мужика; 10) поп называется чертом; 11) испугавшийся мужик отдает клад; 12) поп, вернувшись домой, не может снять шкуры; 13) попа везут к духовному начальству в Петербург; 14) попа водят по улицам и отчитывают в соборе.

Такая сюжетная канва намечается из наиболее достоверно датированного свидетельства – письма А. Е. Измайлова П. Л. Яковлеву от 25 сентября 1825 г.⁹ Эта канва совпадает и с другими версиями очевидцев, с той лишь разницей, что каждый рассказчик по-разному относится к излагаемым фактам, по-своему их осмысливает. «Вот божеское наказание!» – восклицает А. Е. Измайлов по поводу того, что поп не может снять шкуры козла. А. С. Шишков серьезно заявляет: поп нарядился «для совершения неистовства в козью с рогами шкуру, которая тотчас же к нему приросла»¹⁰. Верили в реальность подобного наказания и массы, которые, по словам цензора Пржецлавского, «домогались попа с рогами». Д. Завалишин сви-

детельствует, что толпа кричала сдерживающим ее полицейским: «сам видел попа с рогами, а не хочешь, чтоб и другие посмотрели».

Большинство современников не сомневалось не только в подлинности факта, но и в «божеском наказании» в виде прирастания шкуры. Однако существовала и противоположная точка зрения, сторонники которой убеждены были в переодевании попа и не верили, что шкура может прирасти. Впервые это высказал поэт А. Полежаев: «Бедный ты невежда! Исчезла вся твоя надежда: сырое липнет на сухом»¹¹.

Более обстоятельно развивает эту мысль Д. Завалишин, пытаясь осмыслить факт реально. Он высказывает ряд предположений, почему шкура не снялась: «От жары, пота и теплоты сырая и липкая кожа козла в течение довольно продолжительного времени, когда он спал и ходил, присохла к волосам и телу, и скинуть ее вдруг, не отмочивши, было невозможно... Поп и попадья решили, что это наказание божье, взвыли и разбудили тем домашних».

Степень вероятности факта оценивается по-разному, потому что каждый рассказчик передает услышанное в соответствии со своим мировоззрением. Из этого, кажется нам, необходимо исходить в объяснении различной жанровой природы данного фольклорного текста, который бытует и как стихотворная сказка легендарного характера, и как бывальщина, и как анекдот, и как бытовая сатирическая сказка.

Из свидетельства очевидцев известно, что в 20-х годах XIX века рассказ о попе в козлиной шкуре принадлежал к числу популярнейших. Можно предположить, что популярности его способствовал какой-то факт, имевший место в жизни. С точки зрения истории развития сюжета это дает нам возможность проследить действие законов сказочной поэтики. «Сказка не всегда возникала как сказка, — утверждает немецкий фольклорист А. Весельский, — а часто становилась сказкой, преодолевая пространство и время»¹². Можно предполагать, что перед нами образец именно такой сказки.

Сенсация, вызванная рассказами о попе в козлиной шкуре, не могла пройти бесследно. Она вызвала массу откликов, оценок, мнений о том, кто создал сказку. На это интересно обратить внимание, так как социальные симпатии и антипатии несомненно влияют на освещение фактов, на их идейную трактовку.

Представители господствующих классов и официальные круги восприняли сказку как что-то чуждое, враждебное, объясняя ее популярность «нелепостью вымысла» и «буйным духом» времени.

Вот наиболее типичные мнения о причинах появления сказки в обществе: «Сказывают, будто мошенники и выдумали эту сказку для своей пользы!» (А. Е. Измайлов); «Мошенники воспользовались слышанною ими

историю, чтобы возбудить, волнения и сборища для своих целей» (Д. И. Завалишин).

Официальные круги больше устраивало такое объяснение: «Басня о попе-рогоносце туманила Петербург за два месяца до 14 декабря 1825 г. Слышно было, будто бы из следствия о декабристах открылось, что они пустили ее в оборот для испытания легковерия народа, который, как войско, они замыслили морочить другими выдуманнами ими нелепостями»¹³.

Эта версия держалась долго. В 1902 году ее повторил казанский профессор Е. Бобров: «Нельзя с уверенностью заключить, изобрел ли эту басню кто-либо из декабристов сам, или же, воспользовавшись уже готовым народным преданием, пустил его в качестве пробного шара в оборот»¹⁴.

«Общее тревожное состояние духа», по свидетельству Д. Завалишина, заставляло правительство придать серьезное значение всей этой истории, «едва было не произведшей сцен насилия со стороны народа и насильственного подавления готовящегося бунта». Сейчас трудно ответить на вопрос, кто разнес эти слухи в Петербурге. Очевидно одно, что причина популярности сказки заключается не в «нелепости вымысла» и не в крайнем суеверии русского народа, который, по мнению М. Бакунина, в небылицах, подобных «Рогатому попу», стремился дать пищу своим стремлениям¹⁵. Тяжелое положение народных масс, назревающая революционная ситуация, или, по характеристике А. С. Шишкова, «буйный дух времени, который проявлялся частично в распространении раскола, в неуважении к духовенству» – вот, на наш взгляд; условия, способствовавшие популярности сказки, делавшие ее созвучной настроению масс.

Сказка эта была, очевидно, известна не только в невинных пересказах Измайлова и Завалишина, но и в текстах, близких к поэме поэта А. Полежаева «Иман-козел», где под восточным колоритом скрыта острая политическая проблематика. Не случайно «правительство и его отдельные представители... живо воспринимали все эти слухи, придавали им преувеличенное значение и готовы были из-за пустяков приводить в действие всю сложную административную машину того времени»¹⁶.

Все русские источники 20-х годов XIX века, несмотря на сказочную сенсацию в Петербурге, родиной легенды называют Украину: «В половине октября 1825 года в Петербурге разнесся слух, что из какого-то малороссийского уезда привезли попа с козлиной головой и рогами» (Пржецлавский); «В одной из юго-западных губерний жили в селе старик со старухой» (Д. И. Завалишин).

Но не только сказочная география убеждает нас в том, что передатчик текста – Украина. История появления сказки на Украине очень убедительно изложена М. Левченко и статье «Вірша про Кирика як антиправославний уніатський витвір»¹⁷.

Сатира возникла в 20-х годах XIX века на Волыни. В этом убеждает топография сюжета, которая в украинских текстах очень устойчива: Овруцкий повит, местечко Аннополь, являвшееся резиденцией православного архиерея в 1821 году, Житомир – губернский город, Почаев с униатско-базилянским монастырем¹⁸.

Обратимся к украинским текстам сказки: попа ведут в Житомир, в губернское правление, оттуда в Почаев, в униатский монастырь, а потом за разрешением к архиерею в Аннополь. Сопоставляя реальную топографию, хронологию и сказку легко прийти к выводу, что украинские варианты возникли не раньше 1821 года.

По мнению М. Левченко, сказку сложили униаты, враги православия, воспользовавшись конкретным фактом, бывшим в Волыни. М. Левченко считает даже достоверной фамилию священника – Корчевский, которая закрепились в виршах. Униатский текст антиправославной сатиры носил стихотворный книжный характер, он пелся под бандуру.

В том, что антиправославная сатира могла быть сочинена униатами в целях агитационных, убеждают и другие источники. Историк В. Я. Шульгин в статье «Юго-западный край»¹⁹ подчеркивает, что католичество преобладало в губерниях Киевской, Подольской и особенно Волынской.

Между православным и католическим духовенством шла постоянная борьба за сферы господства. Православное духовенство уступало католическому в активности. «Влияние ксендзов, – отмечает В. Я. Шульгин – на умы прихожан несравнимо сильнее влияния православных священников в своем приходе». Проводя значительную работу по приобщению православных к католичеству, они обращали особое внимание на форму и характер проповеди. В целях борьбы и была сложена вирша-сатира, в которой жадный православный поп противопоставлялся доброму попу-католику.

Близким к антиправославной униатской сатире можно считать текст А. И. Дыминского (1850), в котором хорошо сохранилась не только униатская терминология, но и тенденция к восхвалению польского господства, прославление Почаевского монастыря и католической веры.

С Украины рассказ о попе с рогами попал в Россию. «Задолго еще до соборща у Казанского и под Невским вся история попа с рогами рассказывалась... на разные лады в Петербурге, вследствие сообщения письмами или приезжими из того места, где действительно случилось описанное выше происшествие. Об этом вспоминали многие, слышавшие рассказы до упомянутых соборщ... Рассказы об этом приключении были разнообразны», – свидетельствует Д. И. Завалишин.

Если мы предположим, что текст А. Дыминского хотя бы отдаленно напоминает униатскую антиправославную виршу, то мы увидим ее конс-

пективное изложение уже в письме А. Е. Измайлова. Конечно, в тексте произошли значительные изменения: исчезли униатские тенденции противопоставления «благочестивых» (православных) и «правоверных» (католиков), униатские святые заменяются православными, русскими – Александром-Невской лаврой и Казанским собором, где поп должен освободиться от шкуры.

Ранние передатчики сказочного текста сосредоточивают внимание слушателей на размышлениях, связанных с переодеванием попа в шкуру козла, на том, как мог христианин назваться чертом, а не на том, как поп смел обмануть бедняка, отнять у него деньги. В их трактовке наказание попа – следствие нарушения норм христианской морали: бог наказывает за отречение от него. Предполагается в то же время, что после покаяния бог простит великого грешника, показав, таким образом, свою силу и великодушие.

Была известна уже в те годы и другая трактовка сказочного сюжета в поэме А. И. Полежаева «Иман-козел», которая настаивала на закономерности и неизбежности наказания «злодеев», отклоняла компромиссный конец в виде покаяния. Прощенья от народа не будет – такой смысл вкладывал Полежаев в строки поэмы:

«Теперь он боле не иман;
Его на петлю, на аркан! –
Кричал народ ожестченный. –
Пускай во все концы вселенной
Пройдет правдивая молва,
Что *так* за гнусные дела
У нас карают всех злодеев»²⁰.

Сейчас трудно судить об истории создания поэмы, хотя мы можем утверждать, что Полежаев был знаком с вариантами сказки и основные моменты сюжета передал точно. Трудно судить и о степени популярности поэмы, о влиянии ее на сказку, чтобы со всей определенностью заявлять, что именно она дала сатирическую антирелигиозную окраску сюжета.

Художественная жизнь сказки о попе в козлиной шкуре представляется нам очень сложной: она испытывала на себе влияние разных источников, различных общественных групп: униатская антипрапославная вирша, рассказы морального плана, литературная обработка бунтарски настроенного поэта и, наконец, традиции народной сказки – все это даст сложное сочетание и переплетение мотивов, влияет на сюжет, определяет поэтику сказки.

Первые фольклорные записи сказки на Украине, в России и Белоруссии, сделанные в крестьянской среде, появились во второй половине

XIX века. Количество этих записей явно не соответствует степени популярности сюжета²¹, потому что власти противодействовали появлению в печати таких произведений народного творчества. В царском распоряжении по цензуре от 24 апреля 1853 года говорилось: «Отклонить на будущее время пропуск цензурою таких народных преданий... которые нарушают добрые нравы и которыми может быть дан повод к легкомысленному или превратному суждению о предметах священных и которые сохранить в народной памяти через печать нет никакой пользы»²².

Поэтому, когда украинский историк Ю. Кулиш в 1857 году включил в свои «Заметки о Южной Руси» текст сказки о попе в козлиной шкуре, цензура этот текст исключила, несмотря на пояснение автора книги, что это «баллада из времен унии» и что народ плохо относился к униатским священникам, считая их орудием иезуитов²³.

Белорусский фольклорист Е. Р. Романов пишет, что встречал в своей собирательской практике случаи, когда сказочники отказывались говорить подобные сказки: «Причиною этому, как я узнал, было то, что где-то урядник составил из-за такой сказки полицейский акт»²⁴.

Запрещаемая властями и цензурой сказка хорошо была известна в устных рассказах и в рукописях. М. Левченко утверждает, что исключенный цензурой вариант из книги Ю. Кулиша был известен многим в рукописи. Нельзя не верить и Д. И. Завалишину, который в заметке о рукописной литературе в 20-х годах XIX века пишет: «Чем сильнее была стеснена цензурою гласность, тем сильнее развивалась рукописная литература... главный разряд составляли, конечно, политические и сатирические произведения»²⁵.

Во второй половине XIX века сказка явилась своеобразной реакцией протеста крестьянства против угнетения, против несправедливости. Сила и слабость крестьянской массы, которая, по словам В. И. Ленина, «в своей ненависти недостаточно сознательна, в своей борьбе непоследовательна, в своих поисках лучшей жизни ограничена узкими пределами»²⁶, – отчетливо звучит в сказках этих лет.

«Жадный несовестливый поп», «гладкая алчущая попадья», поп, которого водят по деревням в назидание другим попам, к которому в наказание прирастает шкура, – в этих оценках слышны ненависть и гнев народа, жажда торжества над классовым врагом.

В этих же сказках мы можем найти подтверждение ограниченности, узости крестьянского мировоззрения, нечеткости политической программы; наивна вера крестьян в помощь свыше – клад послан за терпение; «несовестливому, жадному» попу противопоставляется высшее духовенство; освобождение от шкуры – результат вымоленного прощения.

Историко-бытовые подробности дают объяснение движению и изменению сюжета, без них мы не сможем понять причину обновления мотивов и других явлений в художественной жизни сказки.

Фольклорные тексты второй половины XIX в. в основном повторяют раннюю сюжетную схему, но ставить между ними знак равенства нельзя.

Мы не можем согласиться с И. П. Лупановой²⁷, которая считает сюжетную схему, вырисовывающуюся из письма Измайлова, «совершенно тождественной с известными устными вариантами». Нам это кажется неправомерным, прежде всего потому, что в первом случае перед нами образчик эпистолярного стиля, а во втором – настоящая народная сказка. Кроме того, это тексты из разных социальных источников, из разных эпох.

В записанных во второй половине XIX века сказках – русских, украинских, белорусских – внимание сосредоточено на взаимоотношениях бедняка и попа, на социальном конфликте В дореформенный и пореформенный период именно эта проблема была самой актуальной для крестьянина.

И в рассматриваемых текстах особое внимание уделяется описанию бедственного положения мужика, вызывается сочувствие к нему, подробно обрисован поп в обращении с крестьянином и т. д.

Картины жизни русской, украинской и белорусской деревни можно наглядно представить из этих описаний.

Украинская сказка рассказывает:

«Помилуй мя, честный отче:
померла дітина самое в жнива,
в рабочий час.
Превелика біда, що нема в мене,
понотче, ні соли, ні хліба.
Прошу Вас, честный отче, дітину сховайте,
а що маю плати дати – до весни чекайте». –
А згрізнувся піп на Кирика, тупнувши ногою:
«Ах, ти, – каже – плут, п'яниця! Я тебе слугою?
Нема в тебе чим платити, а лінив робити?
От хоч би пішов до мене днів на п'ять косити,
а жінка нехай би на лан ішла жита жать.
Ніж би я мав тоді плати до вісny чекати». –
«Ні, панотче! – каже Кирик, – сей час не надовго;
чоловік я одинокий, не має в дворі нікого.
Треба й хліба зробити й панщину отбути,
щоб іще і перед паном ледащом не бути...» –
«Ах, ти, – каже, – плут, п'яниця, в вас німа й,
не буде! Щоб ви усі згинули, ледачіі люди!
Пишов, геть з моеї хати...»²⁸.

Подобную же картину можно увидеть и в белорусских сказках, и в русских:

«“Ты мне перш прынеси дзесяць злотых і павасьмінку аўса...” – “Нема, – каа – бацюшко, у мене ні аўса, ні грошэй.” И давай прасиць, каб поп паха-ваў дзиця так, а што... ён ужэ потым атробиць. Куды там! Поп не хочэ и слухаць»²⁹; «Сказано тебе, старый хрен, чтоб без денег не приходил!»³⁰

В этот период происходит, на наш взгляд, идейное обновление сказки. Оно проявляется не только во введении реальных картин крестьянского быта, но и в иной трактовке мотива наказания попа. Эти изменения в сюжете следует связывать с косвенным отражением роста классовых противоречий в деревне, сказка как бы приспосабливается к новым культурно-историческим условиям, причем не передний план выступают особенности, обусловленные исторической жизнью каждой нации.

Сказки украинские отличаются от русских и белорусских по форме и частично по идейному звучанию. Белорусские сказки, как свидетельствует Л. Г. Бараг, по своим стилистическим особенностям «примыкают прежде всего к русскому сказочному материалу»³¹.

На Украине сказка о рогатом попе пользовалась большой популярностью. Ее варианты просматриваются с первой записи краоведа-самоучки А. И. Дыминского (1850) до 1911 года³². Известны стихотворные и прозаические варианты. Предполагают, что сказка сначала бытовала на правобережной Украине, а потом была занесена на левый берег Днепра: «Чи ви чули про бідного Кирика? То-то, що не чули. Як був я в Києві, так переняв про его пісню, чи казку од старця з Димера. Есть за Дніпром село Димер»³³, – подтверждает слепой кобзарь Остап Вересая³⁴.

Первоначально сказка не рассказывалась, а пелась кобзарями, которые называли ее «виршей». Украинские фольклористы (Ю. Кулиш, Хв. Кудринский, М. Левченко) называют стихотворные тексты сказки балладами.

Варианты, записанные на Украине, отличает от русских и белорусских легендарный характер, по-видимому, типичный для ранних текстов – униатской сатиры. Остановимся на стихотворном варианте, записанном А. И. Дыминским. Эта сказка-сатира была направлена против православного духовенства. Поэтому так настойчиво прославляется в ней католическая вера и оплот униатов – Почаевский монастырь, где поп может освободиться от шкуры («Щоби всі люди чудиса божі пізнали»).

Только у базилян-униатов православный поп проникается настоящей верой:

«О ви, чесні отци-базиляни!
Буду вам вірно служити,
Поки віка стане...»³⁵.

Попутно, без особой связи с сюжетом, прославляются чудеса Почаевского монастыря, в котором «Христова Мати великі чудиса зсилає, хто хошь знати: сліпі, глухі, і порчені там грішній во всім гріху бувають спасені».

Обогащение Кирика в этой вирше дается в плане чудесного вмешательства свыше. В самые трагические моменты появляется добрый старец с ясным взглядом и седой бородкой, добрый и справедливый. За кротость и терпение он указывает Кирику клад: «Будеш мене благодарити, а довго мене памінати». Это святой, выполняющий функции чудесного помощника.

Не обходится без его вмешательства и освобождение попа от шкуры:

Аж в-опівночі двері стариц відчиняє,
у него борода сивая, йоломок ясенський,
одежа красная и каже: «Встань попи, стріпнися:
покінь шкуру и одягнися.

И завтра раненько іди до архиерея, явися
и проси того самого, десь був, приходу,
и не роби більше прикрости народу!»³⁶

Такой конец – прощение грехов – для антиправославной сатиры закономерен: очередное чудо в Почаевском монастыре поддерживало авторитет униатов и было рассчитано на привлечение православных крестьян в католичество³⁷. Сказываются в этой вирше и польско-шляхетские настроения: грубому православному попу противопоставляются «дідіч дуже добрій» – польский помещик, пан-католик. «Це не пан, а батько рідний», – иронизирует М. Левченко. Приведенные примеры подтверждают, что в идейной борьбе между католиками и православными сказки о рогатом попе выполняли социальные, агитационные функции.

В последующих украинских текстах (исключенном цензурой из книги Ю. Кулиша, 1857; Хв. Кудринского, 1894) отголоски церковной борьбы исчезли. В 1831 году Николай I передал Почаевский монастырь в православное ведомство, и в сказках униатско-шляхетские мотивы стали исчезать. В тексте 1857 года (запись Л. М. Жемчужникова) уже не чувствовалось, против кого направлена сатира: против православных или католиков, чем в свое время и пытался воспользоваться Ю. Кулиш, намереваясь напечатать сказку в «Заметках о Южной Руси». Как сатира против ксендзов звучит уже сказка в записи Вл. Гнатюка (1897).

Устойчивость легендарных мотивов в украинской сказке объясняется ее стихотворным книжным происхождением; такой текст и помнится, и сохраняется лучше. В записи В. Кравченко (1911), хотя ее отдаляет от первого текста более полувека, повторяются почти дословно целые эпизоды.

В украинских сказках портреты попа и попадьи сочные, сатирические. Возможно, они тоже униатского происхождения, но соответствовали истине и остались в народной памяти. Грубость, алчность, беспринципность попов народ заклеил в многочисленных пословицах, поговорках, сказках. Но в сказках про Кирика³⁸ обнаруживается несоответствие сатирического изображения попа, его образа жизни, отношения к бедняку с попытками юмористического осмысления его наказания, которое в большинстве вариантов выглядит как наказание за жадность жены. Поэтому роль попадьи в украинских сказках очень активна: ей первой приходит мысль отнять деньги, она советует попу использовать в корыстных целях исповедь и нарушить ее тайну, надевает на попа шкуру, в ожидании попа не спит, сразу хватается за деньги и т. д. Не случайно один из зароків, которые дает поп в Почаеве – не слушать жену:

Так він упав на коліна дай давай прохати:
«Ой, зними з мене, Божа Мати, воловую шкуру!
Перестану вже жінки слухать, покажу натуру»³⁹.

«Почаєвська Матір, зійми з мене воловую шкуру:
покі віка не буду жінки слухать», – опала на нему
шкура, і пійшов він на монастир робить»⁴⁰.

Песенным вариантам украинской сказки соответствует особая форма зачина, не свойственная прозаическим украинским, а также русским и белорусским вариантам:

«Що [ся] стало на Волюню
в Вовруцком повіті?
Такое чудо, якого ще
ни було на світі.
Слухайте, люди уважни.
Хочь мова ни гладка,
али очивиста правда,
як вивинув с платка...
В одном селе, между бором,
там же тече річка, –
хрест зелений, і святого
Ивана капличка...»⁴¹.

Этот зачин из текста А. Дыминского с незначительными изменениями повторяется в сказках, записанных Л. Жемчужниковым, Хв. Кудринским, В. Кравченко.

В сказочном варианте 1894 (запись Хв. Кудринского) намечается, на наш взгляд, разложение стихотворного текста. Сам собиратель замечает, что его запись бедна «во внешне-техническом» отношении: она «не спивается, та разказкою оповідається»⁴².

Рассказ все еще выдержан в стихотворном стиле, но стоит на грани перехода из легендарного русла повествования в бытовое. Стараясь сохранить стихотворную манеру, рассказчик, по-видимому, забытые места заполняет рифмованными кусками собственного сочинения в духе фольклорных традиций:

Поп як топнув ногою!
Як мотнув головою!
Як потрис бороного!
Як закричить! Як заверещить!

Под окном у Кирика поп «и стукостит, и гроковит, и мотает рогами, и топает ногами, и трясет бороною...»

Данный вариант интересен введением в сказочный сюжет заговора. Кирик, отдавая деньги, говорит:

«Иди од мене, в чому прийшов,
держи в руках, як найшов,
не положи нигде, як узяв.
носи так, як прийняв:
и щоб же тобі чорт узяв!»⁴³.

Попытка приспособить виршу для рассказа проявляется в том, что не везде выдерживается рифмованная речь, сжимается зачин-запев, уменьшается объем текста за счет сокращения легендарных подробностей. От шкуры попа освобождает Кирик, а не святой:

«Я могу тую шкуру з попа зняти, оно перше
треба міне гроші назад оддати...».
Як зняв Кирик шкуру і гроші взяв,
піп закричав ще й зубами заскрекотав.
Шкода йому тих грошей, але нема що робити!
Лучше гроши оддати, чим з рогами ходити»⁴⁴.

В украинском фольклоре сказка о попе в козлиной шкуре известна и в прозаических вариантах. Профессиональное исполнение сказки в форме стихотворной вирши и широкое народное бытование в форме прозаического «оповидания» или «казки» представляется вполне закономерным явлением.

Любопытно сравнить в записи Л. Дыминского (1850) виршу и «оповидання»⁴⁵. Хотя оба текста датируются 50 – 60-ми годами XIX века и имеют общую сюжетную схему, они отличаются друг от друга. В народной сказке нет легендарного звучания, она предельно проста. «Чудесные» моменты, свойственные вирше, отсутствуют. Нет ничего чудесного в освобождении попа от шкуры: попа взяли в тюрьму, водили по улицам, дали сто батогов, пока шкура не слезла. К этому варианту близка запись В. Гнатюка (1897).

В текстах, записанных П. Чубинским (1878) и Вл. Кравченко (1911), сюжет формируется под влиянием двух стилистических стихий: стихотворной и прозаической. От вирши в них остался некоторый налет легендарности и типичное для стихотворных вариантов истолкование конфликта, но мотивы группируются по законам традиционной народной сказки.

Обратимся к записи П. Чубинского⁴⁶. Тенденция к повторению эпизодов (повторяется рассказ о постигшей Кирика беде, об исповеди попом мужика, о сборе попадьи и т. д.), типичное сказочное начало («ни в каком городі жив Кирик мужичок»), яркий народный язык («пiп дожида посту, як вiл обуха») приводят эти тексты в русло народной сказки.

Механическое объединение стихотворного и прозаического вариантов представляет запись, Вл. Кравченко (1911). Первая ее часть – стихотворный пересказ сюжета, близкий к тексту А. Дыминского. Сохранилась даже присказка-запев: «Щось стало на Волині...». Но рассказчик, по-видимому, забыв стихотворный текст, но помня сюжет, продолжает его прозой.

Сравнивая стихотворные и прозаические украинские тексты, можно найти в них много общего: одинаковое идейное звучание, типичная для украинской сказки о рогатом попе манера разрешения противоречий в моральном плане, отсутствие четкого осмысления причин конфликта, хотя именно украинская сказка дает наиболее резкие и едкие характеристики попа, попадьи, их отношения к крестьянству. Это противоречие логично с точки зрения исторического развития сюжета.

Прозаическая и стихотворная формы сказки о попе в козлиной (воловьей) шкуре типична для Украины. Русские и белорусские варианты знают только прозаическую форму.

Из русских вариантов сказки существуют уникальный текст 1858 года, помещенный А. Н. Афанасьевым в сборник русских народных сказок под названием «Клад». На наш взгляд, это одна из лучших сказок на эту тему: основное сюжетное ядро украинской сказки сохранилось, но идейное звучание русского текста значительно сильнее: сказка из антиклерикальной становится антирелигиозной. Конфликт решается в плане социальном: поп и мужик – извечные непримиримые враги. Поэтому и конец сказки (шкура намертво прирастает к попу) воспринимается как закономерный. В рус-

ской сказке главное внимание сосредоточено на обрисовке попа (попадья в сказке не действует). Особая убедительность образа достигается контрастным использованием речевых характеристик, а также сочетанием внутреннего и внешнего диалога.

Противопоставляя двух героев сказки – попа и бедного мужика, – сказочник ограничивается передачей их разговора:

«Поп. Сказано тебе толком, старый хрен, чтоб без денег не приходил, а ты опять лезешь!.. Коли нет денег, не смей ходить сюда!

Старик. Потрудишь, батюшка, старуху похоронить. Не серчай, батюшка. Вот тебе золотой, похорони мою старуху, век не забуду твоей милости...».⁴⁷

Этот диалог даст возможность наглядно представить действующих лиц: робкого забитого мужика и всемогущего в деревне попа-батюшку.

Сказочник раскрывает и внутренний облик попа, его мысли. Поп хочет узнать секрет мужика: «Послушай, свет, покайся мне, не оставляй на душе ни одного греха», – говорит он вслух, а думает: «Вишь, старый черт, говорит: беден, беден! А сам золотой отвалил!.. Такой лядащий мужичишка, а получил этакую силу денег»⁴⁸.

Все в этой сказке правдоподобно. Фантастический элемент – лишь внешняя оболочка, под которой скрывается вполне конкретное реальное содержание. Но по форме это сказка. Бытовые подробности облекаются в типичную сказочную форму, повторяя отдельные приемы волшебной сказки. Сказочность чувствуется в зачине («В некотором царстве...»); в употреблении типичных сказочных выражений («ни много, ни мало прошло времени...»); в традиционном для сказки мотиве неожиданности и необычности («выкопал котелок, глянул, а он полнехонек червонцами насыпан, как жар блестят!»); в сказочном описании стола («вот пришли в избу, сели за стол, и откуда что явилось. И вино-то, и кушанья, и закуски разные, всего вдоволь...»); и в логичной композиционной завершенности, когда бедняк торжествует, а поп наказан («Знамо, Господь покарал за великую жадность»).

Приемы волшебной сказки, искусственно перенесенные на бытовую канву, не выдерживаются во всей полноте и последовательности; типичным для бытового повествования является свертывание повторяющихся эпизодов.

Поп в облинии черта приходит под окно к мужику отнять деньги: «Старик услышал шум, выскочил и спрашивает: «“Кто там?” – “Черт!” – “Наше место свято”, – завопил мужик и начал крест творить да молитвы читать. “Слушай, старик!.. От меня хоть молись, хоть крестись, не избавишься; отдай-ка лучше мой котелок с деньгами”... Глянул старик в окно – торчат

козлиные рога с бороною, как есть нечистый! “Ну его совсем с деньгами, — думает старик. — Наперед того без денег жил, и опосля без них проживу!”⁴⁹.

Избрав для передачи сюжета форму сказки, вольно или невольно рассказчик выражает свое отношение к достоверности излагаемого. Но здесь мы наблюдаем некоторое противоречие: в волшебном повествовании сказочное содержание соответствовало сказочной форме и заведомой установке на вымысел, в бытовой сказке это соответствие нарушается. Нам кажется, прав был белорусский фольклорист Е. Р. Романов, когда писал о сказках, подобных приведенной выше: «Для народной массы это не сказки, а сказания о чем-то несовершившемся или даже совершающемся»⁵⁰.

Пять дореволюционных белорусских вариантов сказки относятся к более позднему времени (1887–1891 годы). Записаны они в Минской, Могилевской, Витебской, Смоленской губерниях и сохранили следы украинского и русского влияния. Часть текстов тяготеет к украинской трактовке сюжета, с характерным мотивом обращения попа-козла в человека: «Поп поды за гроши да дураку и отдав. Прышов домов, и зняв козлиною шкуру»⁵¹.

В сказках другой группы повторяются мотивы, свойственные русской сказке: поп остается козлом, волком, и т. д. «Ось прышоў бедны чалавек и як узяў свае гроши, дак и шкура з папа звалілася, да не только казляная, але й свая. От яки быў завідны поп»⁵².

По форме белорусские варианты прозаичны. Они больше тяготеют к бывальщинам, чем к сказкам. Почти не встречаются в них сказочные формулы. Тексты эти значительно беднее подробностями, мотивы неразвернуты. Один и тот же эпизод (поп отнимает деньги у мужика) в белорусской и украинской сказках разворачивается по-разному. В белорусских вариантах: поп дождался ночи, зарезал козла, матушка его ободрала, «поп обшився у волиную шкуру и пошов к мужику, тэй як увидзев, перепужався и побех — уцекаць»⁵³.

В русских и украинских сказках на этих мотивах рисуются целые картины, причем события наращиваются постепенно. Запись П. Чубинского: 1) поп и попадья за столом у Кирика удивляются его внезапному бегству; 2) попадья предлагает исповедать мужика, чтобы узнать, как тот разбогател; 3) Кирик на исповеди у попа; 4) поп объявляет деньги греховными; 5) попадья предлагает, нарядившись в шкуру, испугать мужика и взять все деньги (и т. д.).

Белорусские сказки о попе в козлиной или воловьей шкуре основное внимание обращают на попа и мужика. Принципы их изображения остаются теми же, что и в русской и украинской сказках: поп жаден, враждебен

мужуку. Эмоционально окрашенная лексика, яркие эпитеты свидетельствуют об отрицательном отношении к попу рассказчика и героя сказки: «завистливый поп», «поп заорал хриплым голосом», «схватил горшок обеими руками» и т. д. Бедняк вызывает жалость и сочувствие: «Горко ему, слезы так и цекуць, бы з березины сок»⁵⁴. Функции попады в сказках ослаблены. Она присутствует, но не действует.

Анализ белорусских вариантов сказки приводит к выводу, что для развития сюжета они ничего не дали. Сказка закреплялась в украинской и русской редакциях. Идейные мотивы в сказках каждого народа определялись историческими особенностями его жизни и условиями бытования сказки. У каждого народа сказка приобретала специфическое жанровое воплощение.

Помимо рассмотренных нами сказок существует другая группа, имеющая сатирическое звучание, но лишенная антиклерикальной направленности. Варианты этой сказки известны в России, Польше и на Украине⁵⁵. Ее герои – богач и бедный. К сказкам о попе в козлиной шкуре она близка по идее: богач, как и поп, наказан за жадность. Но события в сказке разворачиваются в иной сюжетно-мотивной плоскости: 1) бедняк с горя хочет повеситься; 2) в самый последний момент он получает деньги (дает черт, находит под камнем); 3) дома бедняк меряет деньги мерой, взятой у богача; 4) золотой остается в ней, богач хочет отнять деньги, надевает шкуру козла (осла, вола); 5) богач пугает бедняка; 6) на помощь приходит дьявол и или уносит богача в ад, или богач остается в шкуре.

Несколько отличен от этой схемы русский вариант сказки «Завистливый», который испытывает на себе сильное влияние сказки о попе. У него стабильное начало: жила-была старуха с двумя сыновьями, жила бедно, умерла. Сыновья, копая могилу, находят клад. Дальше события разворачиваются по указанной выше сюжетной схеме. Но конец тяготеет к антиповским вариантам: «Вот он (богач) сейчас и давай с себя козлиную шкуру снимать, а она, не тут-то было, не идет прочь, рога тоже не идут прочь, приросли, схватил он топор, чтоб срубить рога – и этого нельзя сделать, больно. Бился, бился, да так навсегда и остался с рогами»⁵⁶.

В комментариях к сказке о попе в козлиной шкуре М. К. Азадовский высказывает предположение, что герой именуется завистливым богачом вместо попа из-за цензурных соображений, но никаких убедительных доводов в пользу этого предположения не приводит.

На наш взгляд, сказка представляет образец слияния двух сюжетных схем, существовавших, по-видимому, параллельно: сюжетной схеме типа «богач и бедный» и сюжетной схеме «поп в козлиной шкуре». Сказка типа «богач и бедный» тяготеет к мировым сюжетам о переодевании в шкуру

для добывания денег, о превращении в животное как наказание за жадность.

Подробный обзор пересказ этих сюжетов сделал М. Драгоманов⁵⁷, ставя между сюжетами о попе в козлиной шкуре, о богаче и бедняке знак равенства, возводя их, в конечном итоге, к сказкам о правде и кривде. М. Драгоманов приходит к этому выводу, находясь под влиянием теории заимствования. С ним можно согласиться лишь в том, что сказка типа «богач и бедный» была известна раньше, чем сказка о попе в козлиной шкуре, и оказала какое-то влияние на формирование сюжета второй сказки, которая, в свою очередь, в силу большей популярности, стала сама влиять на существующую сказку». Пример тому – сказка «Завистливый». Сказка о попе в козлиной шкуре была более актуальна, она оказалась продуктивной. По ее подобию на Украине возникла аналогичная сказка «Жадная попадьяс»⁵⁸, а на Урале – сатирическая сказка «Бе да ме – подайте мне»⁵⁹.

Любопытные наблюдения над развитием этого сюжета дают эстонские сказки (Архив Тартуского литмузея, записи 1876, 1889, 1890, 1894, 1895, 1902, 1905, 1906, 1925, 1929, 1931 годов). Наряду с известными по украинской и русской сказке вариантами в эстонском фольклоре этот же сюжет часто трактуется смело и оригинально: разбогатевший бедняк не боится черта-пастора, хватает его за рога, бьет дубиной, не отдает деньги и т. п. Записи советских фольклористов дают возможность представить картину современного бытования сказки о попе в козлиной шкуре в России и Эстонии, а на основании свидетельств Б. П. Кирдана и личного архива Л. Г. Барага мы можем говорить о современном бытовании сказки на Украине и в Белоруссии.

Современные русские записи сделаны в Сибири, Воронежской, Пензенской, Ленинградской, Калужской областях, от русского населения в Башкирии⁶⁰. Район бытования сказки очень широк, но все варианты или тяготеют к одной из двух редакций известных еще в дореволюционных записях (украинской или русской), или объединяют их. Новых сюжетных комбинаций не возникает.

Из пяти современных вариантов наибольший интерес представляет сказка Куприянихи. Она выдержана в лучших традициях классической сказки и несет печать незаурядного исполнительского мастерства. Куприяниха объединяет в своем повествовании оба известных варианта, отбирает наиболее яркие мотивы, которые аргументируют закономерность наказания: «Вот его (попа) объявили, осудили на 12 лет: одному водить, другой под хвост подгонять. Проводили его шесть лет по миру, и поп издох. Деньги не нужны стали»⁶¹.

Вариант Магая⁶² кажется менее удачным. Объединяя два сюжета (834 – начало – и 831), сказочник нарушает логику повествования. После яркой сатирической сцены, в которой попа в шкуре бьют слуги, кусают собаки, следует нелогичный конец: «Сильный мужик распорол шкуру и увидел вместо быка попа. Поп об этом никому не велел говорить, а сам ушел домой»⁶³.

Другие варианты сказки (пензенская, ленинградская, башкирская) излагают сюжет с психологическими и бытовыми подробностями, лишая его сказочности.

Все сказки, исключая русский текст башкирского варианта, кончаются освобождением попа от шкуры. В них не чувствуется социального осмысления причин конфликта и той непримиримости к попу, которые были характерны для дореволюционной сказки. Разная степень социальной заостренности зависит не только от того, какие группы населения являются носителями сюжета, но и от того, что проблема взаимоотношения между крестьянством и духовенством перестала быть актуальной.

Сохранив традиционное отрицательное отношение к попу, положительное к бедняку, сказка утратила эмоциональный акцент: непримиримость, ненависть, гнев в отношении к попу, жалость и сочувствие к бедняку. Поэтому современная сказка воспринимается спокойно. Это происходит оттого, что современный сказочник часто ведет повествование как о событиях давно прошедших, которые его не волнуют в такой мере как дореволюционного рассказчика. Поэтому сказка передает мотивы схематично, не развивая их, или сосредоточивает внимание слушателя на занимательных моментах сюжета: как поп-черт отнимает деньги, как он пытается освободиться от шкуры, какие терзания при этом испытывает («Попа заело – надо как-нибудь золото отобрать, а у него бык был забит. Он одел бычьей шкурой на себя, хвост приделал, рога приделал, сделался чертуш-ком, решил мужика напугать. Да еще пружины под ноги подделал... Да как скочит – выше князца на крыше»⁶⁴).

В пензенской сказке нарушаются функции действующих лиц: попадья осуждает попа, в ее уста сказочник вкладывает приговор: «Это тебя, батюшка, Бог покарал за то, что старика обидел и вообще с бедных шкуру дерешь»⁶⁵.

Среди современных записей сказок встречается творческая переработка этого сюжета. Герой сказки «Бе да ме, подайте мне» жадный поп берет за похороны вещами и в своей жадности не может остановиться: «У попа глаза завидушие, руки загребушие... совсем мужика разорил, а еще ищет, нельзя ли чего унести»⁶⁶. Наконец, поп отбирает последний полушубок, надевает на себя и превращается в барана: «Стал он с себя полушубок ски-

дать, а тот точно прирос к плечам, никак не скинешь. Смотрит мужик на попа и диву дастся: глядит, а поп уже на четырех ногах стоит, шерсть-то из тулупчика насквозь лезет, морда-то козлиная, и рожки на лбу обозначились. Подпрыгнул козлом поп, вышиб дверь лбом и выскочил за ограду, да напрямик в лес. Бежит да кричит: “Бе-е, бе-е, подай мне!” С той поры стал поп козлом ходить, бородой трясти, а если не верите – посмотрите на нашего Ваську...»⁶⁷.

Рассмотрение истории развития одного сказочного сюжета на материале украинского, русского, белорусского фольклора позволяет сделать вывод об определенной для каждого исторического периода идейной трактовке сюжета. В зависимости от этого в сказке о попе в козлиной шкуре можно различать две редакции: украинскую и русскую. Белорусские тексты равномерно тяготеют к русской и украинской сказке. Современные записи дают возможность говорить о тенденциях к объединению двух редакций в одном сюжетном русле.

Можно утверждать, что сюжет в своем развитии прошел несколько этапов: 1) сказки типа «богач и бедный»; 2) конкретный факт переодевания в шкуру с целью отнять деньги, легший в основу сюжета «поп в козлиной шкуре»; 3) украинская прозаическая сказка и униатская вирша-сатира на православного попа; 4) русские сказки о попе в козлиной шкуре; 5) белорусские сказки, закрепившие украинскую и русскую редакции; 6) современные записи, часто объединяющие две редакции сказки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Thompson St.* The types of the folktale. A classification and bibliography. – Helsinki, 1961.

² Смоленский этнографич. сборник, сост. В. Н. Добровольским. – СПб., 1891. – С. 703. – № 15; *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. – Т. 1. Вып. 3. – Витебск, 1887. – № 24, 78, 786. – С. 335 – 336, 422 – 424; *Сергпутовский А. К.* Сказки и рассказы белоруссов-поleshуков. – СПб., 1911. – С. 40 – 41; Польские народные легенды и сказки. – М.; Л., 1965. – С. 215–220. – № 72; Болгарское народное творчество. – Т. 10. – София, 1963. – С. 369.

³ *Thompson St.* The types of the folktale a classification and bibliography. – С. 280.

⁴ Подробную библиографию по данному сюжету см. в комментариях М. К. Азадовского к «Народным русским сказкам А. Н. Афанасьева» (т. 2. – Л., 1938. – С. 628 – 631; т. 2. – М., 1957. – С. 482 – 485), Н. И. Савушкиной к книге «Народные сказки о Боге, святых и полах». – М., 1963. – С. 185 – 187; поправку Л. П. Пушкирева в той же книге. – С. 18. Кроме того, см.: Русское народное творчество в Башкирии. – Уфа, 1957. – № 34. – С. 129 – 130; *Молдавский Дм.* Господин леший, господин барин и мы с мужиком. – М.; Л., 1965. – С. 280, 350 – 351; Сказки финские, эстонские, латышские / Ред. Д. М. Горфинкель. – Пг.; М., 1923. – С. 96 – 98; *Соколов-Микитов И.* По морям и лесам. – М.; Л., 1946. – С. 412–413; Болгарское народное творчество. – Т. 10. – София, 1963. – С. 369; Польские народные легенды и сказки. – М.; Л., 1965 – № 72. – С. 215 – 220; Русские народные сказки Урала. – Свердловск, 1959. – С. 98–99; Архив Тартуского лит. музея им. Фр. Р. Крейцвальда АН Эст. ССР. Шифры; Eks 8⁰ 5, 160/4(5)

1876; Н II 32, 417/8 (2) 1889; Н II 26, 704/6 (8) 1889; Н II 11 851/3 (3) 1890; Е 4367/72 1893; Н II 50, 164/6 (3) 1894; Е 10658/61 (5) 1894; Н II 51. 40 (4) 1895; Н II 51 48 51 (1) 1895; Н I 9, 138/4 (68) 1896; Н I 9, 735/8 (141) 1896; Н. Мара, 381/4 (2) 1902; Н. Мара 382; Е45359/60 (7) 1905; Н II 73, 1/6 (1) 1906; Е. стк 31, 87/8 (10) 1925; ЕРА II 22, 117/8 (8) 1929; ЕРА II 36, 288 (6) 1931; Н I 8, 600 (3).

⁵ Драгоманов М. Два малороссийских фавло // Вестник Европы. – 1887. – № 7. – 323 – 351.

⁶ Русский архив. – 1872. – Т. 10. – С. 1567 – 1568.

⁷ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. – Т. 2. – Л., 1938. – С. 628 – 631; Т. 2. – М., 1957. – С. 482 – 485.

⁸ Завалишин Д. И. Петербургские легенды и события в 1825 году // Древняя и новая Россия. – 1879. – Т. 15. – № 1 – 3. – С. 403 – 409.

⁹ См. в кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. – Т. 2. – М., 1957. – С. 482 – 485.

¹⁰ Цит. по кн.: Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов. – СПб., 1873. – С. 420.

¹¹ Полежаев А. Избранное. – М., 1955. – С. 220

¹² Wesselski A. Marchen des mittelalters. – Berlin, 1925. – S. XVII.

¹³ Русский архив. – 1872. – Т. 10. – С. 1567 – 1568.

¹⁴ Бобров Е. Литература и просвещение в России XIX века. – Т. 3. – Казань, 1902. – С. 171 – 181.

¹⁵ Бакунин М. Собр. соч. и писем. – Т. 3. – М., 1935. – С. 408.

¹⁶ Каторга и ссылка. – 1925. – № 8. – С. 254.

¹⁷ Етнографічний вісник. – 1927. – № 5. – С. 72 – 93.

¹⁸ С середины XVIII в. среди украинского духовенства началось брожение, часть его склонилась к Унии, часть к Православию. С 1720 г. Почаевский монастырь становится резиденцией униатско-базилианских монахов Польской провинции. В 1831 г. базилиане оказывали помощь польским повстанцам, за что Николаем I монастырь был передан в православное ведомство.

¹⁹ Древняя и новая Россия. – 1897. – Т. 2. – С. 2 – 15.

²⁰ Полежаев А. Избранное. – С. 221 – 222.

²¹ О популярности сказки и известности ее в народе можно судить по сведениям в кн.: В. Г. Короленко. История моего современника. – М., 1948. – С. 61 – 62

²² Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. – СПб., 1862. – С. 296.

²³ Исключенный цензурой текст приведен М. Левченко: Етнографічний вісник. – 1927. – № 5. – С. 83 – 95.

²⁴ Романов Е. Р. Белорусский сборник. – Т. 1. – Вып. 3. – Витебск, 1887. – С. XI.

²⁵ Исторический вестник. – 1880. – № 1. – С. 218.

²⁶ Ленин В. И. Соч. – Изд. 4 –е. – Т. 16. – С. 323.

²⁷ Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. – Петрозаводск, 1959. – С. 109 – 111.

²⁸ Етнографічний вісник. – 1927. – № 5. – С. 86.

²⁹ Сказки и рассказы белоруссов-полюшук // Сост. А. К. Сержпутовский. – СПб., 1911. – С. 41.

³⁰ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. – Т. 2. – М., 1958. – № 258. – С. 307.

³¹ Барз Л. Г. О традиционной стилистической форме белорусских сказок и ее изменениях // О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве. – Уфа, 1964. – С. 229.

³² 1857 г. – Записана Л. М. Жемчужниковым. См.: Кулиш Ю. Заметки о Южной Руси. – СПб., 1857; в 1876 г. аналогичный сюжет «Жадная попадьа» зап. М. Драгомановым; в 1878 г. сказка записана П. Чубинским; в 1894 г. – Хв. Кудринским; в 1897 г. – Вл. Гнатюком; в 1911 г. – Вл. Кравченко.

³³ Кулиш Ю. Заметки о Южной Руси. – С. 83.

³⁴ Драгоманов опровергает принадлежность текста кобзарю О. Вересаю. По его свидетельству, сам кобзарь говорил, что текст песни не пел и не знает. См.: Вестник Европы. – 1887. – № 7. – С. 341.

- ³⁵ Казкі та оповідання з Поділля. – Вып. 1 – 2. – Киев, 1928. – № 169. – С. 121.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Историк А. Я. Шульгин в статье «Юго-западный край» указывает, что в католичество перешло 5 тысяч православных крестьян. См.: Древняя и новая Россия. – 1879. – Т. 2. – С. 2 – 15.
- ³⁸ Так называют бедняка в украинских сказках.
- ³⁹ Етнографічний вісник. – 1927. – № 5. – С. 90.
- ⁴⁰ Труды этнографическо-статической комиссии в Западнорусский край: Материалы и исследования / Собрал П. Чубинский. – Т. 2. – СПб., 1878. – № 3. – С. 108.
- ⁴¹ Казкі та оповідання з Поділля. – Вып. 1 – 2. – Киев, 1928. – № 169. – С. 120.
- ⁴² Етнографічний вісник. – Киев, 1927. – № 5. – С. 90.
- ⁴³ Там же. – С. 93.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Казкі та оповідання з Поділля. – Вып. 1 – 2. – Киев, 1928. – № 169, 170. – С. 119 – 121.
- ⁴⁶ Труды этнографическо-статической комиссии в Западнорусский край. Материалы и исследования / Собрал П. Чубинский. – Т. 2. – СПб., 1878. – № 31. – С. 105 – 108.
- ⁴⁷ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. – Т. 2. – М., 1957. – № 258. – С. 307.
- ⁴⁸ Там же. – С. 308.
- ⁴⁹ Там же. – С. 309.
- ⁵⁰ Романов Е. Р. Белорусский сборник. – С. XVII.
- ⁵¹ Там же. – С. 424.
- ⁵² Сказки и рассказы белоруссов-поleshуков / Сост. А. К. Сержпутовский. – СПб., 1911. – С. 41.
- ⁵³ Романов Е. Р. Белорусский сборник. – № 78. – С. 334 – 335.
- ⁵⁴ Сказки и рассказы белоруссов-поleshуков / Сост. А. К. Сержпутовский. – СПб., 1911. – С. 40.
- ⁵⁵ Русские простонародные легенды. – СПб., 1861. – С. 8 – 10; Етнографічний збірник. – Т. 9. – Львов, 1900. – № 40. – С. 85 – 86; Польские народные легенды и сказки. – М.; Л., 1965. – № 72. – С. 215 – 220.
- ⁵⁶ Русские простонародные легенды. – СПб, 1861. – С. 10.
- ⁵⁷ Драгоманов М. Два малороссийских фавла // Вестник Европы. – 1887. – № 7. – С. 323–351.
- ⁵⁸ Малорусские народные предания и рассказы. Свод М. Драгоманова. – Киев, 1876. – С. 154 – 155.
- ⁵⁹ Русские народные сказки Урала. – Свердловск, 1959. – С. 98 – 99.
- ⁶⁰ Сказки Куприянихи. – М.; Л., 1937. – № 35. – С. 157 – 158; Сказки Магая (Е. И. Сорокикова). – М., 1940. – № 16. – С. 223; Песни и сказки Пензенской области. – Пенза, 1953. – С. 65 – 66; Русское народное творчество в Башкирии. – Уфа, 1957. – № 34. – С. 129 – 130; Молдавский Д. М. Господин леший, господин барин и мы с мужиком. – М.; Л., 1965. – С. 350–351, 293 (легенда о появлении медведя); свидетельство Э. В. Померанцевой о бытовании сказки в Башкирии, см.: Русское народное творчество в Башкирии. – Уфа, 1957. – С. 296; сообщение Ф. М. Селиванова о бытовании сказки в Калужской обл., см.: Вестник МГУ. – Серия: Филология. Журналистика. – 1966. – № 3. – С. 95 – 96; Архив Л. Г. Барага. («Поп у валовой шкуры», зап. 1947 г. в местечке Сола Гродненской обл.; зап. 1948 г. в украинском Полесье близ Сарн).
- ⁶¹ Сказки Куприянихи. – М.; Л., 1937. – С. 158.
- ⁶² Сказки Магая (Е. И. Сорокикова). – М., 1940. – № 16. – С. 223.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Молдавский Д. М. Господин леший, господин барин и мы с мужиком.
- ⁶⁵ Песни и сказки Пензенской области. – Пенза, 1953. – С. 67.
- ⁶⁶ Русские народные сказки Урала. – Свердловск, 1959. – С. 98.
- ⁶⁷ Там же. – С. 98.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА В РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

Народные песни об Отечественной войне 1812 года – поздний этап развития лиро-эпической поэзии. По тематике и характеру бытования их следует называть военно-историческими. Возникнув в ходе военной кампании 1812 – 1814 годов, они сохранили воспоминания о конкретных событиях, реальных прототипах – участниках войны, но в оценке происходящего «народ выразил свое историческое самосознание»¹.

Исторический контекст в народной интерпретации подчиняется законам фольклорной поэтики. В рассказах о новых событиях повторяются традиционные типовые ситуации, стереотипы. Новые фольклорные сюжеты возникают «на пересечении координат действительности и традиций», – замечает Б. Н. Путилов².

Объявление войны, сборы армии в поход, осада и взятие городов, гибель военачальников, жалобы на тяжелую солдатскую жизнь – эти и другие ситуации известны по историко-песенному фольклору XVII, XVIII веков: в песнях об Азовских походах (1694, 1696), о Русско-шведской войне (1686 – 1658; 1688 – 1690; 1741 – 1743; 1808 – 1809), о Северной войне (1700 – 1721), о Семилетней войне (1756 – 1763 гг.), о Турецких войнах (1735 – 1739; 1768 – 1774; 1787 – 1791). Повторяются эти мотивы и в песнях об Отечественной войне 1812 года. Устойчивость повторяющихся элементов сюжета не является свидетельством бедности исторического содержания песен. Исторические песни о событиях 1812 года созвучны тому времени, о котором повествуют. Продолжительность жизни исторической песни определяется ее содержанием. Она надолго сохраняется в народной памяти, если обладает самостоятельной вневременной этической ценностью, соответствует национальным идеалам, воплощенным в идейном содержании песен, в образах героев.

Отдельные варианты не дают представления о масштабах военных событий. Широкое историческое обобщение дает цикл песен, сохраняющий характерные для народного сознания тенденции «к осмыслению истории в движении»³.

Военно-исторические песни о событиях 1812 года в виде цикла подготовил к изданию П. А. Бессонов в десятом выпуске «Песен, собранных П. В. Киреевским». В адрес П. А. Бессонова было высказано много справедливых критических замечаний, однако именно он собрал первый историко-тематический цикл песен, посвященный Отечественной войне 1812 года⁴. В виде такого цикла песни затем публиковались в ряде изданий XX века⁵. Наиболее полноценным в научном отношении следует считать том «Исторические песни XIX века», вышедший в 1973 году в серии «Памятники русского фольклора» (его подготовили Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин)⁶. В этом издании, наряду с другими военно-историческими песнями, представлен цикл, посвященный Отечественной войне 1812 года (всего 134 номера). Он собран по печатным изданиям и архивным записям XIX – XX веков. Предложенная составителями историко-тематическая подборка текстов, комментарии к ним⁷, вступительная статья Э. С. Литвин⁸, нотные приложения В. В. Коргузалова⁹ позволяют составить достаточно полное представление об идейно-поэтической структуре цикла «Отечественная война 1812 года в народной песенной военно-исторической лирике».

Историко-тематический цикл песен об Отечественной войне 1812 года имеет следующую структуру (ИП. IV. – №№ 44 – 111):

- Французский король пишет письмо Александру (№№ 36 – 41. – С. 44–48);
- Русские войска получают приказ готовиться к сражению (№№ 42–45. – С. 48 – 50);
- Кутузов приказывает солдатам победить французов (№№ 46 – 47. – С. 50–51);
- Генерал продает Москву (№№ 48 – 50. – С. 51 – 52);
- Наполеон в Москве (№№ 51 – 58. – С. 52 – 55);
- Француз зажигает Москву (№№ 59 – 60. – С. 55 – 56);
- Девушка в плену у француза (№№ 61 – 62. – С. 56 – 57);
- Кутузов (Платов) допрашивает французского майора (№№ 63 – 70. – С. 57 – 60);
- Платов во время битвы (№№ 71 – 78. – С. 60 – 63);
- Битва с французами (№№ 79 – 80. – С. 63 – 64);
- Француз похвастается Парижем (№№ 81 – 98. С. 64 – 71);
- Александр I обвиняет Наполеона (№№ 99 – 100. – С. 71 – 72);
- Русские войска разбивают французов (№№ 101 – 107. – С. 72 – 76);

- Солдаты освобождают Смоленск (№ 108. – С. 76 – 77);
- Французы бегут за Черную речку (№ 109. – С. 77);
- Русские войска переправляются через Вислу (№№ 110 – 112. – С. 77 – 79);
- Русские преследуют французов (№№ 113 – 115. – С. 79 – 81);
- Наполеон горюет о разгроме армии (№№ 116 – 118. – С. 81 – 82);
- Казаки собираются в поход за границу (№ 119. – С. 82);
- Сражение двух армий (№№ 120 – 124. – С. 82 – 86);
- Русская армия готовится вступить в Париж (№№ 125 – 127. – С. 86 – 87);
- Убит полковник Беляков (№№ 128 – 130. – С. 87 – 88);
- Платов в гостях у француза (№№ 131 – 170. – С. 88 – 111).

Дистанция между событиями 1812 года, временем возникновения и записями песен о войне с Наполеоном незначительна. Поэтому основные события восстанавливаются достаточно легко по персонажам-прототипам, названиям городов, общественным и бытовым реалиям. Ход войны в исторических песнях представлен следующим образом.

1. Начало войны, 11 – 12 июня 1812 года. Шестисоттысячная французская армия, в составе которой были войска покоренных Наполеоном стран, перешли Неман, границу России. В песнях упоминаются польские войска, наступавшие вместе с французской армией. Наполеон похваляется: «Запружу я речку Березу Своим польским табуном».

2. Упоминаются реальные прототипы – участники войны 1812 года (по степени популярности): М. И. Платов – «генерал наш казак Платов»; М. И. Кутузов – «генералушка Кутузов-князь», «Михайла Ларивонович»; Александр I – «Православный», «белый царь»; Константин Павлович – «Царевич», «храбрый Константин», «воин»; П. М. Волконский – «Волконский-князь», участник битвы на Березине, освободитель Смоленска; А. И. Иловайский – генерал, вошедший с казаками в Москву; полковник Беляков, атаман оренбургских казаков, погибший в конце 1812 года; генерал-фельдмаршал Витгенштейн («Витьштитьштейн»), принявший командование русским войском в зарубежных походах после смерти М. И. Кутузова в апреле 1813 года; Денисов – «генерал-казак Денисов»; Наполеон – «король французский», «Напольёчик», «Палиён», в большинстве песен – «француз», «вор-француз», «неприятель вор-француз».

3. Перечисляются места боев, хронотопы, позволяющие соотнести время и место событий с реальным временем.

Август 1812 года. Бои на подступах к Москве: под Витебском. Смоленском, Можайском, Красным селом (21 июня – 06 августа); на Бородинском поле (26 августа).

2 сентября года. Русские войска оставляют Москву, а французская армия вступает в горящий город.

3 сентября. Наполеон въезжает в Москву.

3 – 4 сентября. Пожары в Москве.

Сентябрь – начало октября 1812 г. Тарусский марш-маневр Кутузова, вынудивший французскую армию отступать по разоренной ею же старой Смоленской дороге.

7 октября. Наполеон бежит из Москвы.

11 октября. Французские войска взрывают Кремлевскую стену, уходят из Москвы.

11 октября. Генерал А. И. Иловайский и «Все донские казаки вступили во Москву» (И. П. IV, № 60).

Октябрь-ноябрь. Бегство французской армии из России.

12 октября. Бои под Малоярославцем.

14 – 16 ноября. Сражение при Березине.

Ноябрь – декабрь. Гибель «Великой армии».

14 декабря. Изгнание французов из России.

1813 – 1814 годы. Участие русской армии в заграничных походах:

1 января 1813 года. Русские войска переходят границу, р. Неман.

Участие в освобождении польских и немецких земель от французов:

– «Шла-прошла наша армеюшка под Познань-город» (Х. – С. 29);

– «Мы стояли под Даньском» (Данцигом, Гданьском),

– на Висле (на речке Веслушке, Веснушке, Веснувке, Деснушке);

– на Рейне, «на Саксонских берегах»,

– «под Липцами» (Лейпцигская битва, 5 – 7 октября);

– март 1814 года – «Под Парижем мы стояли»;

– 19 марта – Александр I вступает в Париж.

В процессе бытования текстов происходит смещение исторических пластов. В песнях об Отечественной войне 1812 года появляются разновременные герои, связанные с ранней или более поздней военной эпохой: «царя белого гусарушки Петра Первого» (ИП. IV, № 130), «Армия немалая, царя белого она, Петра Первого» (ИП. IV, № 129); «Сила белого царя Михаила Павловича» (ИП. IV, № 78); графа «Пашкевича генерала» – И. Ф. Паскевич, командовавший армией в Русско-Турецкой кампании 1828 – 1829 годов; механически включенный в список положительных героев С. Т. Циповский (ИП. №№ 42 – 44), участник неудачного похода на Хиву в 1839 – 1840 годах, имеющий плохую репутацию в казачьих войсках – «злой полковничек» (ИП. IV, №№ 339 – 342). Негативное отношение к Англии, союзнице Франции в Восточной (Крымской) войне 1853 – 1856 годов, наложилось на события 1812 года: Наполеон напал на Россию «Да со своей ведьмой все женой, Да англицянкой молодой» (ИП. IV, № 93).

Идеализируется великий князь Константин Павлович, брат Александра I, официальный наследник престола, вокруг имени которого возникло много социально-утопических легенд как об «избавителе», «законном, ис-

тинном царе», которого не допускают к власти¹⁰. Народные ожидания нашли отражения и в песнях 1812 года (ИП. IV, №№ 113, 126, 127).

Песни о военных событиях 1812 года сохранили следы бытования в крестьянской среде, что проявляется в лексике, в контаминациях с любовными крестьянскими песнями, в бытовых представлениях. Француз принимает гостя – Платова-казака в соответствии с крестьянскими представлениями об этикете гостеприимства: «На крылечко выбегал, За белые руки брал, За дубовый стол посадил, Рюмку водки наливал» (ИП. IV, № 131), «чаем-кофием поил» (ИП. IV, № 136). Дочь француза «из шомышки выходила». (Шомышка в вологодских говорах – место у печки, кутий, бабий угол.) Наполеон в некоторых вариантах изображается как деревенский парень. «Палиёнщик, мальчишечка молодой» (ИП. IV, № 57), «Славный Палиён Палиёнщик... славный, молодой, Не женатой он, с роду холостой» (ИП. IV, № 56).

Некоторые варианты представляют собой контаминацию основного сюжета («Француз похваляется Парижем», «Разоряя путь-дорожку») с любовными крестьянскими песнями: «Детинушка шел-прошел, Нес гитару под полой. Люди говорят: “Чей такой?” Маша говорит: “Милый мой”» (ИП. IV, № 98; X – С. 9; X. – С. 9 – 11).

Песни об Отечественной войне 1812 года наиболее полно представлены в репертуаре донского (ИП. IV, №№ 36, 38, 41, 68, 74, 99, 100, 106, 113, 121 – 124), астраханского (ИП. IV, №№ 40, 45, 75, 119, 122), оренбургского (ИП. IV, №№ 39, 42, 44, 128, 129, 156), уральского (ИП. IV, №№ 52, 117, 136) казачества, записаны они во второй половине XIX – начале XX века. Они повторяют сюжеты и мотивы, известные по публикациям из коллекции П. В. Киреевского (первая половина XIX века): «Допрос французского майора», «Платов во время битвы», «Угроза Наполеона взять Москву», «Ответная речь Кутузова (Платова)», «Платов в гостях у француза» и др.

В казачьем репертуаре преобладают песни, описывающие подготовку к «батальице», осаду городов, сражения: «Французский король пишет письмо» (ИП. IV, №№ 36, 38, 39 – 41); «Приказ готовиться к сраженью» (ИП. IV, №№ 42, 44 – 45); «Платов во время битвы» (ИП. IV, № 74); «Русские преследуют французов», «Русские разбивают французов» (ИП. IV, № 119); «Сражение двух армий» (ИП. IV, №№ 120 – 124); «Убит Беляков» (ИП. IV, №№ 128, 129) и другие.

Основная тональность песен мажорная, сюжет развивается динамично. Кульминация перенесена на концовку: «Мы француза нагоняли, знамена отбирали, Отобравши знамена, в полон его взяли» (ИП. IV, № 101) или: «Не видать врагу-французу нашей каменной Москвы, Золотых наших крепостей, белых каменных мостов!» (ИП. IV, № 71).

Война – тяжелый труд, казак воюет, «с коня не слезая», возвращается из боя, как «со великих со трудов», «по колена у крове» (ИП. IV, № 113), но уверенность в победе – лейтмотив всех казачьих песен об Отечественной войне 1812 года. Казаки идут на Париж: «Проходили мы речку Березу» (Березину. – М. В.), и под Парижем речка «Нас не задержит! Да словно посуху А мы ее пройдем», Крепки «стены камены нас не задержат, Да по кирпичику мы их разберем... Мы в Париж гулять пойдем» (ИП. IV, № 113).

Казачьи военные песни отличает особая манера пения. Как отмечает В. В. Коргузалов, подготовивший нотные приложения, содержание песен согласуется с ритмикой пешего и конного строя, «мобилизующей шаг»¹¹, в них слышится барабанная дробь, импровизированная игра подголосков (см. нотные приложения, ИП. IV, №№ 8 – 10, 17 – 23).

«Ай вот хва ... ..ли ... .. тся ... да фран-цуз ... да
Вы ... .. хва ... ля ... вы .. хва ... ля ... е ... тся
Вот он сам на ти ... хай ... Дон ... да ... и ... тить
Ой ... у ... би ... ра ... у ... би ... ра ... ет ... ся ...
(ИП. IV, № 41).

Акцент на разрыв слов придает песне маршевый характер. В казачьих войсках была развита культура хорового пения, в каждом войске были грамотные капельмейстеры, имели хождение репертуарные сборники¹². Казачьи песни о войне 1812 года хотя и однородны по тематике, но не представляют жанрового единства. Выделяются песни-повествования и песни-воспоминания, песни походные и исполненные «на постое»¹³.

Репертуар казачьих песен складывался не только под влиянием народных традиций. Руководители хоровых казачьих коллективов часто редактировали тексты песен в угоду официальной идеологии. Редактировали тексты и составители сборников казачьего фольклора. М. Добровольский установил, что «художественно-идеологической правке» подвергал песни всех разделов пятитомного собрания донских казачьих песен крупнейший знаток и собиратель казачьего фольклора А. М. Листопадов¹⁴.

В казачьих версиях песенных сюжетов нередки и ура-патриотические мотивы, что вполне закономерно для регулярной армии: призывы идти в бой «За Россию, за царя, за веру» (ИП. IV, № 45), воевать, как «деды ваши и отцы» (ИП. IV, № 45), послужить «царю нашему батюшке».

В казачьем репертуаре нет песен типа «Генерал продает Москву», «Француз зажигает Москву», «Девушка в плену у Француза».

Следует обратить внимание на лексическую содержательность текстов казачьих песен, отличную от вариантов, исполнители которых, не знакомы с воинским бытом. Казачьи песни отличает профессиональный предмет-

ный словарь. Перечисляются предметы военного снаряжения казачьего войска, вооружение казака: свинец, порох, бомбы, картечь, пушки с лафетами, карабины, сабли, дротики, пики, нагайки, ружья. Казак всегда «во исправности своей»:

Шашки острые в ножнах,
Пики грозные в крепких рученьках,
И нагайки в сапогах.
Долгомерные карабины...
Чисты, смазаны в чехлах.
У лихих коней седельца бранные
И подковы на ногах ...
Ружья новы, новы нарезны
Во замках кремни востры
(ИП. IV, № 45, № 119).

«Казачьи удалые полки» идут в бой:
... светят копьями казаченьки:
Приклонили коням дротик на лево ушко,
Загичали, закричали, на удар пошли!»
(ИП. IV, № 123).

В контексте названия предметных реалий воинского быта выступают в сочетании с разными частями речи, что придает им новое поэтическое звучание и приращение смысла.

В сочетании с прилагательными, чаще всего являющимися постоянными эпитетами (сабли востры, шашки остры, пики грозны, ружья новы, кремни востры и т. д.), идеализируются качественные свойства реалии. В сочетании с глаголами повелительного наклонения возникают новые смысловые сочетания, передающие напряженность в ожидании боя, приказ ждать команду; предмет «втянут» в действие:

«Слушайте приказу:
Пушки, ружья заряжайте».
(ИП. IV, № 107).

«Пушки, ружья заряжайте, сабли вынимайте,
Без мово ли приказанья огня не открывайте!»
(ИП. IV, № 101).

Различные типы лексических сочетаний расширяют семантические возможности текста, придавая ему эмоционально-экспрессивную окрашенность.

Казачьи песни отличаются концентрацией профессиональной лексики, употребляемой в прямом ее значении. Можно выделить несколько «тематических полей», связанных с военным бытом.

Подробно перечисляются роды войск, участвовавших в войне с французами в 1812 году: пехота, конная гвардия, войско донское, войско уральское, «казачушки оренбургскийё», атаманский полк, беляковский полк, «гусарушки», «горнадерушки» (гренадеры. – М. В.). В тексте нередко появляются воинские звания и должности: фельдмаршал, генерал, атаманы, полковники, майоры, офицеры, есаулы, кавалеры, солдаты, казаки, канонерщики, «бомбардиры». После удачного боя-«батальицы» царь «жалует» победителей:

Донских казаков всех кавалерами,
А урядников называет всех офицерами,
Офицерушков называет всех майорушками,
Майорушков называет всех полковничками,
А полковничков называет генералушками
(ИП. IV, № 121).

Широко представлена профессиональная лексика, закреплённая в поэтическом тексте, указывающая на среду бытования песен: приказы, шеренги, караулы, погони, подконья, левый фланг, правый фланг, поход и т. п. К этой же тематической группе относятся и фразеологизмы, образованные с помощью описательно-метафористических формул: «стоять на часах», «наголо несёт саблю вострую», «по армии конем бегает», «речь говорит – в трубу трубит» и т. п.

Более сложные примеры поэтической образности связаны с переосмыслением традиционных понятий, превращением слова в метафору.

Глагол «угощать» в контексте военной лирики употребляется не в прямом своем значении, связанном с этикетом гостеприимства, угощением – едой, радушной встречей гостя, но выполняет функцию «иносказательно-го обобщения», при котором весь ритуал гостеприимства подразумевает отрицание, усиливающее «разделенность предмета и образа высказывания». Этот прием В. И. Еремина называет «скрытой метафорой», смысл которой раскрывается через параллелизм, вытекающий из иносказательного описания¹⁵.

Развитие метафоры дается в форме описания встречи гостя – «Наполеона-короля» – и приготовления угощения, «еды»: «Мы поставим ему столы – пушки медные»; «Медны пушечки со лафетами»; «Как скатерти постелим ему – горнодёрушков», «вольны пули»; «Закусочку ему положим – ядра чугунные», «каленных картечь»; «Славную чинёночку»; «бомбы со

кортежами»; «Мы яствица приготвим ему – бомбы с ядрами»; «Пойлице нальем ему – зелен порошок»; «Угощать его будут – канонерушки»; «Провождать его будут – все казачушки» (ИП. IV, № № 36 – 40).

Мотив «угостить» получает в этом контексте новое наполнение – «наказать», вызывающее цепочку метафорических замен реального значения слова – образа «еда» новым словом-образом – «еда-оружие», «еда-смерть».

Два ряда «разнорядной лексики» объединены единством поэтического образа – «война», создают «поэтическую многомерность текста»¹⁶.

В казачьих песнях встречаются метафоры, не имеющие разъяснения в тексте:

Чем будем, ребята,
Гостя потчевати?
Есть крупа и мука.
Есть крупица и мучица,
Есть сухие сухари ...
(ИП. IV, № 43).

На заводах печены...
На Москве высушены
(ИП. IV, № 44).

В этом тексте нет образного замещения реального предмета, но мотивировка «еда – оружие» связана с контекстом «война», подготовленным предшествующей частью текста.

Фольклорные тексты, независимо от их жанровой принадлежности, живут в единой системе традиционной народной культуры. Как показывает сравнение вариантов военно-исторических песен XVIII и XIX веков, на последующей стадии бытования повторяются ситуации, эпизоды, мотивы, ставшие типическими, но на каждом новом этапе бытования песня наполняется новым содержанием.

Происходит «приспособление» стереотипа к новому историческому контексту.

Ряд ситуаций, эпизодов, мотивов, встречающихся в песнях об Отечественной войне 1812 года, являются дериватами от более ранних сюжетов былин, исторических песен XVII и XVIII веков, а на генетическом уровне – от мифологических архетипов.

В военно-исторических песнях XVIII и XIX веков повторяются во многих вариантах основные элементы сюжетов:

- Угрозы врага (ИП. III, №№ 58 – 62; ИП. IV, №№ 36 – 41);
- Размышления царя с приближенными, как ответить на угрозы врага (ИП. III, №№ 52 – 62; № 395; ИП. IV, №№ 36 – 41; №№ 71 – 78);

- Призывные речи полководцев (ИП. III, № 395; ИП. IV, №№ 71 – 73);
- Предательство (ИП. III, №№ 369 – 392; ИП. IV, №№ 48 – 50);
- Осада и взятие городов (ИП. III, № 83 – 86; 287 – 295; 296 – 320; ИП. IV, №№ 110, 113 – 115);
- Допрос пленного майора (ИП. III, №№ 70 – 80; ИП. IV, №№ 63 – 79);
- Донские казаки в бою (ИП. III, №№ 111 – 112; ИП. IV, №№ 121 – 123);
- Тяготы солдатской жизни (ИП. III, №№ 407 – 409; 279 – 320; ИП. IV, №№ 110, 113 – 115);
- Гибель военачальников (ИП. III, № №101 – 104; 369 – 392; 459; 403 – 405; ИП. IV, №№ 128 – 130);
- Неузнанный герой в «гостях» у неприятеля (ИП. III, №№ 207; 396 – 402; 458; ИП. IV, №№ 131 – 170).

Эти элементы сюжета сохраняют все варианты. Меняются лишь имена полководцев, царей, государств, с которыми ведется война.

Повторяемость связана с преемственностью, проявляющейся на уровне структуры текста, мотивов, поэтических приемов.

Рассмотрим наиболее яркие фабулы повторяющихся сюжетов военно-исторических песен XVIII века и 1812 года.

1. Мотив угрозы неприятеля, похвальбы, ответ на угрозы – в такой последовательности развивается сюжет в песнях типа «Пишет, пишет письмо король...»

Прусский король похваляется захватить русскую землю (песня предположительно имеет отношение и к Русско-шведской, и к Семилетней войне):

«Святорусскую земелюшку всю насквозь пройду...
 Благоверного государя во слуги возьму,
 Благоверную государыню во рассыльщики»
 (ИП. III, № 284).

Пишет, пишет король прущкий государыне самой:
 «Уж я с силушкой соберуся, сквозь земелюшку пройду;
 Во Питере пообедаю, в Москву ужинать прийду»
 (ИП. III, № 433).

Шведский король пишет «государыне Катерине Алексеевне»:

«Да я всю твою Россиюшку,
 Я в полон ее возьму»
 (ИП. III, № 417).
 «Распиши-ко ты мне квартирушки по всей каменной Москве»
 (ИП. III, № 411).

«А и сам я, король шведский, к государыне в дворец»
(ИП. III, № 415).

«Как французский король царю белому (Александру I. – *М. В.*) письмом грозным ему отсылается» (ИП. IV, № 36):

«Изготовь ты мне фатерушки в самой кременной Москве,
А мне, королю французскому, царские свои полатушки»
(ИП. IV, № 38).

Дальше, по ходу развития сюжета, правители ведут себя одинаково: «Российская государыня испугалася» (ИП. III, № 425), «испугалася, призадумалася» (ИП. III, № 416), «приужахнулася» (ИП. III, № 414). «Православный царь (Александр I. – *М. В.*) крепко призадумался, повесил свою буйну голову на белые груди» (ИП. IV, № 36), «Его царская персонушка переменялася» (ИП. IV, № 37), «Его царская коронушка К земле она приклонилося» (ИП. IV, № 39).

Но всегда готовы к отпору врага Шереметьев, Румянцев, Суворов, Кутузов, Платов: «Уж ты гой еси государыня, не страшися ничего: У нас есть чем принять, есть чем потчевать его» (шведского короля. – *М.В.*).

«Суворов-граф» говорит:

«У нас есть ли пироги, они в Туле печены,
Они в Туле печены, в Москве маком чинены;
У нас есть ли сухари, они в Туле крошены,
Они в Туле крошены, в Москве высушены:
Еще есть ли у нас похлебочка – у солдата на бедре,
У солдата на бедре, что на левой стороне!»
(ИП. III, № 411).

«Граф Кутузов» говорит, «что в трубу трубит»:

«Мы его (Наполеона. – *М. В.*), собаку, встретим среди поля,
Среди поля, среди Можайского,
Мы поставим ему столы-пушки медные
Закусочку ему положим – ядра чугунные,
Пойлице ему нальем – зелен порох...»
(ИП. IV, № 36).

«Угощать его будут – канонерушки,
Провожать его будут – все казачушки»
(ИП. IV, № 37).

«Уж как есть у нас, ребяташки,
Аржанные сухари,
На заводах печены...
В Москве высушены»
(ИП. IV, № 44).

Перечисленные выше поэтические мотивы заимствованы исторической песней из эпоса. В былинах «Собака Калин-царь» посылает в «стольный Киев-град» князю Владимиру «грамотку посыльную»: «жди мою силушку великую» (Рыбн. II, № 120):

«Очищай-ко ты все улицы стрелецкие,
Все великие дворы да княженицкие,
По всему городу по Киеву...
Выбирайся, удаляйся, князь, ты из полатушек,
Наряжайся ты на кухню, варить поваром...
Разорю-то славный стольный Киев-град,
А божьи церкви все на дым спущу,
Самому князю Владимиру я голову срублю»
(Гильф. II, № 77).

2. Сюжет «Допрос пленного майора» (ИП. III, №№ 70 – 80; ИП. IV, №№ 63 – 79). Фабула практически неизменна в вариантах и XVIII, и XIX веков. Допрос – кульминационный эпизод сюжета, хотя мотивировка его различна. В вариантах XVIII века допрос – составная часть сюжета. Сначала описывается «баталья» и приводятся размышления Шереметьева: остановиться, вернуться под Юрьев (Красную Мызу) или идти под Полтаву? Пленный майор шведский должен прояснить ситуацию, но он «врет-плутует», утверждает, что под Полтавой силы шведской «сметы нету», «сорок тысяч». Однако Шереметьев догадывается об обмане, приказывает «в поход выступати», в результате чего «под славным городом под Полтавой подымалась полтавская баталья», которая завершилась блестящей победой русский войск: «Много шведов порубили, Втрое больше в полон взяли» (ИП. III, №№ 74, 76 и др.).

Варианты песни 1812 года на эту же тему – дериват сюжета XVIII века, с той лишь разницей, что «баталья» или не описывается вовсе, или о ней сообщается предельно кратко: «Ай казаки там да хранцуза порубили...» (ИП. IV, №№ 68 – 70), или указывается лишь цель: «Поехали казаченьки во чисто поле гулять... французского майора в полон брати» (ИП. IV, №№ 63 – 65). В центре песни – диалог Кутузова и пленного майора. Кутузов спрашивает:

«Ты скажи, скажи майорик, сушу правду:
У вас много ль во Париже стоит силы?»
(ИП. IV, № 66).

Ответ пленного таков:

«У нас силы сметы нету,
У самого-то Наполеона в Париже сорок тысяч»
(ИП. IV, № 67 и др.).

Основная идеологическая задача песни – прославление Кутузова. Полководец в полном соответствии с фольклорным эпическим «этикетом» говорит:

«Я силу свою соберу, всех вас французов наповал всех положу,
Самого-то Наполеона в полон возьму»
(ИП. IV, № 67) .

«Да до города Парижа скоро я доберуся»
(ИП. IV, № 68).

Новые исторические реалии делают песню современной описываемым событиям. Некоторые исторические детали выполняют хронотопическую функцию. Слова «Я французской вышей силы не боюся, Ко вашему Бонапарту в Москву тороплюся» (ИП. IV, № 65) позволяют предположительно датировать песенные события сентябрем – октябрем 1812 года (3 сентября – 6 октября) – временем пребывания Наполеона в Москве. Песни сохраняют отголоски окончания войны: «И ворота нам в Париж отворили, И знамена нам французы преклонили» (ИП. IV, № 70) – 19 марта 1814 года русские войска вошли в Париж.

3. Другой популярный сюжет – «Неузнанный герой в гостях у неприятеля» – связан с реальными прототипами: с Ф. И. Краснощековым, казачьим полковником, с генералом И. С. Прозоровским, с атаманом Донского казачества, генералом от кавалерии М. И. Платовым. Но никакой действительной исторической основы этот сюжет не имеет. Исторические имена выполняют здесь функцию хронотопов, прикрепляя сюжеты с участием Краснощекова и Прозоровского к XVIII веку, а Платова – к 1812 году. Сходство между разновременными вариантами – в композиции, в совпадении повествовательных элементов, в идеализации народных героев, в наделении их необычайной смелостью, в типических формулах, экспрессивной лексике. Типическая схема сюжета и в XVIII, и в XIX, и в XX веках выглядит следующим образом. Краснощеков «к пруссу в гости заезжал», Прозо-

ровский «сам со визир(ем) загулял», «Платов-казак у француза в гостях был». Ни король «прусской», ни визирь, ни француз не узнают случайных гостей.

Все варианты сюжета о неузнанном госте можно разделить на две версии. Первая – «саморазоблачение героя» – известна и в XVIII, и в XIX веках (ИП. III, №№ 396, 397, 401; ИП. IV, №№ 150 – 167). «Погляди-тось на меня – уж я весь у тебя» (ИП. III, № 458); «Ты гляди все на меня: Платов точно, как и я!» (ИП. IV, № 150); «На одно лицо со мной, Точно братец мой родной» (ИП. IV, № 162).

Вторая версия усложнена, появляется новый персонаж – мудрая дева. Дочь француза Орина (Ирина, Арина, Марина, Алина) «предогадлива была» и узнала героя: «Взгляни, родимый, в кабинет, Это чей висит портрет?» (ИП. III, № 399); «А француза дочь Ирина из шомышки выходила... Ты, московский удалец, Покажи-ко свой потрет». Разоблаченный герой «из полаты выбегал» (ИП. IV, № 131), верные казаки подвели ему коня. Во всех версиях и вариантах разоблаченный, но не пойманный герой издевается над незадачливым хозяином: «Ты ворона, ты ворона, загуменная карга! Не умела ты, ворона, ясна сокола держать, сизы перышки щипать!» (ИП. III, № 398) «Ты ворона, ты ворона, ты французская порода! Не умела ты, ворона, соловья щипать в хорамах!» (ИП. IV, № 154).

Такова основная сюжетная схема песни о неузнанном госте в записях XVIII, XIX, XX веков, тематически близкая мировым сюжетам, получившая в новой исторической обстановке иной идеологический смысл.

В большинстве вариантов XIX века основной мотив неузнанного прибытия к французу – «осмешечку отсмеять», то есть опозорить врага в его же доме, отомстить за надругательство над русской землей. Другая мотивировка углубляет первую:

«Уж вы слуги, мои слуги!
Вы донские казаки!
Вы вяжите короля
На аркан сзади меня,
Где сожженная Москва,
Там увижу я царя,
Там увижу я царя,
Там повесим короля!»
(ИП. IV, № 141).

В некоторых вариантах Платова направляет к французу царь:

Государь его любил,
К себе в гости попросил,
Ему бороду обрил,
Позументы с груди снял,
Купцом его наряжал,
Ко французу посылал
Подорожну написал
(ИП. IV, № 134) .

Мотив изменения внешности обыгрывается почти во всех вариантах XIX века. В аналогичных вариантах XVIII века он отсутствует. Казакам, в отличие от регулярных солдатских войск, разрешалось носить бороду и усы. Платов, казачий атаман и генерал, без усов и бороды не похож на казака.

Платов-казак воин был,
Себе бороду не брил,
Когда бороду побрил,
У француз в гостях был
(И.П. IV, № 140).

Потому-то «француз его не узнал, За купчину почитал». (ИП. IV, № 139).

«Небритая борода» и «обретая борода» – немаловажная деталь. Как справедливо отмечает В. Г. Смолицкий, «борьба сближала облик казака и крестьянина, делала их "своими"»¹⁷. Платов, изменив внешний облик, не перестал быть «своим», демократическим героем: «Платов-казак мудрен был» (ИП. IV, № 156), «Смелость поимел, Свою бороду обрел, Волоса свои остриг Его француз не узнал...» (ИП. IV, № 144). Он «переступил закон», чтобы проникнуть к французу, «осмешечку отсмеять»; как следует из текста песен, для этого он изменил казачий облик.

В песнях нет даже намека на то, что Платов был старообрядцем¹⁸. Личность и деятельность Платова в песнях соответствует традиции, которая «программирует» биографию идеального героя. Платов-казак и его «двойники» из XVIII века напоминают героев-ловкачей анекдотических сказок¹⁹ и авантюрно-плутовских романов, фабульный стереотип которых содержит бинарную оппозицию «герой – антигерой» («умный – глупый»). В исторических песнях оппозиция сохраняется, новые персонажи (Краснощеков, Прозоровский, Платов) получили новое стилистическое «оформление», возникли новые мотивировки их поступков, но следы сказочной фабулы, ситуации и клише сохранились.

Платов-казак, в отличие от сказочных ловкачей, не частное лицо, а государственный человек, защитник страны. Его поступки продиктованы не

личной выгодой, что сближает его с былинными героями: «Не ясён сокол летает, казак Платов разъезжает» (ИП. IV, № 73), «С горы на гору поскакивает...» (ИП. IV, № 170). «На коне Платов скакал, В три ускока версту брал Из ноздрей-то дым столбом, Из ушей искры пылом» (ИП. IV, № 145). «Платов с армией валит – Земля порохом горит» (ИП. IV, № 147).

«Енерал наш казак Платов» (ИП. IV, № 102) всегда впереди войска, он любовно относится к собратьям по оружию, они отвечают ему тем же. Генеральский чин и графский титул не делают его «чужим». Он их заслужил, а не получил по наследству: «Граф Платов-генерал Усю силушку побил, Он которую побил, которую потопил (ИП. IV, № 76). Платов «свой» для той социокультурной среды, к которой принадлежат хранители и исполнители песен, крестьяне и казаки.

Во второй половине XIX века тема Отечественной войны 1812 года сохраняется, но исполнители песен, участники новых войн, вносят в текст некоторые коррективы – новые имена. В борьбе с Наполеоном командует казаками «граф Циповских (Жуковский) – генерал» (ИП. IV, №№ 42 – 44), участник похода в среднюю Азию в 1839 – 1840 годах, С. Т. Циолковский, фельдмаршал И. Ф. Паскевич – герой русско-турецкой войны 1828 – 1830 годов (Х. – С. 42), царя Александра I сменяет «Миколай», «Миколай Павлович» (ИП. IV, №№ 74, 110).

Постепенно связь с прошлым ослабевает, происходят изменения, но сохраняется стереотип, на который «наслаиваются» новые реально-бытовые и военные подробности, делая историческую песню современной новым событиям, появляются новые варианты и версии песен: о Русско-турецкой войне 1828 – 1829 годов, песни о Крымской войне 1853 – 1856 годов, в которых повторяются темы 1812 года: турецкий султан пишет письмо (ИП. IV, №№ 263 – 273); турки похваляются разбить русские войска (ИП. IV, №№ 4274 – 291); казаки получают приказ идти в турецкие земли (ИП. IV, № 292); казаки собираются под Севастополь (ИП. IV, № 360 – 366); враг похваляется захватить Москву (ИП. IV, № 274 – 291; № 350) и т. д.

Продуктивное развитие исторических песен, связанных с событиями 1812 года, практически прекратилось после революции, хотя отдельные сюжеты «дожили» до конца XX века. Это и песни «О Платове-казаче в гостях у француза»¹⁹, которые сохранились в большом количестве вариантов, и отдельные контаминированные варианты «Разоренная дороженька от Можая до Москвы» в соединении с мотивом «Француз похваляется Парижем» (ИП. IV, №№ 47, 52, 54, 58, 79, 93). Как правило, эти тексты невелики по объему, 15 – 16 коротких строк. Действие лишь обозначено, не развернуто. Исключение составляют поздние варианты, записанные в местах бывшего казачьего поселения, на Урале и на Дону (ИП. IV, №№ 105,

119), что можно объяснить наличием в прошлом певческих школ, в которых сложились традиции хорового пения.

Единичные варианты песен не дают законченного представления о ходе войны, повествуя лишь об отдельных ее эпизодах: «Девушка в плену у французов», «Русские войска оставили Смоленск», «Кутузов допрашивает французского майора», «Наполеон горюет о разгроме армии», «Русские войска преследуют французов», «Донские казаки готовятся вступить в Париж», и т. д. Эти и другие варианты фиксируют лишь какой-то один момент из цикла военных событий.

Песенную историю войны 1812 года в ее движении может передать только цикл, «реставрируя» условно хронологическую последовательность событий. Циклизация, приуроченная к единому историческому времени, вовлекает в сферу своего влияния разновременные варианты песен, создает единый гипертекст, вписанный в историческое время, в 1812 год. В устной традиции цикл как единый текст не бытует. Он создается на основании письменных источников (сборники песен) и носит, в какой-то мере, субъективный, условный характер. Варианты песен, образующие гипертекст, группируются в три тематических блока, которые составляют гиперсюжет: Наполеон в России, борьба с французами на русской земле; изгнание французской армии из России; заграничные походы Русской армии. Гиперсюжет представляет собой законченный рассказ, концептуальным стержнем которого являются семантические оппозиции: Франция – Россия; Запад – Восток; Наполеон – Александр; французская армия – русская армия; «свое» – «чужое», «Париж» – «Москва» и т. д.

Концепты «Запад – Восток» и «Восток – Запад» в гипертексте проявляются не явно, а на уровне подтекста. Как в православной, так и в народно-бытовой традиции они имеют оценочный смысл. По утверждению М. М. Бахтина, многие общекультурные понятия «живут не в индивидуальной памяти сказителя, а в объективных формах самой культуры... минуя субъективно-индивидуальную память творцов»²⁰. Подтекстовый смысл концептов «Запад – Восток», «Восток – Запад» формирует два сюжетных узла в рамках гипертекста.

Первый сюжетный блок – движение наполеоновской армии с Запада, из Франции, на Восток, в Россию. Второй – из России, с Востока, на Запад, во Францию.

Негативное отношение к Наполеону, французской армии, диктуется не только тем, что это враги, чужеземцы, «не в свою землю зашли», но и глубинным смыслом концептов: это иноверцы, «неверная сила», «басурманы», противники православной веры («Наполеон – француз – неверный – басурман», «Он хочет жа всем светом владеть» – ИП. IV, №№ 102, 106,

124; X – С. 29, 49). Осуждение захватнических планов Наполеона звучит в риторическом вопросе: «Ты зачем зашел не в свою землю?» (ИП. IV, № 100). Отрицательным оценочным смыслом характеризуются действия Наполеона и его армии в соответствии фольклорной поэтикой, обнаруживая типологическое сходство с действиями врагов в былинах и исторических песнях XVI – XVIII веков. Наполеон посягает на православную веру, грозитя осквернить церковь, разорить Москву. «Рассею всю я да наскрозь ее да пройду», «Я со ваших со церковей Кресты-головы пособью» (X. – С. 40), «Ой да я добрых коней своих я расставляю все по божьим вот я церквам» (ИП. IV, № 41), Москву «во ногах вотопчу» (ИП. IV, № 72), «Села все ваши и деревни пожаром их да пожгу» (ИП. IV, №№ 36 – 40).

Агрессивность Наполеона подчеркивается глаголами акционально-направленного действия: «Сукин сын Наполеон-король не в свою землю зашел», «Собирает он себе армейку по разным землюшкам» (ИП. IV, № 123), «армия короля французского силу русскую крепко призобидела» (ИП. IV, № 122), «всю Расаеюшку она прошла, В Москву-город зашла», Наполеон-король «среди Москвы силу становил» (X. – С. 6), «Москву зажег» (ИП. IV, № 51 – 60), «ожжет ее и шалит, весь народ пленит» (ИП. IV, № 59), «Матушка Москва разорена с краю до конца» (ИП. IV, №№ 79 – 80). События не описываются, о них только сообщается как о свершившихся (Наполеон зашел. Разорил, зажег и т. п.).

Песенная характеристика Наполеона соотносится с конкретным периодом его жизни – походом на Россию. Песенный образ Наполеона имеет реальный прототип, это Наполеон-Бонапарт I (1769 – 1821), император Франции с 1804 года. Основные вехи его похода на Россию – военный успех на первом этапе войны и бесславное поражение на втором – обстоятельно отражены и оценены в песнях в соответствии с исторической реальностью. Но основное содержание песенного образа соединяет реальные штрихи биографии с традиционным образом врага, захватчика.

В характеристике персонажа важную роль играют собственное имя, этимология имени, его функции.

Употребление имени в тексте отражает эмоционально-эстетическое отношение к персонажу. Имя Наполеона употребляется как этноним, как обобщенный образ – Наполеон = француз, но никаких национальных черт оно не содержит. Иногда подчеркивается его социальный статус: «Наполеон – король», «французский царь», «французский король».

Характеристика персонажа передается различными речевыми средствами, варьированием личного имени. Ироническое отношение, снижающее социальный статус персонажа, достигается использованием просторечно-разговорной формы имени, полуимени: «Полиончик», «Напольёничик»,

«Пален», «Палеончик, парень молодой, неженатой, сроду холостой» (ИП. IV, № № 55, 56), «Пален – парень молодой», «Мальчишечка молодой». Определение «молодой» подразумевает оппозицию, «молодой – старый», актуализирует противопоставление «Наполеон – Кутузов». С его помощью французский император представлен как «неопытный» («молодо – зелено») в сравнении с умудренным жизнью «Михайлом Ларионовичем». Уменьшительно-ласкательные суффиксы выполняют в данном случае функцию негативно-субъективной оценки персонажа. Просторечно-разговорная форма имени создает игру слов, приближенную к исходному значению слова: «Палиён – опалён», закрепившуюся в народных пословицах («Был Наполеён, а из Москвы вышел опален»).

Имя соотносится с функцией персонажа. Наполеон – враг. Происходит синонимическое усиление негативного отношения через систему определенных существительных в роли приложений-эпитетов: Наполеон – «неприятель – вор – француз», «Злодей-шельма – Наполеон – король», «Француз – шельма – король», «француз – злодей – варвар», «Вор Палиён», «Варвар Палиён» и т. п.

Приложения – «шельма», «вор», «злодей» – содержат оценочную характеристику с акцентом на антиповедение, на крайнюю степень негативного отношения к персонажу. Слово «варвар» соединяет два значения: «невежественный», «грубый», но, судя по контексту, точнее к характеристике Наполеона подходит более раннее значение слова с пренебрежительным отношением – «чужеземец», «иноверец», «чужой», человек другой культуры, другой веры. Как видно из приведенных примеров, языковые стереотипы обладают высокими культурными возможностями, исключаящими какие-либо дополнительные характеристики.

При характеристике Наполеона широко используется «зоологический код» – зооморфные прозвища: Наполеон – «Ворон», «Ворона», «Грач», «Сова», «Сорока». Все перечисленные птицы в народном быту воспринимаются как «нечистые», связанные с «иным» миром. Они вестники беды, смерти, несчастья, войны. Коррелятивные признаки ставят в один ряд со «зловещими птицами» и Наполеона.

Экспрессивная фразеология типа: «разиня ворона», «заблуженная сова», «загуменная карга», «французский попутай», «ворона – пустокара, ты французская свинья», «стародавняя кочерга», выставляют на первый план глупость, комичность Вороны-Наполеона. Особенно наглядно этот мотив разработан в цикле «Платов в гостях у француза», в котором противопоставлены архетипическая по своей природе символическая оппозиционная пара – Сокол Платов – Ворон (Ворона) Наполеон: «Уж тебе ли, вороне, Ясна сокола ловить? Уж тебе ли, вороне, По полям мышей давить!» (ИП.

IV, № 163). Все прозвища, которыми наделяется Наполеон, связаны с инвективной лексикой, обличающей не столько Наполеона как личность, сколько его захватнические планы, его агрессивную политику, войну вообще.

При характеристике образа врага исторические песни продолжают ощущать влияние инерции эпических законов. Все приемы создания образа имеют ярко выраженную отрицательную коннотацию, создавая вокруг персонажа негативную атмосферу, соответствующую идейно-художественной концепции цикла.

В границах первой чести гиперсюжета формируется второй повествовательный план, в центре которого персонифицированные образы «Матушки России», «Расеи», «Рассеюшки» и «Матушки Москвы». В народном сознании «Россия» и «Москва» – синонимы Матери Родины, государства. Это «святая русская земля», «все московские города»: «славный Питер», «Кострома», «Черкесский славный городок», «Симбирск-город», Саратов, многострадальный Смоленск, «село Урень», «Сибирь – город», «Славный тихий Дон», волга, «речка Береза» (Березина. – М.В.) – этот широкий географический фон составляет «свой мир», на котором разворачивается сюжетное действие.

Образ «Матери-России» соотносим с мифологемой «Мать-сыра Земля». Согласно народным поверьям, Земля – живое существо. В песнях ярко проявляются ее антропоморфные свойства: «Мать-Россия» печалится, горюет, страдает, плачет, радуется и т. д. «Мать-сыра земля потрясалася», «вздрыгнулася», «Много горя приняла», «Мать Российская земля Много крови пролила», «Много нужды, много страсти», «Много горьких слез ты пролила...» (ИП. IV, №№ 51, 142, 149, 135 и др.) – это плач земли-государства. Он восходит к древнерусской традиции, языческой по своему происхождению (см. духовный стих «Плач Земли»)²¹.

Поэтический прием олицетворения земли можно осмыслить и как религиозный символ – плач Богородицы-земли с просьбой к Богу о помощи. «В православии образ Матери-земли сблизился с образом Богородицы, – отмечает А. Л.Топорков, – что привело к формированию культа Богородицы-Земли»²². Прямого упоминания в песнях о слиянии понятий «Мать-Российская земля» и «Богородица-земля» нет, но убежденность в том, что Бог слышит плач Русской земли и не останется безучастным к ее страданиям, подчеркивается неоднократно (ИП. IV, №№ 46, 47, 102, 107 и др.): «Ты не плачь, не плачь, не плачь, Россиюшка, Бог тебе поможет».

Во второй части гиперсюжета, которую можно считать основной, соединяются разные по эмоциональному плану начала.

Зрелище разоренной «кременной» Москвы вызывает потрясение повествователя, не оставляет его сторонним наблюдателем, подчеркивая сопричастность к происходящему:

Ох был я на горе да на высокой...
Тут стояла да камене Москва,
Ох, позоренная...
(ИП. IV, № 54).

Ох ты, горе мое, ты великое,
Печаль-тоска несносная
(ИП. IV, №№ 59, 60).

Уж ты матушка моя Россия,
Много нужды приняла,
Много нужды, много страсти,
Невозможно вспомнить!
(ИП. IV, № 149).

Однако печальные мотивы не снижают патриотического пафоса песен, что особенно ярко проявляется в противопоставлении «чужого» Парижа «своей» Москве. «Француз в Москве побывал, Много силы спокладал, Париж-город выхвалял» (ИП. IV, № 90). В описании Парижа нет восприятия реального географического пространства: «Ты Париж мой, Парижок, Париж – славный городок» (ИП. IV, № 83). Описание Москвы переводится через видение простых людей, тех, кто жил в Москве, защищал и освобождал Москву от французов, кто видел ее только на лубочных листах («На бумашке списана, в Симбирск-город прислана», «В село Упень прислана» (ИП. IV, №№ 91, 92). Благодаря деталям эмоционально-экспрессивного, архитектурного, пейзажного характера, Москва получает индивидуальную художественно-поэтическую характеристику, становится узнаваемой в отличие от Парижа. «Распрекрасная Москва – всему свету голова, Всей России честь-хвала» (ИП. IV, № 81). «На горе стоит Москва, Вся садами убрана...» (ИП. IV, № 86); «Березками сажена» (ИП. IV, № 84), «По плану строена» (ИП. IV, № 98, 87), «Железом крытая» (ИП. IV, № 84), «Красным сукном выстлана» (ИП. IV, № 85), «Желтым песком сыпана» (ИП. IV, № 84), «Белым камнем выстлана» (ИП. IV, № 86), «Чисто убрана» (ИП. IV, № 92), – «Белокаменна Москва», – «Всей России красота» (ИП. IV, №№ 96, 97). Во всех вариантах (ИП. IV, №№ 81 – 98) используется композиционный параллелизм, противопоставляющий «чужой» Париж – «своей» Москве.

Рассказ о красоте Москвы вклинивается в повествование о ее разорении. Наполеон в Москве «жжет ее, палит», а песни убеждают: «Не видать вору-французу нашей каменной Москвы». Отказ от изображения событий в их фактической достоверности – традиционный прием поэтической идеализации²³, названный очень точно А. Н. Робинсоном «приемом эпической компенсации действительности»²⁴, «противоборством с действительностью».

Поражение как бы компенсируется уверенностью в победе. «Злодея победим, Врага разобьем, Бонапарта в плен возьмем!» (ИП. IV, №№ 46, 47, 119).

Военные неудачи в исторических песнях объясняются изменой генералов. Дальновидная политика Кутузова – сдать Москву без боя – не была понятна рядовым участникам войны. Москву продал «размосковский злой генерал», он «запродал Матушку-Москву за три бочки злата-серебра, За четвертую зелена-вина», «Запродал села, города...» (ИП. IV, №№ 48 – 50)²⁵. Картина, изображаемая в вариантах «генерал продает Москву», сюжетно условна. В объяснении современной действительности народ обращается к собственной поэтической традиции, опираясь на стереотипы, проецируя современные ситуации на исторический и поэтический опыт прошлого.

Внешний конфликт в гиперсюжете осложнен конфликтом внутренним, ситуацией социального характера: «Власть» (царь, генералы, сенаторы) – «армия» (Кутузов, Платов, казаки, солдаты), но он не получил развития.

Господа-то все наши дворяне
Они перепугались, не знают, как быть.
Перепугались, да все разбежались, –
Ой, в Москве нету, братцы, никово.
Как один-то, один не спужался, –
Вот Кутузов, всем нам командир.
А другой-то вот не устранился.
Другой – Платов, вот он – наш герой!
(Листопадов, № 76).

Прием противопоставления характеризует в данном случае не взаимоотношения между действующими лицами, а является традиционным приемом «выделения героя» из массы, включение его в действие, в ход событий.

Народная концепция истории отражает социальные симпатии и антипатии народа. Гиперболически изображая нерешительность и растерянность царя («Тут наш православный царь крепко призадумался, Повесил свою буйную голову на белые груди, Утупил свои очи ясные во сыру землю...» (ИП. IV, №№ 36 – 40), генералов и сенаторов («Расплакались, разрыдались наши сенаторы» (ИП. IV, №№ 72, 101 – 109), – песни противопоставляют им идеализированные образы народных любимцев – Кутузова и Платова, решительных, самоотверженных, уверенных в победе на врагом.

Утешает царя, сенаторов генералов Кутузов: «Он речи говорит, Что труба трубит: “Что вы, православный царь, крепко призадумались? Мы его, собаку (Наполеона. – М. В.) встретим среди поля, Среди поля Можайского... Среди пути, на своей земли... (ИП. IV, №№ 36 – 40) Я силу свою соберу,

вас всех французов наповал всех положу. Самого-то Наполеона в полон возьму»» (ИП. IV, №№ 67, 69, 70).

Не преуменьшая исторической роли Кутузова в Отечественной войне 1812 года, следует согласиться с утверждением П. А. Бессонова: «Не Александр, не Константин и не Кутузов заняли у народа главное место в эпосе тогдашней... это был Платов. Платов у народа – вся Россия того времени; вся народно-поющая о том времени Россия – Платов» (X. – С. 33).

Песенный Платов имеет реальный прототип. К началу войны с Наполеоном ему было 50 лет, он имел звание генерала от кавалерии, был атаманом казачьего войска, командовал разведывательным «летучим» казачьим отрядом²⁶, обладал воинским талантом, необычайной храбростью. В исторических песнях нет интереса к личной биографии персонажей, но связь Платова с этнической средой, его близость к рядовым участникам войны подчеркивается речевыми характеристиками, в которых притяжательные местоимения («наш») и опредмеченные определения-эпитеты указывают на близость его к демократической солдатской и казацкой массе: «Наш батюшка казак Платов», «Генерал наш казак Платов», «Енерал казачий Платов» и т. п. «Речевое поведение» Платова также свидетельствует о «фамильярном контакте» (М. М. Бахтин) героя с казачьей средой: «Братцы-молодцы, вы донские казаки», «товарищи мои», «солдатушки ребятушки» и т. п., что и делает его «своим».

В песнях Платов показан в движении, в бою он «наперед всех летит», «частым-часто стреляет», преследует неприятеля, отдает приказы «караулы вражьи скрасть», вселяет в солдат уверенность в победе – «Нам Платов поможет!» (ИП. IV, № 107). В создании художественного образа героя обозначаются две тенденции: сочетание индивидуальных качеств личности Платова с приемами, обусловленными фольклорной традицией и поэтикой. Устойчивость эпической традиции проявляется особенно в желании создателей песен подчеркнуть масштабность подвига персонажа, сопоставимого с подвигом богатырей²⁷. Гиперболизация достигает высшей точки при изображении Платова в бою, когда он один побеждает «ую силушку французскую»: «Он которую побил, которую потопил, Его силушку он в плен забрал, Остальную всю во Сибирь-город сослал» (ИП. IV, № 76, № 120). Широко используются в исторических песнях о 1812 году и другие приемы традиционный поэтики: двучленные параллелизмы («Как не пыль в поле пылит, Лес-дубравушка шумит: то по горке по горе Платов скачет на коне (ИП. I, № 75), сравнения (Платов – сокол, ИП. IV, № 73), уменьшительно-ласкательные суффиксы («атаманушка» и др.).

Роль образа Платова в гиперсюжете занимает особое место. Это образ-символ, который и в поэтическом воплощении, и в историческом сознании

народа ассоциируется с образом национального героя. Тему «Платов-казак – народный герой» завершает панегирик:

Про Платова-казака
Прошла слава хороша:
За его храбры дела
Будем помнить завсегда.
От своих чистых сердец
Совьем Платову венец
(ИП. IV, №№ 71 – 73, 75 и др.).

Роль царя в цикле песен о войне 1812 года амбивалентна. В экспозиции гиперсюжета это типичный эпический правитель: он растерян, ощущает всю драматичность угроз Наполеона, его «царская коронушка к земле преклонилась» (ИП. IV, № 39). Но не следует из этого делать далеко идущие выводы о социальном конфликте «Кутузов (Платов) – царь». Это поэтический прием, эпическая условность, устойчивая традиция изображения князя, царя перед лицом опасности, чтобы оттенить ярче роль героя в создавшейся ситуации. Оценка народными создателями песен роли царя соответствует его харизматическому статусу правителя, устроителя государства, помазанника Божия на земле; царь – символ могущества, политического авторитета страны. Сакрализация монархической власти – особенность русской ментальности, что находит отражение в песнях, в номинациях царя: «Российский повелитель», «наш православный царь», «государь», «Царь-батюшка» и любовно – «Александрюшка». Его участие в заграничных походах 1813 – 1814 годов соответствует исторической реальности и получает в песнях традиционно-поэтическое подтверждение. «Под славным городом под Липцами... (Лейпцигом. – М. В.) Александра-царь по армии конем бегают», «звонким царским голосом» отдает команду призвать донских казаков. По приказу царя они «на удар пошли», – «Бонапартские знаменушки назад воротилися» (ИП. IV, №№ 120 – 123). «Над рекою Рейном... прошли там войска российские... Впереди идет Александра-царь. Наголо он несет саблю вострую» (ИП. IV, №№ 99 – 100). Царь по заслугам награждает казаков чинами, а Платова – «своим царским поцелуем» (ИП. IV, №№ 120 – 123). Царь в песнях изображается как полководец и не вызывает социальных антипатий. Он представлен таким, каким его хочет видеть народ.

Концепция гиперсюжета воплощена в обобщенных образах рядовых участников войны. Это «солдатушки-ребятушки», «государю верные, командиру послушные», «бомбандеры, слуги верные», донские казаки, «уральские казачушки», «гренадеры», «пушкари», «канониры», «конная

гвардия» – составляющие «Российское славное войско» (ИП. IV, № 125). Обобщенный образ лирического героя, по мысли Д. С. Лихачева²⁸ «уравнен с исполнителем», который «ведет повествование от первого лица, «мы», рассказывая о том, что часто бывает, что повторяется в солдатской жизни: «Мы на ограде стояли», «Мы из пушек палили», «мы бились-рубился Разосенною темную ночь», «Мы пойдем, пойдем скоро, ребята, За границу воевать», «Мы француза нагоняли, знамена отбирали», «Под Парижем мы стояли» и т. п. (ИП. IV, №№ 79, 94, 101 – 102; 104 – 105; 111 – 112; 119; 122; 125 и др.). В этой обобщенной информации нет индивидуального начала. Исполнитель песни ощущает себя «очевидцем» событий, воображая себя таким, «каким изображен лирический герой его песни»²⁹. В содержательном плане образ войны преломляется через эмоционально-психологическое восприятие рядовых ее участников, солдат, вчерашних крестьян.

Война для солдата – работа. Он возвращается из боя, «как со великих со трудов», «с чувством хорошо выполненного долга-дела: «Вот побили, погромили у французеньки всю армеюшку», «Били дураков сзади и с боков, воинов Российских что может унять?», «Мы французика догоняли и знамена отобрали...» (ИП. IV, №№ 60, 104 – 105, 118).

Контрастом патриотическому плану является обобщенно-трагический образ войны. «Уходила вся баталья, Стали тело разбирать... Как солдат, пехоты – сметы дати не могли» (ИП. IV, № 112). Картины боев даны в реально-бытовом плане. Особенно сильно звучат мотивы недовольства, трудностей походной жизни, тоски по дому. Размышления о нелегкой солдатской судьбе в песнях о заграничных походах завершают гиперсюжет:

Да не полно ль вам, солдаты,
Во неверной земле жить.
Не пора ли вам, солдаты,
Во Россию выходить?
(ИП. IV, № 144).

Война на «своей» земле воспринималась ее участниками как дело их собственной жизни, солдаты воевали, чтобы не досталось «все святое неприятельским рукам» (ИП. IV, № 108).

Война на «чужой» земле – «стояние на речке Веслушке» (Висле. – М. В.), «под городом Аршавой», «на Рейне», «на саксонских дальних берегах», «под Липцами» (Лейпцигом. – М. В.), «под славным городом Парижем» – не вызывает у солдат оптимизма: «мы безвинно здесь страдаем, много бедности нясем...» (ИП. IV, № 110).

Оценка происходящего облекается в художественную форму с установкой на достоверность, на бытовые реалии, снижающие высокий пафос по-

бедного марша по Европе. Песни о заграничных походах утрачивают стремление идеализировать действительность: «...мы и холод принимаем, Ну й одежды на нас нет»; «Мы снегами шли в колено... По полену дров нашли, Со всей радостью берем, огонечек разведем»; «Провиант мы получали: фунт три четверть сухарей, По манерочке воды, Чтобы пьяными не быть, Государю послужить» (ИП. IV, №№ 110, 114 – 115).

Бытовая лексика и ирония передают драматическую атмосферу, напряженность, усталость, непонимание свой роли в ходе войны на чужой земле:

Тяжела служба нам государева.
Надоели нам походы частые,
Частые и дальние
(Яз. – С. 17).

Во поход споро пошли.
Во такие во земли,
Во такие во всякие.
Из турецкой земли – в шведскую,
Изо шведской – во немецку,
Из немецкой – во французьску,
Из французской земли – в русьску»
(ИП. IV, № 387).

И в содержательно-смысловом, и в стилистическом планах в «заграничном цикле» обнаруживаются новые изобразительно-поэтические тенденции, новые повествовательные приемы. В это же время художественная трактовка образа войны сохраняет следы языческого мировосприятия, проявляющиеся в различных формах образности: в символике, сравнениях, параллелизмах. Столкновение двух армий – «ровно туча с громом шла» – создает «параллелизм впечатлений» (В. И. Еремина), вызывает аналогичные ассоциации: гроза = война = беда. Метафорические сравнения, параллелизмы, эпитеты носят конкретно-зримый характер: «Земля всколыхнулась», «Москва землей вздрогнула». Текут реки крови, «словно поляя вода», солдаты «по колен в крови стоят» и т. п. Значение символов, метафор не объясняется, а раскрывается в ходе повествования. Эпический принцип персонификации войны, реальные, исторически узнаваемые события, бытовая детализация, объединенные в одном тексте, формируют новый, свойственный только историческим поздним песням, прием, названный А. Н. Робинсоном «историческим символизмом»³⁰. Сохраняя художественные традиции, исторические песни об Отечественной войне 1812 года ориентированы на современность, на открытость в реально-историческое пространство, что формирует новые принципы отражения действительности.

В песнях об Отечественной войне 1812 года не следует искать отражения социальных противоречий. Тема борьбы с иноземными захватчиками вызывала обостренное чувство национального самосознания, ответственность за судьбы страны. Тема «народ – власть», «народ – царь» только заявлена, но не перерастает в тему социального протеста. Для участников войны – анонимных создателей песен, исполнителей, хранителей – важны были патриотические идеи, что нашло отражение и в отдельных вариантах песен о войне 1812 года, и – в «концентрированном» виде – в гиперсюжете.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Пропп В. Я.* Об историзме фольклора и методах его изучения // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. – М., 1976. – С. 120.

² *Путилов Б. Н.* Об эпическом подтексте (На материале былин и юнацких песен) // Славянский фольклор. – М., 1971. – С. 3.

³ *Путилов Б. Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII – XVI веков. – М.; Л., 1960. – С. 280.

⁴ История издания песен, собранных П. В. Киреевским широко освещена в литературе. Работа П. А. Бессонова по составлению Свода песен была подвергнута современниками и фольклористами XX века критике. Его обвиняли в недобросовестном отношении к источникам, в присвоении материалов П. В. Киреевского. (См.: *Якушкин П. И.* Соч. – СПб., 1884. – С. 462 – 480; *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. – Т. 2. – СПб., 1891. – С. 333 – 346). Бессонов нарушил волю покойного, завещавшего издание собранных им материалов П. И. Якушкину. (См.: *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. – Т. I. – М., 1958. – С. 342 – 343, т. 2. – М., 1963. – С. 173 – 175; *Баландин А. И., Ухов П. Д.* Судьба песен, собранных П. В. Киреевским // Литературное наследство. – Т. 79. – М., 1986. – С. 77 – 120. *Соймонов А. Д.* Вопросы текстологии и публикации фольклорных материалов из собрания песен П. В. Киреевского // Принципы текстологического изучения фольклора. – М.; Л., 1966. – С. 5 – 36; *Мельц М. Я.* О VI выпуске «Песен, собранных П. В. Киреевским (Текстологические заметки) // Русский фольклор: Материалы и исследования. – Т. V. – М.; Л., 1960. – С. 382 – 390; *Соймонов А. Д.* П. В. Киреевский и его собрание народных песен. – Л., 1971.)

⁵ Исторические песни. – Изд. 2-е / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. Шептаева. – Л., 1952; Народные исторические песни / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. – М., 1962; Русские исторические песни: Хрестоматия. / Сост. В. И. Игнатов. – М., 1970. – С. 210 – 230; изд. 2-е. – М., 1985. – С. 168 – 184; Атаман Платов в песнях и преданиях / Сост. В. Г. Смолицкий, В. Е. Добровольская, И. Е. Посоха, А. Н. Иванов. – М., 2001.

⁶ Исторические песни XIX века (Памятники русского фольклора) / Подгот. изд. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. – Л., 1973. – С. 44 – 111.

⁷ Исторические песни XIX в. (комментарии). – С. 221 – 231.

⁸ *Литвин Э. С.* Русская историческая песня первой половины XIX века // Исторические песни XIX в. – С. 6 – 26.

⁹ *Коргузалов В. В.* Напевы исторических песен XIX века // Исторические песни XIX в. (нотные приложения). – С. 212 – 216.

¹⁰ *Чистов К. В.* Константин // Русские народные социально-утопические легенды. – М., 1967. – С. 196 – 219.

¹¹ *Коргузалов В. В.* Напевы исторических песен XIX века. – С. 214.

¹² Привожу названия некоторых из них: Солдатские песни: Чтение для солдат. – М., 1852, 1853, 1855; Солдатские песни первого пехотного корпуса, сочиненные унтер-офицером Н. Вережкиным // Библиотека для чтения. – Т. 20. – 1837. – С. 83 – 94; Песни кубанских казаков для одного голоса и хора (сборник А. Бигдал). – Вып. 8. – Екатеринбург, б/г; Сборник солдатских, казацких и матросских песен / Собрал Н. Х. Весель. С голоса на ноты положил Е. К. Альбрехт. – СПб., 1866, 1868, 1894.

¹³ Лопатин Н. М., Прокунин В. П. Русские народные лирические песни. – М., 1956. – С. 230 – 231.

¹⁴ Добровольский Б. М. Работа А. М. Листопада над песенным фольклором донских казаков // Народная устная поэзия Дона. – Ростов-на-Дону, 1963. – С. 230 – 248.

¹⁵ Еремина В. И. Поэтический строй русской народной лирики. – Л., 1978. – С. 42, 43, 45.

¹⁶ Иванова Н. Н. Высокая и поэтическая лексика // Языковые процессы в современной русской художественной литературе. – М., 1977. – С. 24 – 25.

¹⁷ Смолицкий В. Г. Образ атамана Платова в народном творчестве // Атаман Платов в песнях и преданиях. – С. 31 – 32.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Сравнительный указатель сюжетов (СУС): Восточнославянская сказка. – Л., 1979. – №№ 1525 – 1639 (о хитрых и ловких людях).

²⁰ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М., 1975. – С. 397 (примечание).

²¹ Селиванов Ф. М. Русские народные духовные стихи. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 121.

²² Топорков А. Л. Земля // Славянская мифология. – М., 1995. – С. 192 – 195. Его же: Материалы по славянскому язычеству: Культ Матери-святой земли в дер. Присно // Древнерусская литература: Источниковедение. – Л., 1984. – С. 222 – 233.

²³ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII – XVI веков. – С. 125.

²⁴ Робинсон А. Н. Литература древней Руси в литературном процессе Средневековья: XI – XIII вв. – М., 1980. – С. 280.

²⁵ В сдаче Москвы народ обвинил не Кутузова, а Ф. В. Растопчина, московского военного губернатора, который в своих афишках обещал повести москвичей на французов, но не выполнил своего обещания. См.: Соловьев С. М. Соч.: В восемнадцати книгах. – Кн. 18. – М., 1995. – С. 500 – 501. Аналогичный сюжет встречается в исторических песнях XVIII в. (ИП. III, № 373; 369 – 378). Поражение при Гросс-Егерсдорфе (19 августа 1757 г.) и гибель генерала В. А. Лопухина объяснялись изменой главнокомандующего генерала Г. А. Потемкина.

²⁶ Смолицкий В. Г. Образ атамана Платова в народном творчестве // Атаман Платов в песнях и преданиях. – С. 9 – 36.

²⁷ Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. – 2-е, доп. изд. / Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. – М., 1977. – С. 133, № 25. («Не дай Бог нам бывать ко Киеву, Не дай Бог нам видать русских людей! Неужели в Киеве все таковы: Один человек всех татар побил?» – С. 133.)

²⁸ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – М., 1979. – С. 222.

²⁹ Там же. – С. 224.

³⁰ Робинсон А. Н. Литература древней Руси в литературном процессе Средневековья: XI – XIII вв. – С. 274 – 275.

Сокращения

При цитировании источников приняты условные сокращения, построенные по следующему принципу: первые буквы названий сборников, первые буквы фамилии собирателей, номера страниц, № текста.

ИП. III, № – Памятники русского фольклора: Исторические песни XVIII в. / Изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. – Л., 1971.

ИП. IV, № – Памятники русского фольклора: Исторические песни XIX в. / Изд. подгот. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. – Л., 1973.

Х. – С. – Песни, собранные П. В. Киреевским / Изданы обществом любителей российской словесности под редакцией и с дополнениями П. Бессонова. – Вып. X. – М., 1874 (цитируются в написании, приближенном к современному).

Як. – Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. В. Якушкина. – Т. 1. / Подгот. текстов, вступ. ст., комм. З. И. Власовой. – Л., 1983.

Яз. – Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. – Т. 1 / Подгот. текстов к печати, ст. и комм. А. Д. Соймонова. – Л., 1977.

Рыбн. – Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. – Изд. 2-е. – Т. 1 – 3. – М., 1909 – 1910.

Гильф. – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. – Т. 1 – 3, М.; Л., 1949 – 1951.

Листопадов. – Листопадов А. М. Донские исторические песни. – Ростов-на-Дону, 1946.

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ГЕРОЙ В ПУШКИНСКИХ «ПЕСНЯХ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ»

Образ Разина вошел в творческое сознание А. С. Пушкина, как отмечают биографы и исследователи, во время южной ссылки, когда он вместе с семьей Раевских посетил места бурных в недавнем прошлом казачьих восстаний (Акса́й, Новый и Старый Черкесск), где еще была жива память о могучем казачьем атамане. Историю Разина собирался писать его друг Николай Раевский. Можно предположить, что эта тема была предметом их частых разговоров во время путешествия по разинским местам. В сентябре 1820 года Пушкин пишет брату: «Когда-нибудь прочту тебе мои замечания про черноморских и донских казаков – теперь тебе не скажу об них ни слова»¹.

Во времена Пушкина фольклор активно функционировал. Несомненно, поэт слышал в живом исполнении песни «об удалых разбойничках», вольных казаках. Косвенным подтверждением этому служит сохранившийся план неосуществленного замысла Пушкина: «Поэма. Вечером девица плачет, подговаривает... Молодцы готовы отплыть; есаул – где-то наш атаман. – Они плывут и поют... Под Астраханью разбивают корабль купеческий; он берет себе в наложницы другую – та сходит с ума; новая не любит и умирает – он пускается на все злодеяства. Есаул предает его... I. Разбойники, история двух братьев. II. Атаман и с ним дева; хлад его etc. – песнь на Волге. III. Купеческое судно, дочь купца. IV. Сходит с ума»².

В этом плане угадываются мотивы разбойничьих казачьих песен и преданий разинского цикла (упоминание «эпических центров» – Астрахань, Волга, – мотивов из баллады о девице в лодке разбойников, за фигурой атамана стоит неназванный Стенька Разин), а также литературные романтические ситуации (мелодраматическая развязка, ревность, мучения совести героя-злодея). План остался нереализованным, написанный отрывок

известен нам как поэма «Братья-разбойники». С неосуществленным замыслом ее связывает лишь один эпизод: в шайке «удалых» «зрится и беглец с берегов воинственного Дона».

Интерес к разинскому фольклору у Пушкина не ограничился южными впечатлениями – он пронес его через всю жизнь. Можно сказать, что с цикла «Песен о Стеньке Разине» открывается в его творчестве тема исторических раздумий о прошлом и настоящем России, которая, по мысли Ю. М. Лотмана, реализовалась в двух направлениях: «отражение в литературе народной психики и народных представлений» и «роли народа в истории»³. В 1824 году, в Михайловском, Пушкин записывает две песни о «сынке» Степана Разина («В городе-то было во Астрахане» и «Как по утренней заре, вдоль по Каме по реке»). В 1826 году он создает цикл «Песни о Стеньке Разине», публикацию которых отклонил Бенкендорф: «Песни эти о Стеньке Разине при всем поэтическом своем достоинстве по содержанию своему неприличны к напечатанию, сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева»⁴.

Однако в том же году в кружке любителей в Москве поэт читает их сам. Запрещенные цензурой, они ходили в списках, по одному из которых в 1881 году и были напечатаны М. П. Погодиным. В 1830 году в «Отрывках из путешествия Онегина» поэт снова вспоминает о Степане Разине:

... бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Унывым голосом поют
Про тот разбойничий приют,
Про те разъезды удалые,
Как Стенька Разин в старину
Кровавил волжскую волну.
Поют про тех гостей незваных,
Что жгли да резали»⁵.

В этом черновом отрывке уже нет той романтической поэтизации героя и мира вольности, которая характерна для «Песен о Стеньке Разине», нет «эмоционального отождествления»⁶ автора и героев, нет живописного волжского пространства; «удалые» молодцы превратились в «унылых» бурлаков. Такие мысли «о русском бунте» будут занимать Пушкина-Гринёва в «Капитанской дочке». В 1833 году в письме к библиофилу А. С. Норову поэт продолжает размышлять о теме «многих мятежей», проводя аналогию между Разиным и Пугачевым: «Подробности сей казни (Пугачева. – М. В.) разительно напоминают казнь другого донского казака, *свиристествовавшего* за сто лет назад перед Пугачевым, почти в тех же местах и с таки-

ми же ужасными успехами»⁷. В 1833 году в местах пугачевского восстания Пушкин записал устный рассказ казачки Разиной, которая искала «Степанушку» среди трупов казаков, плывущих по Волге⁸. В народном сознании есть тенденция объединения или взаимозаменяемости этих народных героев.

В письмах к брату Пушкин просит прислать ему исторические сведения о Разине и Пугачеве⁹, но как поэт и историк он по-разному относился к народным героям. В 1826 году, в период создания песен о Разине, мысль о роли крестьянства как основной мятежной силы еще не стала доминирующей в творчестве поэта. Разин на первых порах привлекал Пушкина как «единственное поэтическое лицо русской истории»¹⁰. Развивая эту формулу в «Песнях о Стеньке Разине», Пушкин стремился передать «образ мыслей и чувствований» народа и сохранить его точку зрения в оценке событий и героя. В песенном фольклоре ни одно историческое лицо не было так опозитизировано, как Степан Разин. В основной массе песен он рисуется как удалец, «добрый молодец», «удалой казак», заступник обездоленных, «атаман».

Теплое отношение к Разину, его близость к «голытьбе» выразились в народной оценке его личности. Он уважительно именуется «Степан Тимофеевич», «Степан Разин», «Степанушка». Часто употребляемое имя «Стенька» не несет негативной оценки, это «прозвание» подчеркивает фамильярное отношение к герою, он «свой» – «Степан Тимофеевич, по прозванию Стенька Разин». Он не ходит «во казачий круг», думает думушку с гольтебою. Его внешний облик соответствует традиционным представлениям об идеальном герое: он в «бархатном кафтане», «соболей шапке», «сафьяновых сапожках», «атаманушка речь говорит, как в трубу трубит», «то не гром на Волге грянул, Стенька Разин слово молвил». Флот у Разина «на триста носов, пятьсот кораблей» и т. д.

Песни о Разине не отражают индивидуальности героя. Это образ, рожденный народным сознанием. Индивидуально лишь имя, но «живет» оно в фольклорном контексте, на пересечении реальности и традиций. Происходит процесс фольклоризации исторической личности и событий, с ней связанных. Возникает фольклорная биография героя: герой «переселяется» из реального мира в мир лиро-эпический, который организован по своим законам: в нем своя история, своя география, свой быт, своя система взаимоотношений. Поэтому как фактор реальности воспринимаются и «вещий» сон Разина (или девушки), и его способность к чародейству (останавливает баржи словом, берет город хитростью, убивает из незаряженного ружья и т. д.), и его неуязвимость («меня пулечка не тронет, меня ядрышко не возьмет»), и предательство «астраханской девки Машки», ставшее причиной его гибели.

Одним из приемов создания фольклорной исторически достоверной биографии героя является также включение в песенный сюжет повествователя-очевидца, который выступает и как современник, и как участник событий: «У нас-то, было, братцы, на Тихом Дону...», «С нами, казаками, речи не говаривал...», «Замерз-то *наш*, воровской стружок...» и т. д. В песнях четко обозначено географическое пространство: Астрахань, Кама, Гурьев, Казань, Волга – что также создает иллюзию исторической достоверности. В песнях о Степане Разине нет определенной социальной программы. В них в обобщенной форме выражены традиционная мечта народа о зажиточной, привольной жизни, стремление к воле-свободе, протест против несправедливости бояр, воевод (губернаторов). В разинском фольклоре есть реальная историческая основа, но она воплощена не в одном каком-то факте или событии (дело вовсе не в конфликте Степана Разина с казачьим кругом или с астраханским губернатором), а в комплексе событий, отразившем отношение народа к власти. Исторический конфликт получает традиционную интерпретацию в форме противопоставления власти (казачий круг, астраханский губернатор, богатые купцы и т. д.) и народа (голытьба, казаки, «мазурушки»).

А. С. Пушкин хорошо знал разинский фольклор. Можно сравнительно легко восстановить известный ему репертуар по сборникам русских народных песен, имевшихся в его библиотеке, по записям, сделанным потом в Михайловском, по записям, имевшимся у П. В. Киреевского¹¹. В XIX веке, в пушкинское время, разинский фольклор вступает в новую фазу бытования – в стадию циклизации. Это процесс нанизывания сюжетов, первоначально ничем, кроме имени героя, между собой не связанных. Фольклорные циклы возникают стихийно, их появление обусловлено популярностью героя, интересом слушателей и исполнителей к его жизни.

Разинские песни можно разделить на два цикла. Первый – биографический, объединяющий песни, в которых прослеживаются основные этапы разинского движения (выход из казачьего круга, поход «во сине море», плавание с казаками по Волге, по Каспийскому (Хвалынскому) морю, поход на Персию, Астрахань, Царицын, Саратов, Самару, взятие Яицкого городка, Астрахани, разгром восстания, казнь Степана Разина).

Второй цикл – генеалогический – также связан с именем Разина, но возник, как воспоминание о любимом герое, после его гибели. В этой группе песен имя Степана Разина если и упоминается, то в прошедшем времени. Оно или подразумевается, или прикрепляется к другим типологическим фигурам – Пугачеву, Чике-Чернышеву, именуемым часто «сынками» Разина. Но, несмотря на явные признаки намечающейся циклизации, эпическая биография героя не сложилась. Можно лишь отметить признаки «срастания» отдельных текстов.

А. С. Пушкин создает сюжетно самостоятельный тематический цикл о герое-удальце, четко обозначив жанровую характеристику своего сочинения («Песни») и цикличность. Три песни объединены одной фигурой героя, одной идеей – стремлением к воле, независимости, одним временем и пространством – Волгой. Три песни – три главы поэтической биографии героя – соответствуют последовательным звеньям повествования. В первой песне Стенька Разин благодарит матушку-Волгу, принеся ей в дар «полоненную персидскую царевну», во второй песне он вступает в конфликт с астраханским губернатором, в третьей песне Волга «отдаривает» «разгульного буяна» Стеньку Разина «тремя корабликами»:

На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица.

В 20–30-е годы XIX века проблема народности становится центральной и трактуется как один из признаков национальной литературы. В русле полемики о формах ее литературного воплощения рассматривается сначала баллада, а во второй половине 20 – 30-х годов «русская песня», точнее – две ее разновидности: «древние песни», под которыми понимались старинные народные песни, и «новые», т. е. авторские, сочиненные поэтами на основе обработки народного песенного сюжета (А. Ф. Мерзляков), или как свободное творчество в духе народной поэзии (А. А. Дельвиг). И в том и в другом случаях ориентация на фольклорные образы и прямые фольклорные заимствования взаимодействовали с авторским стилем и отвечали литературным вкусам эпохи.

Художественная концепция Пушкина опирается на законы фольклорной поэтики и на традиции, накопленные литературной песней. И в этом жанре Пушкин выступает как новатор, расширяя жанрово-тематический диапазон литературной песни, заимствуя исторические сюжеты из народных преданий и устных рассказов, нарушая жанровое однообразие современной ему литературной песни. Пушкину удается преодолеть поэтический барьер между литературной и народной песней. Объединяя разные художественные системы, он создал литературные формы повествования, отвечающие национальным традициям русской литературы.

Можно сказать, что А. С. Пушкин, сочинив в эти годы «Песни о Стеньке Разине», включился в оживленную полемику о «русской песне» и дал прекрасные образцы этого жанра. Секрет пушкинского фольклоризма и прост, и сложен. Он смотрел на изображаемые в песне события «глазами народа», «говорил его языком» (В. Г. Белинский), но за традиционным пе-

сенным смыслом возникал другой, современный подтекст, соединяя таким образом прошлое и настоящее. В «Песнях о Стеньке Разине» Пушкин применяет тот художественный опыт использования фольклорного текста и соединения его с авторским, который сложился в его художественном сознании и поэтической практике в период работы над «Русланом и Людмилей». Пушкин сам хорошо понимал органическую связь своих песен с фольклорными традициями. Любопытно в этом плане воспоминание Ф. И. Буслаева, которому П. В. Киреевский пересказал один из своих разговоров с А. С. Пушкиным: «Вот эту папку дал мне сам Пушкин (папку песен. – М. В.) и при этом сказал: «Когда-нибудь, от нечего делать, разберете-ка, которые поет народ, а какие смастерил я сам». Замечательно признание Киреевского, одного из лучших знатоков русской народной песни: «И сколько я ни старался разгадать эту загадку, я никак не могу сделать. Когда это мое собрание будет напечатано, песни Пушкина пойдут за народные»¹¹. В выборе сюжета А. С. Пушкин следует концепции романтиков, обращаясь к историческому прошлому. Для него – это тема крестьянской войны (1667 – 1671) под руководством Степана Разина. Но пушкинский взгляд совпадает не с официальной, а с «устной неписанной историей».

Без учета этого фактора может показаться странным составленный им в 1830 году план статьи о народных песнях¹², где исторический раздел соответствует народной хронологии событий, за которыми стоит неординарная личность. С одной стороны, это Иван Грозный, Петр I, Шереметев, Суворов, государственные деятели и полководцы, олицетворяющие власть, а с другой – казачий атаман бунтарь Стенька Разин, участник заговора против Петра I Циклер, «счастья баловень безродный» опальный Меншиков, опальный Фермор, народный царь-самозванец Емельян Пугачев – противники Власти.

Пушкин, обращаясь к «эпохе» Стеньки Разина, использует фольклорную традицию, ориентируясь на «удалые» (разбойничьи) песни, прославляющие безрассудную отвагу нравственно сильной личности, ее стремление к независимости, к воле-свободе. В них нет агитационных призывов, но если поставить «Песни о Стеньке Разине» в историко-литературный ряд, то на уровне подтекста обнаруживаются глубинные смыслы сопричастности трагических событий XVII века современности. Для этого достаточно вспомнить, что они были написаны год спустя после разгрома декабристов.

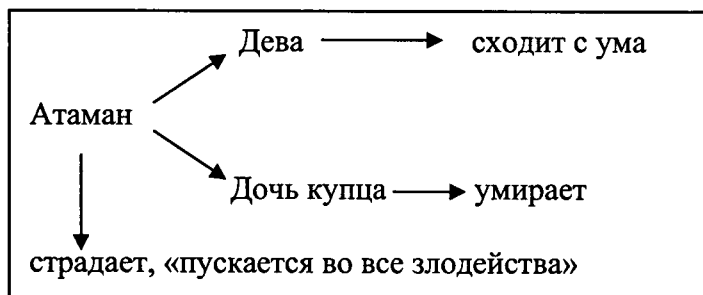
Уже в названии цикла – «Песни о Стеньке Разине» – заключен неприемлемый для власти крамольный смысл: по официальной оценке Степан Разин – «клятвопреступник», «злодей», «вор», «душегубец», преданный церковью анафеме. Пушкин откровенно любит личность Разина, эмо-

ционально отождествляя с народным героем и казненных, и томящихся в ссылке декабристов, и себя.

Таким образом, уже в названии цикла обозначена главная его тема: конфликт между властью и личностью, стремящейся к воле и независимости.

Сейчас трудно назвать конкретные источники пушкинского цикла о Стеньке Разине. Можно только утверждать, что в народном песенном репертуаре их во времена Пушкина не было. Песня о Разине и персиянке Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень» возникла в 1883 году и явилась, как и пушкинский вариант, обработкой устного предания. На Волге оно, по-видимому, широко бытовало. В 1868 году в Астраханской губернии его записал П. И. Якушкин¹³. Некоторые исследователи возможным источником сюжета называют рассказ голландского парусного мастера Яна Стрюйса, который был очевидцем разинских событий¹⁴. Его рассказ вышел в русском переводе в 1824 году. В библиотеке А. С. Пушкина он значится под № 1414¹⁵. Сюжет «О разинской шубе и воеводе» известен в современной А. С. Пушкину записи В. И. Даля¹⁶ и в более поздних записях П. И. Якушкина и Л. С. Шептаева¹⁷. В литературной обработке сюжет об атамане и «бедной девице» известен по юношеской поэме М. Ю. Лермонтова «Атаман».

Чтобы оценить художественные достоинства пушкинских текстов, нужно воссоздать сюжет в тех границах, в которых это позволяют сделать имеющиеся варианты. Сюжет, который мы условно назовем «Атаман (Стенька Разин) и персиянка», известен в двух версиях: в ранней (Пушкин, Лермонтов – 1820, 1831 годы) и более поздних (П. И. Якушкин – 1868, Д. Н. Садовников – 1883). Во всех случаях композиционная схема одна и та же. Основу конфликта составляет треугольник, расположение персонажей по отношению друг к другу определяет внутреннее действие, завершающееся трагедией. Версии различаются по мотивировке конфликта. В первой версии развитие сюжета и характер конфликта соответствуют романтическим канонам. У Пушкина, в наброске неоконченной поэмы:

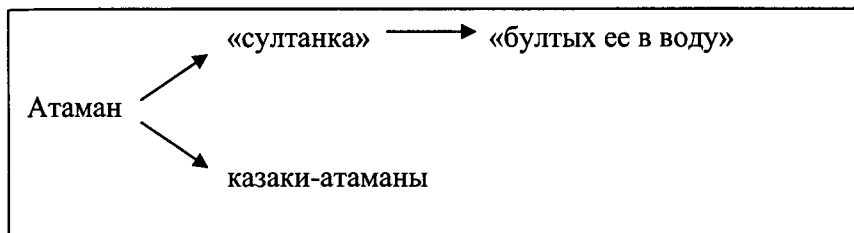

В поэме юного Лермонтова «Атаман» (1831) сюжет повторяется с незначительными изменениями, не влияющими на идейное содержание.

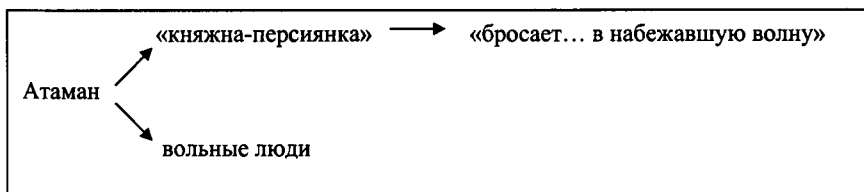
В версии П. И. Якушкина и Д. Н. Садовникова сюжет развивается по другому сценарию, хотя тоже заканчивается гибелью «персиянки». Третью вершину «треугольника» у Якушкина образуют «казаки-атаманы», у Садовникова – «вольные люди», «удалые», конфликт разыгрывается между Стенькой Разиным (атаманом) и казаками. В обоих случаях атаман поставлен в ситуацию выбора: «Хочешь нам атаманом быть – с нами живи.

С султанкой хочешь сидеть – с султанкой сиди!» А мы себе *атамана выберем настоящего*» (Якушкин. – С. 360).

У Якушкина:

У Садовникова¹⁸:

Выбор между *любовью и властью* составляет в этой версии ядро конфликта. Во второй версии появляется новый мотив: «персиянка», «султанка» – дар атамана Волге (более ранний вариант – у Пушкина), но дар, спровоцированный ситуацией выбора, что, несомненно, снижает и «цену» поступка, и образ героя. В варианте Якушкина есть небольшая, но значительная деталь – оценка рассказчиком поступка атамана: «Хорошо, казаки-атаманы? – спросил Разин, а те, *сам знаешь, какой народ есть...*».

Сюжетно-композиционная схема пушкинского текста традиционна, но банальный сюжет получает совершенно иную интерпретацию. Пушкин создает третью версию, в которой конфликтная коллизия получает новую идейную мотивировку и смысл. В традиционном «треугольнике» меняет-

ся одна из составляющих. В центре – «Волга, мать родная», персонифицированный образ, имеющий много символических смыслов: архаических, фольклорных, поэтических. Повторно воспроизводимые на новой почве, они получают новую сферу функционирования, становятся элементами нового художественного строя. Фабулы преданий и песен о Степане Разине органически связаны с водой, архаическим аналогом женского начала, материнского лона: это Волга, Кама, Тихий Дон, море Каспийское (Хвалынское), речка Камышинка. Один из главных смыслов запечатлен в традиционном обращении: «Волга – мать родная», «Волга-матушка». Это «общее место» бурлацких, разбойничьих разинских песен. «А повынянчила меня Волга-матушка», «А повынежила меня Волга-матушка» (Соболевский. – Т. VI. – № 472).

Вскормили головушку не отец, не мать,
Не брат, не сестра, не кум, не кума,
Вспоил-вскормил молодца православный мир,
Вскормила чужая сторона незнакомая,
Волга-матушка,
Волга-матушка, легка лодочка
(Соболевский. – Т. III. – № 234)¹⁹.

Не пора ли нам, ребята, со синя моря,
Что на матушку на Волгу на быстру реку?
(Киреевский. – С. 138 – 139).²⁰

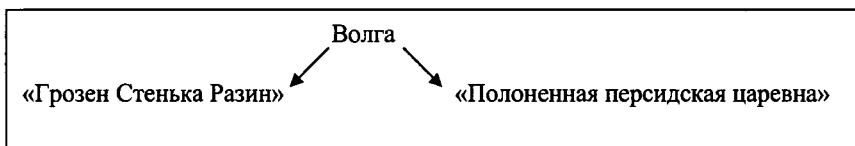
В первой пушкинской песне центральное место в сюжете занимает монолог-благодарность «грозного Стеньки Разина», обращенный к матушке Волге. Диалог героя со стихией (один из стилистических фольклорных приемов) создает видимость деятельного участия природы в жизни Стеньки Разина и его товарищей-казаков, «удалых гребцов», «ребят молодых».

И Стенька Разин, и его удалые товарищи – дети Волги. Пушкинский образ-символ многогранен, вызывает цепочку ассоциаций. *Волга-мать*: «С глупых лет меня ты воспитала, В долгу ночь баюкала, качала...». *Волга-спасительница*, защитница, в песне с ней отождествляется безопасное странство – т. е. дом: «В волновую погоду выносила, За меня ли, молодца, не дремала...». *Волга-кормилица*: «Казаков моих добром наделила».

Волга – исконное место обитания казаков, с которыми соотносятся определенные политические идеалы и представления о вольной жизни. Этот образ и связанные с ним представления имел в виду Пушкин, поставив в центре песни образ вольной Волги как поэтический идеал свободы и Стеньку Разина как идеал поэтического поведения, отражающего внутреннее эмо-

циональное состояние самого поэта. Следует вспомнить, что в качестве символов свободы в лирике Пушкина выступают море («свободная стихия», «пустыня небес»), лес, гроза, ветер. Сюда же можно отнести и Волгу. Все эти образы-символы объединяются общим смыслом – как символы-антитезы неволи, чужого, враждебного пространства.

Таким образом, в пушкинской версии Волга занимает вершину образно-семантического треугольника. Две другие точки закреплены за Стенькой Разиным и «полоненной персидской царевной». Ситуация «Разин – персиянка» интерпретируется у Пушкина не как эпизод частной жизни атамана. Персиянка не жертва, а дар матушке-Волге от вольных людей, благодарность за помощь, за волю. Поступок Стеньки Разина внутренне обусловлен и как бы заранее запрограммирован. Фигура лирического героя обретает масштабность. В основе конфликтной коллизии – драматическая ситуация, выбор между любовью и долгом: «Волге-матушке ею поклонился». Композиционная схема выглядит примерно так:

Вторая песня в пушкинском цикле «Ходил Стенька Разин (в Астрахань-город) торговать товаром» на первый взгляд не обнаруживает идейной связи с первым сюжетом. Но при анализе становится очевидным, что она имеет исключительно важное значение для понимания внутреннего единства «Песен о Стеньке Разине». Центральное место в известных вариантах сюжета (В. И. Даль, П. И. Якушкин) занимает, как и в пушкинской версии, конфликт Стеньки Разина с астраханским воеводой из-за шубы. С течением времени историческая подоплека этого эпизода утратилась, уступив место бытовой трактовке. Скорее всего, оба варианта устного предания отражают тот период разинского движения, когда казаки ходили в Персию с целью наживы, «за зипунами» и, как считает С. М. Соловьев, «поклониться царю Алексею Михайловичу Персидою, как Ермак Тимофеевич поклонился Грозному Сибирью»²¹, т. е. с целью получения свободы.

Этот исторический подтекст восстанавливается из варианта П. И. Якушкина: «Повоевал Стенька Персию, пошел к воеводе... с повинною. “Я на море, ходил в Персию, вам столько-то городов покорил; кланяюсь этими городами его императорскому величеству, а его царская воля: хочет – казнит, хочет – помилует...”» (Якушкин. – С. 319 – 321).

Воевода (губернатор) выступает как посредник, получая за это подарки. Утопическая мечта казаков о вольной жизни и вера в «хорошего царя» переключались в разинский цикл из песен о Ермаке («Ермак в казачьем кругу») и получили своеобразное художественное воплощение.

Пушкинский вариант и трактовка «мотива шубы» отменяют возможность выхода из конфликта с властью и усиливают пафос непримиримости. Во всех вариантах сюжета «шуба» играет ключевую роль. Но в варианте Якушкина Разин не хочет отдавать шубу, так как она «заветная»; отдав «шубу», он потеряет силу. У Пушкина «мотив шубы» несет другую идейно-функциональную нагрузку. Стенька Разин приходит в «Астрахань-город торговать товаром», а не с просьбой о посредничестве. Его подношения воеводе – «камки хрущатые, парчи золотые» – не взятка, а дань торгового человека.

«Отдать с плеча шубу» по народному этикету – знак высшего доверия, любви, признания, дружбы. Король

...молодца любил-жаловал,
С одного блюда он пивал-едал,
С одного плеча платье нашивал.
(Соболевский. – Т. I. – № 24.)

За одним столом сидел,
Да ведь он пил-ел
С одной ложечки.
(Соболевский. – Т. I. – № 3.)

Нежеланье Стеньки Разина «отдать шубу» объясняется нежеланием вступать с воеводой в дружеские отношения. Воевода – это Власть. Поэтому в пушкинском варианте конфликтная коллизия строится на оппозиции: Стенька Разин (свободная личность) – воевода (Власть). Заключительные строки, которыми Пушкин обрывает повествование, таковы:

Добро, воевода! Возьми себе шубу!
Возьми себе шубу. Да не было б шуму.

Это дает возможность иносказательного толкования. Концовка звучит как скрытая угроза. Традиции тайной двусмысленной речи перешли из разбойничьих преданий. Пушкин сознательно оставляет сюжет открытым, предоставляя разрешение конфликта читателю.

Во всех известных вариантах почти дословно повторяется выражение «Возьми себе шубу, да не было б шуму». Конкретное значение формулы утрачено, но смысл «угроза» сохраняется. В варианте Якушкина содержа-

ние афоризма конкретизируется: Разин сдирает с воеводы кожу: «Шкура мне твоя больно нравится, воевода... Содрать с него с живого шкуру!.. Говорил я тебе, воевода, шуба наделает шуму!». В. И. Даль внес это выражение в словарь как пословицу, связав ее происхождение с именем Стеньки Разина.

«Песни о Стеньке Разине» нужно рассматривать, следуя замыслу поэта, как цикл – в сопоставлении с народным циклом песен о Стеньке Разине, которые Пушкин и хорошо знал, и записывал. Только в таком сопоставлении можно понять многочисленные подтексты, которые раскрываются и на фоне исторических событий разинского времени, и проецируются в символической интерпретации на пушкинскую эпоху.

Вторая песня – центральная в составе цикла. Конфликт развивается по традиционным фольклорным канонам – «фамильярный контакт» (М. М. Бахтин) героя (Стеньки Разина) с Властью (воеводой), – хотя и заканчивается торжеством воеводы (получил шубу). Но торжество это мнимое: слишком недвусмысленно звучит предупреждение: «Возьми себе шубу, да не было б шуму». В 1826 году подтекст мог восприниматься и как угроза, и как предупреждение властям.

Третья песня, заключающая цикл, несет важную идейную и художественно-композиционную нагрузку. Она логично продолжает сюжет второй песни, открывается символическим образом «шума»:

То не конский топ, не людская мольва,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливается.
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему...

Призыв «погулять по морю, по синему» звучит неоднозначно. Рассмотренный в «историческом» разинском контексте, он может быть трактован и как «поход за зипунами» («Разобъемте, братцы, басурмански корабли, возьмем, братцы, казны сколько надобно...»), и как призыв к расправе с «астраханским губернатором», то есть с Властью: «Уж я в Астрахань зайду, – выжгу-вырублю, Астраханского воеводу я под суд возьму» (Киреевский. – С. 144), и как желание освободить «сыночка» из неволи – «белокаменной тюрьмы»:

Не печалься, наш хозяин, Стенька Разин атаман,
Белокаменну тюрьму по кирпичику разберем,
Твоего милого сыночка из неволи уведем,
Астраханского воеводу под суд возьмем²².
(Песня записана А. С. Пушкиным.)

Третья песня, как и предыдущая, также записана Пушкиным. Она объединяет весь цикл, зеркально повторяя композицию первой, и завершает характеристику героя. Первую песню в плане характеристики можно расценивать как *испытание* (мотив широко известный в фольклоре): любовь или долг?

Третья песня, опять же в традиционной фольклорной манере, дает оценку поступка: герой получает и «красно золото», и «чисто серебро», и «душудеву», т. е. главная мысль – жертва (жертвы?) не напрасны. Рассматривая весь цикл песен в идейно-тематическом плане, можно определить композиционную схему на уровне персонажей. Это традиционный треугольник. Но его вершины занимают другие герои, между которыми устанавливаются другие связи.

В центре – Волга-матушка. Синонимические замены образа – родина, воля, свобода. Прошлую историю олицетворяет образ «грозного Стеньки Разина». Третью точку занимает поэт, олицетворяющий современность.

Так в композиционной форме объединяются прошлое и настоящее, подчеркивая сопричастность политических проблем и социальных конфликтов разных эпох, превращая человека XVII века в современника поэта.

Композиция цикла соответствует фольклорной модели: одна песня не дает законченного представления об историческом лице, его масштабности и значительности. Эту задачу может решить только цикл. Задача поэта (изобразить Разина как «поэтическое лицо») диктует лиро-эпическую манеру изображения событий, что снимает эстетическую установку на историческую достоверность событий и фактов. *Исторический* фон в пушкинском цикле заменен *природным*, а «следы истории» не дают широкого изображения исторической темы и не исчерпывают социальную проблематику. Но само имя Степана Разина «мобилизует» историческую память читателя, которому не нужно объяснять, кто он такой и какие события с его именем связаны. Общественно-политический конфликт в пушкинском цикле преломляется через призму личностного восприятия героя как свободной, независимой личности, стоящей в оппозиции к Власти. Это было созвучно политическим настроениям поэта в период создания цикла, что позволяет говорить и о современности исторических песен (мысль, которая была очень дорога Пушкину), и об эмоциональном отождествлении поэта с лирическим героем, которого он любовно-фамильярно назвал «Стенька Разин».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Письмо к Л. С. Пушкину от 24 сентября из Кишинева // Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В десяти томах. – Изд. 4-е. – Т. X. – Л., 1979 – С. 17.
- ² Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В шестнадцати томах. – Т. 4. – М.; Л., 1937. – С. 372 – 373
- ³ Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М., 1988. – С. 17.
- ⁴ Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В шестнадцати томах. – Т. 13. – М.; Л., 1937. – С. 336.
- ⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В десяти томах – Изд. 4-е. – Т. 5. – Л., 1978. – С. 468.
- ⁶ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. – Л., 1978. – С. 368.
- ⁷ Кунин В. В. Библиофилы пушкинской поры. – М., 1979. – С. 65.
- ⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В шестнадцати томах. – Т. 9 (2). – М.; Л., 1940. – С. 497.
- ⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В десяти томах. – Изд. 4-е. – Т. 10. – Л., 1979. – С. 86.
- ¹⁰ Там же. – С. 84.
- ¹¹ В 1827– 1828 гг. Пушкин активно записывает русские народные песни. В 1823 г. он готовит к изданию сборник русских народных песен, в 1833 г. передает все собранные им материалы П. В. Киреевскому, который также собирал вместе с братьями Языковыми народные песни. Пушкинские записи см.: Литературное наследство: Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. – Т. 79. – М., 1968.
- ¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В десяти томах. – Изд. 4-е. – Т. 2. – Л., 1979. – С. 301.
- ¹³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В десяти томах. – Изд. 4-е. – Т. 7. – Л., 1979. – С. 368 – 369.
- ¹⁴ Якушкин П. И. Путевые письма: Из Астраханской губернии // Якушкин П. И. Сочинения. – М., 1986. – С. 317 – 326.
- ¹⁵ Елеонский С. Ф. Литература и народное творчество. – М, 1956. – С. 123; Вацуро В. Э. М. Ю. Лермонтов // Русская литература и фольклор: Первая половина XIX века. – Л., 1976. – С. 217.
- ¹⁶ Кунин В. В. Библиофилы пушкинской поры. – М., 1979. – С. 66.
- ¹⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 4. – М., 1982. – С. 647; Шенталев Л. С. Ранние предания и легенды о Разине // Славянский фольклор и историческая действительность. – М., 1965.
- ¹⁸ Русские народные песни / Вступ. статья, послесловие А. М. Новиковой. – М., 1957. – С. 424 – 425.
- ¹⁹ Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевского. – Т. 1 – 7 – СПб., 1895 – 1902.
- ²⁰ Цит. по кн.: Русские исторические песни / Сост. В. И. Игнатов. – М., 1985. – С. 116 – 129.
- ²¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – Т. 13. – М., 1991. – С. 44.
- ²² Русские исторические песни. – С. 124.

М. Б. ЕДЕМСКИЙ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Одной из актуальных проблем современной фольклористики является изучение локальных традиций народной культуры. В этом плане огромную ценность для науки представляют фольклорные архивы, хранящие описание традиций не в виде набора текстов канонических жанров, а отражающие живой фольклорный процесс, его динамику, тенденции развития в постоянно меняющихся социокультурных условиях. Фольклор – не собрание раритетов, а продуктивная, «живая», постоянно обновляющаяся система. Задачу постижения механизма трансмиссии народной культуры, изменения его социокультурных функций, особенностей бытования в разных социальных и половозрастных группах можно решить при комплексном изучении фольклорного процесса, опираясь на наблюдения ученых-краеведов, записывающих фольклор в живом бытовании, что позволит заполнить лакуны в знаниях об истории и культуре этноса.

СобираТЕЛЬская деятельность фольклористов в известной мере характеризуется и определяется рамками научной концепции, индивидуальными научными пристрастиями, а также умением объективно оценить полевой материал. Поэтому при современном рассмотрении фольклорных записей прошлых лет на первый план выходит фигура фольклориста, его научные приоритеты.

Михаил Борисович Едемский (1870–1933) принадлежит к плеяде фольклористов-краеведов, пришедших в науку в начале XX века. Достаточно последовательно и целенаправленно в течение всей своей жизни собиратель описывал составляющие того, что он называл «обрядом крестьянской жизни»: от народного этикета и прозвищ до традиций пивоварения, способов выделки сапог и изготовления красок. Особенно значимым для исследователя был территориальный принцип: большая часть материалов была

записана им в Кокшеньге Тотемского уезда (современный Тарногский район Вологодской области). Едемский руководствовался идеей древнего новгородского происхождения Кокшеньги, архаичности ее культуры, «живой старины», которая безвозвратно уходит и которую нужно описать и сохранить. Записи, сделанные Едемским и его многочисленными корреспондентами в Вельском уезде, Тотемском Посухонье (Усть-Печеньга), Псковской и Рыбинской губерниях, служили при этом необходимым фоном, материалом для сопоставления.

По своему содержанию и жанровому характеру фольклорные записи тех лет стали уже художественным наследием, памятником далекого прошлого, но не утратили научного значения. В широком научном обиходе по сей день представление о севернорусском фольклоре XIX – начала XX века основывается на опубликованных записях классиков отечественной фольклористики (П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, Е. В. Барсова, Н. Е. Ончукова, А. М. Астаховой и др.), собрание трудов которых представляет собой антологию канонических образцов фольклорных текстов, но не отражает в полной мере *особенностей фольклорного процесса* того времени. Система фольклорных жанров, особенности их бытования даже в пределах одного региона не адекватны, не говоря уже о территории всей России.

Интерес М. Б. Едемского к народному творчеству в известной мере связан с его происхождением. Он родился в деревне Рыкаловской (Угольной) Тотемского уезда Вологодской губернии и почти тридцать лет прожил в деревне¹. Он откликнулся на призыв академика А. А. Шахматова, посылал ему материалы для «Словаря русского языка» (1895), отвечал на анкеты РГО, печатался в «Живой старине» (1905 – 1913). Публикации М. Б. Едемского воссоздали целостную и многогранную картину – фольклорно-этнографический портрет Кокшеньги, одного из очагов традиционной культуры Русского Севера. Он осветил разные стороны жизни своих земляков-кокшаров: хозяйственный быт, типы построек, торговые связи, ремесла, историю, культуру, обычаи, обряды, народное творчество, язык, календарь, праздники². С полным правом, подводя итог своей деятельности незадолго до смерти, Едемский мог сказать: «Всю свою сознательную жизнь я занимался изучением духовной культуры народа»³. М. Б. Едемский имел перед многими собирателями фольклора одно преимущество: он был и хранителем фольклорного знания и знатоком кокшеньгских традиций, и внимательным собирателем. Этот факт определяет уровень научного доверия к собранным им материалам. У Едемского было еще одно несомненное достоинство: он любил учиться и учился всю жизнь. Общение с выдающимися деятелями науки (академиками А. А. Шахматовым, С. Ф. Ольденбургом, В. И. Ламанским), талантливыми фольклористами и этнографами

(Д. К. Зелениным, Н. Е. Ончуковым, В. И. Чернышевым), а также умение «погружаться с головой в работу», постоянное стремление к самообразованию (в сорок два года он окончил Петербургский университет по отделению геологии с золотой медалью, «сторонним слушателем», т. е. заочно), участие в ежегодных экспедициях – все это вместе взятое, по словам знавших его коллег, превратило краеведа-любителя в «настойчивого и разностороннего», «не только полевого, но и научного работника», «отличающегося большой работоспособностью, упорством и добросовестностью»⁴. Едемский становится деятельным членом Русского Географического общества (1913), пожизненным членом Вологодского общества изучения Северного края (1916), почетным членом Тотемского филиала ВОИСК, участвует в работе «Сказочной комиссии» (1911–1916; 1924 – 1928). Он был, как писал в посвященном ему некрологе Н. Е. Ончуков (1933), «глубокий и вдумчивый наблюдатель крестьянской жизни, прошедший всю свою жизнь в бесконечных, буквально ежегодных экспедициях»⁵. При жизни Едемским было опубликовано 27 работ по фольклору и этнографии⁶, около 80 – по геологии. Архив Едемского был передан его женой директору ГЛМ В. Д. Бонч-Бруевичу в 1936 году⁷ и частично в РГАЛИ. Всего это 1178 текстов⁸.

Едемский не успел систематизировать свою коллекцию. В его бумагах сохранились лишь наметки планов. Он выделял пять тем будущих работ, по которым у него накопилось достаточное количество материала. Он намеревался издать сборник сказок «в 500 страниц со вступительной статьей “Сказка в обряде”», детский фольклор, народный календарь, народную песню, обобщить артефакты материальной культуры (РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 2).

Сопоставляя эти планы с архивными рукописными материалами, с публикациями отчетов об экспедициях, можно утверждать, что они были вполне реальны.

Рукописный архив М. Б. Едемского находится в ветхом состоянии. Многие записи сделаны карандашом, на двух сторонах листа, или чернилами, которые потускнели от времени. Работать над текстами его собрания непросто. Постоянно возникают проблемы текстологического характера, которые обязательно обозначаются при публикации текстов. Едемский не всегда до конца сохранял единство написания одного и того же слова даже в одном и том же тексте: дож и дождь, кось и кость, счастье – щасье – счастье и т. д. Постоянно возникает стилистический разнобой. В то же время он чутко относился к народному произношению, по возможности сохраняя в записи лингвогеографические особенности диалекта Кокшеньги. «У» краткое, неслоговое («споиу, скормиу, меня батюшко»), цоканье (цеу-

нок – «челнок», цйй). «̣» на конце слова вместо «е» («бабѣ замужѣ, сохнѣт, вянѣт»), вместо «е» – «о» (жона). Часто у него встречается использование частиц «от», «то», «те», «жо», «та», «ко» с прибавлением «су», «се», «сь», «с-по» («Вымаў руки-те и рот-от да и рожу-ту всю...»). «Да-ко-сѣ, отойди-ко-сь». «Возьми-ко-су, с-по-лугу; сапоги-те со скрипом; избу-то я стронѹ». «Гумно-то новое» и др.)

Часто после текста есть пояснение диалектных слов и словосочетаний: гит – говорит; имайки – жмурки; расчѣтки – считалки; галить – портить; свалить – сбьѣть; доведѣт – искоренит; травка нацѣляецѣ – наливается, наполняется; «Ой, дивѣцу в тереме раскливили» – расстроили до слез и т. д.

Примеры текстологической корректуры можно видеть во многих текстах. В автографе собирателя встречаются правки по тексту или чернилами другого цвета, или чернилами по карандашной записи. Едемский не останавливает информатора во время беседы, заполняя пропуски по памяти. Пример: он записывает духовный стих «Севодня день да Воскресение...», где Христос обращается к нищей братии. Вариант исполнительницы:

«Дам я вам гору золотую,
Да и будите сыты и питаны».

Едемский прибавляет пропущенную исполнительницей строчку:

«Дам я вам гору золотую.
Реку медовую да сад виноградный –

и приписывает после приведенной строчки: «Мое!»).

Принадлежность большинства записанных текстов Едемскому не подлежит сомнению. Это легко установить по почерку, очень четкому, учительскому. Даже карандашные записи, если они не стерлись от времени, читаются легко. Не все тексты паспортизированы, часть из них имеет неполные данные, иногда указывается только деревня или несколько деревень, где песню или сказку знают. Частично комментарии можно получить из его публикаций и отчетов, но всегда Едемский указывает, кто записал или прислал ему тот или иной текст.

В собирательской практике М. Б. Едемского отчетливо выделяются два взаимосвязанных, но различных по целевым установкам, подхода.

На первом этапе (1895 – 1913) и фольклор, и этнография рассматриваются им как исторический источник, который позволяет обосновать закономерность самовыделения кокшаров в особую группу их связью с новгородской колонизацией края. Публикации и рукописные материалы, объединенные этнонимом «Кокшеньга» представляют *синхронный срез* ло-

кальной традиционной культуры конца XIX – начала XX века, в которой М. Б. Едемский находит новгородские «корни». Кокшеньгой называется местность на реке Кокшеньге с ее притоками, впадающими в реку Устью, правый берег Ваги⁹.

С понятием «Кокшеньга» М. Б. Едемский связывал не столько географическое, сколько духовное, бытовое и культурное пространство. Не все население Кокшеньги, как считает М. Б. Едемский, кокшары. К началу XX века, по его подсчетам, их насчитывалось около сорока тысяч. Это, связанные общностью происхождения, потомки новгородских колонизаторов края, обладающие «многими общими чертами *внешнего облика и душевного склада*, а также общим *характером говора*, что дает возможность сразу отличить кокшаров, как их называют соседи и они сами, от жителей других частей Тотемского уезда»¹⁰.

Едемское общество в Кокшеньге (Спасская волость) и Едемские деревни на Ваге, близ Шенкурска (Архангельская губерния), сближает сходство свадебных обычаев, песен, что «дает возможность заключить об общности их происхождения», – замечает Едемский. Между тем, сравнивая обычаи двух соседних волостей Тотемского уезда – Спасской и Пятовской, он отмечает, что «между ними общего нет совершенно»¹¹, а в уездах Новгородской губернии «можно подметить еще большее сходство с Кокшеньгой как в обычаях, так и в содержании и размерах стихов, причитаний и песен, а также в терминологии свадебной»¹². Различно функциональное назначение припевок в кокшеньгских волостях и соседних уездах Вологодской губернии, а также хороводных песен и городков.

Отличает Кокшеньгу особый тип архитектуры. «За Кокшеньгой сразу видно, – пишет Едемский, – что это другой тип постройки, что он развивается по другому плану и при других условиях, и что хозяева этих построек, как это оказывается в действительности, должны сильно отличаться от жителей Кокшеньги... Кокшеньга сохранила... древненовгородский тип жилища»¹³. Устные предания, широко бытующие в Кокшеньге¹⁴, отражают историческую память кокшаров. В Кокшеньге не было крепостного права, не было дворянских усадеб, земли Кокшеньги были «казенными», собственностью русских царей. В преданиях Кокшеньга – это своеобразное северное Беловодье, где можно скрыться от властей, от военной службы, куда «стекались беглецы из разных мест». В Кокшеньге, по преданиям, хранится «чудесная сабля Александра Невского». Новгородское происхождение кокшаров подтверждается устными рассказами стариков о заселении Кокшеньги, о первопоселенцах, об основании и основателях деревень. В архиве Едемского сохранились черновые наброски очерка об истории Кокшеньги. «Почти по всему среднему течению (в Спасском приходе) можно

постоянно встретить указания на то, что жители этих деревень поднялись на Кокшеньгу с Ваги и Двины. В Спасском приходе (Спасская волость) существует целое большое сельское общество, растянутое на пространстве восьми деревень по реке Кокшеньге, называемое Едемским, жители которого почти поголовно носят фамилии Едемских. Сами Едемские (старики) указывают, что они пришли сюда с Едьмы, одного из притоков нижнего течения реки Ваги (в пяти верстах от Шенкурска). Старожилы называют имена первых поселенцев многих деревень: Новгородской, Угольной (Рыкаловской), Силинской. В деревне Помелиха (Ананьевская) М. Б. Едемский видел «Родословец», сделал из него выписки, нашел в нем указание, что основателем деревни Ананьевская был Петр Едемский. От «основателя деревни Петра Едемского произошло четыре поколения» – примерно двести лет (т. е. деревня возникла в XVII веке). Старики деревни Угольной (Рыкаловской) подтверждают, что «первоначальные поселенцы Едемского общества заняли Ховденицы (низ Спасского прихода). Самая верхняя деревня Едемского общества – Рыкаловская... выше которой Едемских нет». Все Едемские считают первоначальным пунктом их поселения речку Едьму. М. Б. Едемский, размышляя о древности своего рода, связывает его с новгородским родом Своеземцевых, купивших эти земли в начале XIV века.

«В лето 6823 (1315) новгородского правительства посадник Василий Матвеевич Своеземцев у Важского старосты Азики Харагинца, Ровда и Игнатца купил земли Шегкурского погоста до ростовских меж, заплатил Азике с братиею за оные 20000 белок и сверх дал и попопонка 10 рублей и, означив границу покупной земли, поставили между собой купчею крепость, по коей значатся земли, воды, леса, мхи, озера, соколы гнезда, и купчею свидетелями утвердили, а заключили тем, кто сей договор нарушит, тот должен заплатить князю и посаднику 20 гривен золота».

«Потомки Своеземцева на покупных землях поселились. Учредили свои вотчины, и в том же столетии завели на Воче хлебопашество. В 6901 (1393) году правнук посадника, Ефстафий Ананьевич Своеземцев, земли свои разделил детям: вотчины его тогда были в Шенкурском и Кокшеньгском погосте». (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. (КП 50715/1.) Д. № 13).

Территориальные границы Кокшеньги на протяжении веков менялись много раз. В XVI веке в ее составе было 18 волостей, в начале XIX – 15, в середине XIX – 16. После земельной реформы 1870 года волости были переименованы в общества: Верховское, Поцкое, Зоборское, Лохотское, Спасское верхнее, Спасское нижнее, Едемское, Ромошевское, Воймежское, Долговицкое, Шевденицкое, Шебеньгское, Озерецкое, Верхнекокшеньгское, Илезское.

В 1918 году произошло очередное изменение губернских, уездных, волостных границ Вологодской губернии, перегруппировка волостей в пределах уездов, образование новых волостей. В 1924 году были ликвидированы старые административные единицы «уезд» и «волость» и введены новые – «район» и «сельсовет». В 1937 году из бывшего Тотемского уезда выделился Тарногский с двенадцатью сельсоветами¹⁵; шесть из которых входит в состав Кокшеньги: Илезский, Верхнекокшеньгский, Озерецкий, Шведеницкий, Верхнеспаский, Нижнеспаский. Часть волостей-сельсоветов отошли к Верховажскому, Нюксенскому районам и к Архангельской области. Сейчас Кокшеньгой называют всю местность, расположенную по бассейну реки Кокшеньги.

Проблема соотношения фольклора и этнографии с историей многогранна и сложна. В орбите внимания исторической науки, литературы и фольклористики она находится с XVIII века (В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, С. М. Соловьев, Н. И. Костоморов, И. И. Срезневский, В. И. Ламанский, А. Н. Пыпин, Л. Н. Майков, В. Ф. Миллер, А. В. Марков, С. К. Шамбинаго, А. П. Скафтымов и др.), хотя причины отбора и методика изучения источников отличались по методологии на разных этапах научного бытования. Историков интересовали *факты*, иллюстрирующие народную жизнь в определенные исторические эпохи. Литераторов, критиков, фольклористов славянофильского и демократического направления, хотя и с разных идейных и методологических позиций, – *взгляд народа на историю, его судьбы, мировоззрение*.

Научные взгляды М. Б. Едемского формировались также под влиянием Русского географического общества, акцентирующего внимание исследователей на разысканиях в русле краеведческого метода, позволяющего учитывать специфику и своеобразие регионального фольклорного процесса и материала. Идеологи «Живой старины» призывали торопиться записывать, пока еще «старая народная сказка не вымерла и не заменилась новыми формами народной словесности»¹⁶. М. Б. Едемский в своей собирательской практике пытался совместить оба подхода. Мысль о необходимости «сохранить то, что осталось от веками накопленного богатства народной поэзии», спешить записывать то, что осталось и живет еще в памяти наиболее «любопытных и памятливых современников», поскольку «резкие перемены... не обходят самых дорогих и святых обычаев... вытравляя из памяти... предания и песни старины»¹⁷, проходит через все его публикации и выступления.

В центре внимания собирателя по-прежнему остается Кокшеньга. Он продолжает пополнять сведения о репертуаре кокшаров, записывая все фольклорные жанры, но отдает предпочтение сказке, и в истории фольклористики его имя прежде всего связано с собиранием сказок¹⁸.

Анализ сказочной коллекции М. Б. Едемского позволяет судить и о характере бытования сказки в Кокшеньге и в сопредельных с Вологодской губернией территориях, и о методологии и методике, которыми он руководствовался на разных этапах собирательской практики.

До 1917 года М. Б. Едемский записывал сказки выборочно, от «лучших исполнителей», у которых «чувствуется преданность эпическому тону»¹⁹. Это семидесятилетний Михаил Дмитриевич Третьяков (Живая старина. – 1912. – Вып. 2. – С. 221–258); семидесятишестилетний Мина Иванович Шабунин (АРГО. Ф. 1–1858, р. 7. Оп. 1. Д. № 105), восьмидесятитрехлетний Василий Григорьевич Овсянников (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 23), девяностодвухлетняя Анна Михайловна Двойнишникова (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 41), семидесятишестилетняя Мария Григорьевна Бритвина (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 27) и другие, по словам собирателя, «истинные сказочники», от которых им записано более восьмидесяти текстов.

Подводя итог собирательской практики М. Б. Едемского в период с 1895 по 1913 годы в плане поставленной им задачи – доказательства генетической связи кокшеньгской традиционной культуры с новгородской традицией, – следует признать, что в полном объеме она не была им решена. Для убедительного доказательства необходимо сравнительное изучение и оценка собранного материала не только на локальном синхронном, но и на диахроническом уровнях. Его методике недоставало системной целостности и концептуальной обобщенности, она носила интуитивно-эмпирический характер.

И тем не менее, его публикации и рукописные материалы – документальный источник, запечатлевший и фольклорно-этнографический корпус текстов, и научные достижения в фольклористике конца XIX – начала XX века. В этом плане они представляют историческую и художественную ценность. Изучение территориальных этнодиалектов – актуальная проблема современной науки²⁰.

Второй этап в собирательской практике М. Б. Едемского связан с изучением живых процессов в фольклоре, его современного состояния.

В 1912 году он заканчивает отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета и с головой уходит в новую деятельность: палеонтологию, стратиграфию, палеофитологию. Начинается период ежегодных геологических экспедиций: в Рыбинскую, Псковскую, Новгородскую, Архангельскую губернии, на Пинегу, Мезень, Кулой, полуостров Канин, в Вологодскую губернию (бассейны рек Устье, Старая Тотьма, Кокшеньга). Во всех многочисленных экспедициях он не перестает записывать фольклор. С фольклорно-этнографическими целями в этот период было организовано три экспедиции: в Рыбинскую (1922 год) и Вологодс-

кую губернии (1921, 1924 годы), руководителем которых был Едемский. И хотя в «Карточке учета научных работников в области этнографии, фольклора, антропологии от Е до Л» против его фамилии значится: «У него две специальности. И главная – геология»²¹, фольклор не стоял для него «побочным детищем».

Подводя итог собиранию сказок в период до 1918 года, председатель сказочной комиссии С. Ф. Ольденбург писал: «Готовы к печати, но не могут теперь же по недостатку средств изданы следующие сборники великорусских сказок: вологодских – М. Б. Едемского, тамбовских – Н. Ф. Познанского, псковских – Н. Г. Козырева»²².

В фондах архива 1919 – 1920 годов записей сказок нет. В 1921 году Едемский от Государственной академии материальной культуры (ГАИМК) с этнологическими целями собирает фольклорные и этнографические материалы в Рыбинской, а также, во время геологических работ, в Новгородской, Псковской, Архангельской губерниях. Едемский пользуется методикой *безвыборочной записи* в основном конспективного характера. У него появляется интерес к рядовым сказочникам разного возраста: это Ваня Субботин двенадцати лет, Михаил Бушев шестнадцати лет, Михаил Ведюков восемнадцати лет, Михаил Молодцов двадцати лет, Константин Малюков семидесяти семи лет, слепой Василий Турушкин шестидесяти шести лет и др. (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 40). Методика безвыборочной записи давала большие возможности для теоретических выводов о *специфике бытования* сказки на современном этапе.

Едемский отмечает, что популярностью на мельницах, на «вечерушках» пользуются сказочники-общественники. Они пересказывают сказку «обывательским языком, включая в рассказ эпизоды из своей жизни, нескромные анекдоты, крепкие выражения», что разрушает и портит традиционную сказку. Репертуар сказочников этого типа Едемский не записывал, называя их «балагурами». «Мне порекомендовали в Делединской волости Краснохолмского уезда одного очень интересного сказочника, и когда я с ним познакомился, то оказалось, что он рассказывает исключительно пикантные повести... “Была одна brunetka, – начинает он свою повесть, – и влюбился в нее господин средних лет, тоже brunet”, когда я попросил его рассказать что-нибудь из волшебных или чудесных сказок, или о богатырях, жар-птице, и т. г., то он мне определенно и категорически сказал, что «такими пустяками» он не занимается...»²³. По-видимому Едемский имел в виду Василия Тимофеевича Турушкина, репертуар которого он перечислил, но не записал от него ни одной сказки. В этом репертуаре числились сказки книжного происхождения: «Громобой», «Францель-Винцель», «Бова Королевич», «Еруслан Лазаревич», «Про французского милорда» и другие (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 40).

М. Б. Едемский, просматривая собранный им материал, приходил к выводу об угасании сказочной традиции. Во время поездки в Олонецкую губернию, проезжая по Марининской системе, он записывает: «Здесь сказку не знают». «У нас этим не занимаются», – цитирует Едемский ответ собеседника. Поэтому «нужно искать, что сохранилось от старины. Нужно спешить, так как перемены в укладе жизни народной приводят к утрате старины»²⁴.

М. Б. Едемский в собирательской практике в поисках «старинных сказок», приходит к мысли, что сказка лучше всего сохраняется в семье, в памяти «стариков и старух... которые любят старые назидательные сказки и передают их без вольностей, не нарушая канон».²⁵

К 1924 году у Едемского скопилось около двух десятков сказок, записанных им в своей семье. Его заинтересовала проблема внутрисемейной сказочной традиции, процесс передачи информации от поколения к поколению, т. е. специфика трансмиссии народной культуры. Интерес к процессу, а не к отдельным сюжетам, определил новую методику собирания сказок. В его коллекции представлено несколько семейных циклов сказок: «Сказки семьи Едемских» (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № № 30, 31, 33, 37, 39), «Сказки семьи Вячеславовых» (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 42), «Сказки семьи Горынцевых» (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 35), «Сказки сестер Басмановых» (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № № 28, 29), в общей сложности более 50 текстов. Но этого материала явно недостаточно для убедительных теоретических выводов о процессе трансмиссии. Тем более что методика работы Едемского не была единообразной. В семье Едемских он записывал сказки в основном от Александры Федоровны, жены одного из братьев, и несколько – от детей. Но, к сожалению, эту работу Едемский не закончил. Его «семейные коллекции» не позволяют сделать сколько-нибудь убедительных теоретических выводов.

Проблема фольклорной коммуникации, лишь обозначенная Едемским, остается и на сегодня нерешенной и актуальной.

Архивная коллекция сказок, собранных М. Б. Едемским, заканчивается 1924 годом. Из опубликованных отчетов «Сказочной комиссии»²⁶ следует, что М. Б. Едемский записывал сказки в 1925, 1926, 1927 годах в Тотемском уезде, в Архангельской губернии, получал сказки от своих корреспондентов из Кадниковского уезда Новгородской области. Едемский получил примерно 55 номеров сказок, записанных в эти годы от информаторов (А. С. Шатрова, учителя А. М. Басова, М. И. Романова и др.), атрибутировал их по системе А. Аарне, 15 текстов записал сам в Архангельской губернии, но в архивах этих текстов нет. Их судьбу нам установить не удалось, как и судьбу перечисленных М. Б. Едемским в тщательно составлен-

ном им «Перечне главнейших научных трудов» (РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 2), подготовленных и сданных в печать сборников сказок: «Кулойские сказки и сказочники», «Сказки в городе», «Сказки-басенки: сборник народных сказок для детей». Кроме того, он указывает там же: «Переписано для печати более пятисот страниц вологодских сказок... на руках имеются обширные материалы по русской народной сказке» (РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 2). Сомневаться в этом утверждении собирателя не приходится. Рукописные архивные тексты в большинстве своем аккуратно перечеркнуты. Рукой Едемского поперек страницы сделана надпись: «Переписано». Но перебеленные тексты нами также не обнаружены.

Черновики позволяют судить, какой отбор текстов сделал сам Едемский, готовя рукопись «Сказки на Севере» для печати. Сборник мог состоять из двух разделов.

I часть. «Старинные сказки», записанные от лучших сказочников:

- Сказки М. Д. Третьякова, 12 номеров.
- Сказки М. И. Шабунина, 12 номеров.
- Сказки В. Г. Овсянникова и М. Г. Дранниковой, 19 номеров.
- Сказки П. Кузьминского, 5 номеров.
- Сказки А. М. Двойнишниковой, 4 номера.

II часть. «Семейные сказки»:

- Сказки семьи Едемских, 22 номера.
- Сказки семьи Вячеславовых, 13 номеров.
- Сказки семьи Горынцевых, 11 номеров.

Всего насчитывается около сотни лучших сказок, собранных М. Б. Едемским за тридцать лет собирательской практики, в основном в Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии. Перечень сюжетов свидетельствует о хорошей сохранности волшебной сказки, что объясняется пристрастиями собирателя к «старинной» сказке. По «Сравнительному указателю сюжетов» это номера: 300 – «Победитель змея», 301 А, В – «Три подземных царства», 302 – «Смерть Кашея», 313 А, В, С – «Чудесное бегство», 315 – «Звериное молоко», 325 – «Хитрая наука», 327 А, В, С, F – «Брат и сестра у ведьмы», «Мальчик и ведьма», 530 – «Сивко-Бурко», 530 А – «Свинка – золотая щетинка», 545 В – «Кот в сапогах», 551 – «Молодильные яблоки», 560 – «Волшебное кольцо», 566 – «Рога», 567 – «Чудесная птица», 706 – «Безручка», 707 – «Чудесные дети», 875 – «Семилетка» и др.

Перечисленные сюжеты отличаются особой устойчивостью и имеют широкое территориальное распространение. Некоторая изолированность Кокшеньги от центра явилась одним из условий «консервации» фольклорных традиций. И, тем не менее, Едемский отмечает, что, «несмотря на отдаленность и захолустье края», сказка обречена на забвение. Возраст ин-

форматоров с хорошим репертуаром (5 – 10 сказок) – 65 – 90 лет; тридцати- и сорокалетние знают две-три сказки. Молодежь тянется к «городскому костюму, кинематографу», т. е. к новым формам культуры. Исчезает механизм воспроизводства традиций.

М. Б. Едемский был неутомимым собирателем, многогранность его интересов не давала ему сосредоточиться на чем-то одном, сделать выбор между фольклором, этнографией и геологией. Этим и определяется методологическая неоднородность его фольклорно-этнографического собрания. Чем-то он интересовался попутно (частушки, анекдоты), что-то начинал собирать более активно (детский фольклор – АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 17, № 40; РГАЛИ. Ф. 573. Оп.1. Д. № 100), народный календарь (РГАЛИ. Ф. 573. Оп.1. Д. № 101). Иногда его интересовала узкая тема, и он целенаправленно работал только в этом направлении: духовные стихи, (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 2, № 5, № 14, № 43), мужской репертуар, молодежные игры, (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 17, № 40).

Второе место после сказок в архивной коллекции Едемского занимают лирические песни. Первые публикации песен относятся к 1905 году: «Вечерования, городки (хороводы) и песни в Кокшеньге». Уже в этих публикациях Едемский отмечал угасание народной песенной традиции. Главную причину постепенного «затухания» песенного репертуара он видел в разрушении традиционного быта, «обряда» крестьянской жизни, – по его выражению. «Речь идет не о свадебных песнях, а о лирических», – поясняет он²⁷. Песня утрачивает функциональную бытовую приуроченность, сохраняя эстетическую функцию, происходит разрушение коллективного и формирование индивидуального репертуара. Едемский относился к этому негативно, как к утрате традиции.

Едемского всегда интересовал фольклорный процесс. Не испытывая особого научного интереса к лирическим песням, он, тем не менее, внимательно отслеживает, как происходит смена песенного репертуара, как старые песни меняют традиционное функциональное назначение. Городки переходят в разряд кадрильных песен, перестают функционально различаться песни «городков» и «улиц», широко начинает бытовать частушка. Едемский объективно объясняет причину ее популярности: она мобильна, отражает разнообразные моменты жизни, незатейлива по содержанию, допускает вольную импровизацию, легко запоминается. Но особенно, по мнению Едемского, вытесняет традиционную «долгую» песню «городская долгая песня», песни рабочих, жестокий романс.

Существование различных по своей художественной природе и генезису песен в одном репертуаре – явление не новое в культуре, его можно проследить за документально известный период с середины XVIII века.

В XX веке этот процесс активизировался, он отражает изменения в социально-бытовой сфере, в морально-эстетических воззрениях русской деревни начала XX века. Процесс «сожительства» двух песенных культур в народном песенном репертуаре – тема, заслуживающая специального изучения

Едемский записывал песни в ходе геологических экспедиций (РГАЛИ. Ф. 573. Оп.1. Д. № 37, 101) в Рыбинскую губернию (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. 40). Но самое большое собрание относится к 1924 году, ко времени экспедиции в Тотемский уезд Вологодской губернии. Не все песни записаны самим Едемским, частично этой работой занимались участники экспедиции Н. Л. Дилакторская и М. Р. Попова, но все тексты Едемский правил. В 1924 году было записано около 200 текстов песен разного жанра, примерно от 50 информаторов разного возраста, в основном в Кокшеньге. Песни из архивной коллекции М. Б. Едемского мы расположили по тематическим циклам.

В первую группу можно отнести песни «исторически связанные с движением» (определение В. И. Ереминой). Это песни молодежных уличных гуляний – «гульбищные», «улицы», «кружки-городки» (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 3): «Уж ты улица-улица», «Бережом речка крутенька». «Не дуйте-ко ветерочки» и др. В 1924 году Едемским записано около 20 городков. В отличие от ранних записей 1905 года, набор текстов уже не представлял сюжетного единства. Городки исполнялись не как композиционно законченный тематический цикл, а как песни, вне игрового контекста. Городки, отмечает Едемский, начинает вытеснять кадрили.

Особое место в репертуаре исполнителей занимают шуточные песни (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 11, 37), в которых комический эффект достигается нарочитым нагромождением нелепостей, алогизмом бытовых ситуаций («Курочка бычка принесла», «На дубе свинья гнездо свила» и т. д.). Функциональное назначение песен этого типа неустойчиво, они могли сопровождать пляски, исполняться во время застолья, «насмех» («Вздумалось Кате в гости в деревеньку», «Уж ты муж, ты мой муж, муж догадливый» и др.). Песни создают образ-гротеск, карикатуру, но это не злая сатира, а «насмешливая критика».

Большое место в песенном репертуаре кокшаров занимает любовная и семейно-бытовая лирика. Объединенные в цикл в определенной линейной последовательности (от девичества – к замужеству, от холостой жизни – к женитьбе), они составят гиперсюжет, который в народной традиции как единый текст не бытует. Жизненные события укладываются в двусоставную сюжетную композицию: жизнь до замужества (женитьбы), после замужества (женитьбы). В каждой композиционной части цикла события развиваются интенсивно до кульминации, после чего начинается спад, на-

растание драматического эффекта. Композиционную «кривую» можно представить кратко и схематично: ожидание любви (девица видит милого во сне, счастлива в любви), девица зовет милого ночевать, желает иметь портрет любимого, «гроза» милого дружка страшнее гнева родителей, провожает милого дружка «во дороженьку во дальнюю», ждет весточки, переживает разлуку с ним. Мил дружок советует не жечь «свечи – воску ярова», не ждать его. Девица натерпелась много горяшка от милого дружка, но продолжает его любить. Получает «вис(т)ь неродошну», слегла в постель, вспоминает «неразлученную любовь». Милый вернулся, просит «подарочками разменяться» – хочет жениться на другой; обещает «любить пуще прежнего». Девица просит забыть ее, пощадить ее честь, «не похваляться». Она вышла замуж за нелюбимого. Утопилась из-за неразделенной любви.

В такой же параллельной последовательности развивается любовная линия молодца. Мужская романная ситуация не менее драматична. Парень гордится подарочком (девица на тросточку «алую ленточку пожаловала»), он счастлив, уверен, что его любит девица («Весел я, весел севоднишний день...»). Страдает от ревности. Ударил девицу «по белому лицу», «по жемчужной по серьге». Тоскует по любимой, которая «подалеку живет», гадает, кого к любушке послать, узнать – любит или нет. Любимая уехала, молодец не знает, как ее вернуть. Не имеет вестей, думает, что любимая «замуж вышла», заливается горькими слезами, тоскует на беседе: «Одной девушки не видно, гля которой шел...». Молодец спрашивает девицу, любит или нет, «скорее окажисё». Грозится убить себя. Девицу увозит «злой жених». Молодец с горя женится «не на ровничке».

В первой части любовно-бытового «романа» оба персонажа находятся в равных условиях. Конфликтные коллизии однотипны и в женском, и в мужском вариантах.

Вторая часть любовно-бытового песенного цикла также развивается в мужском и женском вариантах, начинается прямо с драматической кульминации и завершается на драматической или трагедийной ноте.

– Девицу выдают замуж «не за милого дружка».

– Молодец женится «на нелюбимой». «Молодая-то жена да не в любви пришла».

– Молодая женщина упрекает родителей: «хотя и цяй пью, через цяй слезы лью».

– Молодой муж не хочет «по согласию с женкой жить».

– Молодая в семье мужа «не любя», но «берет верх» над богоданной родней.

– Муж любит чужую жену, «держится чужие стороны», «чужую кровлю кроет, своя протекает», «чужую пашню пашет, своя зарастает».

– Дом мужа – «чужая сторона», «ничему не урожай», «и цветочки не цветут, и вольны птишки не поют».

– Жена мстит мужу-«невеже», оставляет его ночевать за воротами.

– Муж молит смерть: «Умертви мою жену».

– Жена просит «тучу грозовую» убить мужа.

– Молодая женщина увидела милого друга, проклинает проклятое «бабё замужё», вспоминает «во икаженной час» прежние ласковые слова.

– Она «оклаласё детьми», было лучше в девушках жить у родимого батюшки, у родимой матушки.

– Муж грустит об ушедшей молодости: «Молодость ли ты моя молодость да молодецкая, ты когда прошла да прокатиласё, в коё времечко да миноваласё, ведь за единой час ты показаласё».

Приведенный нами перечень (далеко не полный) любовно-бытовых мотивов свидетельствует о широком бытовании лирических протяжных («доўгих») песен в Кокшенинге, о хорошей их сохранности и большом разнообразии. Несмотря на схематизм и однотипность психологических переживаний, на отсутствие индивидуального самовыражения, они дают возможность представить жизнь лирического персонажа как бытовую биографию, универсальность которой подтверждается песенной лирикой фольклорного и литературного происхождения.

Едемским записано несколько песен балладного типа. Это песни повествовательного характера с драматическим развитием сюжета. Тематический диапазон песен драматического содержания сосредоточен вокруг любовных и семейно-бытовых проблем, исключающих возможность благополучной развязки. Герои гибнут из-за неразделенной любви («Девушка отравила молодца», «Нонче да топерича вся любовь порешиласё», «Миленькой мальчишечка в горенке сидел» и др.), страдают из-за «проклятого замужьяца» («Дочка-пташка»), муж убивает жену по ложному обвинению («Ехали солдаты со службы домой»), жена убивает нелюбимого мужа («Жена мужа зарезала»), муж убивает нелюбимую жену («У кустика у ракитова»), герои погибают из-за греховной любви («Ванька-ключник») и т. д.

Мир субъективных переживаний, драматический накал чувств, типичные балладные персонажи (героиня / герой, антагонист, жертва) сближают записанные М. Б. Едемским песни с балладами классического типа. Но это поздние тексты, в которых при сохранении типовых балладных ситуаций трансформировалась форма, сократился объем, появились новые наслоения, расширился круг сюжетов, усилилось лирическое начало. В отличие

отклассических баллад их следует называть песнями балладного типа. Э. В. Померанцева, Д. М. Балашов выделяют их в особую группу баллад «новой формации»²⁸.

К песням балладного типа по сходству тематики относят народные обработки песен литературного происхождения, «жестокые романсы» – «функциональные эквиваленты баллады», как определяет этот пласт народной лирики Э. В. Померанцева. Едемский отметил факт их довольно широкого бытования в Кокшеньге, в основном в молодежной среде, но записал лишь несколько текстов: «Черный ворон» (народная обработка песни малоизвестного поэта Н. В. Веревкина «Под зеленою раkitой»), «Последний день красы моей» (стих. И. И. Козлова «Добрая ночь»), «По Дону гуляет казак молодой» (стих. Д. П. Ознобишина «Чудная бандура»).

В экспедициях по следам Едемского записаны в основном балладные песни типа жестоких романсов. Они продолжают бытовать, что свидетельствует об устойчивости «балладной» темы, которая воплощается не только в какой-то одной жанровой форме.

В коллекции М. Б. Едемского есть несколько исторических песен: «Время тяжкое приходит», «Пошел турка воевать» (Варианты: «Царя требуют в сенат...», «Царь на сменных сподоблялсё...» (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 5; РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 37), «Про Флатова-казака» (АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 41. Варианты: РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 37), «Поле цистоё турецкоё» (АГЛМ, Ф. А. Инв. 1. Д. № 41), «Стеньки Разина сын» (РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 37; ЖС, 1905, № 36).

Исторические события в народной интерпретации получают освещение, соответствующее народным представлениям, выраженным в определенных фольклорных стереотипах. Исторические персонажи в песнях утрачивают реальные имена. Главное здесь не имя, а функция, роль персонажа. Народному певцу важна ситуация. Песня «Поле цистоё, турецкоё» исполнялась и в XVIII веке (турецкая кампания 1787 – 1791 годов) и в XIX – (в 1828 – 1829 годы). Менялись генералы: П. А. Румянцев, Г. А. Потемкин, И. Ф. Паскевич, но не менялась ситуация – просьба генералов к солдатикам постоять за Россию, пройти «поле цистоё, турецкоё». «Историческая память» народа удерживает стереотип. Платов («Флатов-казак»), герой 1812 года и «сынок» Стеньки Разина отличаются только именем, а изображаются в песнях по фольклорному стереотипу ловкача, пройдохи, удачника. Народная оценка исторического события может совершенно не совпадать с официальной. В цикле народных исторических песен о событиях 1825 года речь идет не о восстании декабристов и не о сочувствии их идеям, а осуждается заговор против царя, в котором участвуют сенат и сенот (Синод).

Рекрутские и солдатские песни составляют мужской репертуар кокшаров. Он невелик, всего 18 вариантов песен, которые группируются в тематические циклы: рекрутский набор, размышления семьи, кого в солдаты отдать, жребий выпадает младшему, неженатому; проводы рекрутов; вещи сны солдата; тоска по дому, по семье, по любимой девушке; солдат сбежал «с караулу», родители не пускают его в дом; смерть солдата на чужбине, завещание раненого, наказ коню, ворону передать поклон родным; «Три лебедушки»: мать, сестра, жена оплакивают убитого; возвращение мужа, жена узнает его по кольцу.

В основном это репертуар мужчин пожилого возраста (П. И. Попов, 70 л., К. М. Ламов, 76 л., Ф. Д. Русанов, 70 л.).

Этнография детства и детский фольклор особенно активно входят в круг исследовательских и собирательских приоритетов М. Б. Едемского в 1920-е годы. Рукописи, датированные 1924 годом, представляют результаты целенаправленной и кропотливой работы по сбору и систематизации «материнского» фольклора (колыбельные песни, пестушки, потешки), песенных текстов, бытующих в детской среде, сведений о многочисленных детских играх Кокшеньги и прилегающих территорий. В экспедиции 1924 года Едемский фиксирует обряды при рождении ребенка, «молитву бабе детской», собирает и описывает большую коллекцию игрушек из глины, бересты, дерева. Детские игры и колыбельные песни Едемский записывает и в Краснохолмском уезде Рыбинской губернии.

В «Перечне главнейших трудов», составленном самим Едемским (РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 2), наряду с другими материалами, указаны детский фольклор, детские игры, а также «Сборник сказок для детей (сказки-басенки)», сданный в печать в 1929 году (рукопись затерялась в неизвестном издательстве). К сожалению, этот обильный этнографический и фольклорный материал М. Б. Едемский не успел свести в единый обрядово-поэтический цикл.

Архив собирателя свидетельствует о том, что Едемский разрабатывал принципы классификации детского фольклора. Одна из рукописей представляет собой попытку объединения текстов по тематическому признаку. Исследователь выделяет в отдельные группы «Детские песни» (колыбельные песни, пестушки), «Шуточные, сатирические и комические детские песни», «Дразнилки», «Рассчетки» (считалки).

Основная часть колыбельных и потешных песен хранится в РГАЛИ (Ф. 573. Оп. 1. Д. № 99), содержит 39 листов, включает четыре документа: автограф Едемского, машинопись с его пометами в трех вариантах, рукопись Ф. Е. Малевинского с записью колыбельных песен Биряковской волости Тотемского уезда, рукопись не установленного лица. Черновые вариан-

ты свода колыбельных песен свидетельствует о кропотливой работе составителя. Он приводит разные редакции одних и тех же песен, уточняет особенности произношения, лексическое наполнение, степень полноты текстов. В большинстве случаев разночтения в вариантах незначительны (пропуск отдельных строк, замена имени, предмета и т. д.). В своей основе репертуар колыбельных песен, потешек, игровых достаточно стабилен. В памяти жителей Кокшеньги и Тотемского района он сохранился и 50 – 70 лет спустя.

М. Б. Едемский не отделял духовную культуру народа от материальной. Этнографические материалы дополняют картину патриархального быта кокшаров. Едемский интересовался различными сторонами хозяйственной деятельности населения как этнограф-практик. В архиве есть анкета для описания крестьянских промыслов, пищи, одежды, утвари, обжигания горшков, выделки сапог (со схемой), пивоварения, целебных трав и рецепты их использования при лечении болезней, советы по пчеловодству, описание предметов, употребляемых при заговорах, предметов, используемых старообрядцами при богослужении, описание детских игрушек, тканей, украшений.

Огромную ценность представляют отснятые Едемским фотографии домов, храмов, общественных работ, праздников, людей, дополняющих и воссоздающих визуальный контекст.

В истории Вологодской региональной фольклористики начала XX века Михаилу Борисовичу Едемскому принадлежит весьма заметное место и как собирателю, и как ученому, в статьях и полевых дневниках которого поставлены вопросы, не потерявшие до сего дня научной актуальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы к библиографии М. Б. Едемского: *Бурцев Е. В.* Спас на Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии: Историко-статистический очерк. – Вологда 1912. – С. 88 (Упоминание о М. Б. Едемском); *Васеловские Александр и Алексей.* Вологжане-краеведы: Источники словаря. – Вологда, 1923. – С. 23; Карточки учета научных сотрудников в области этнографии, фольклора, антропологии от Е до Л // Архив СПб. ФИРИ РАН. Оп. 1, Д. № 310; Наука и научные работники Ленинграда. – Л., 1934. – С. 125; Трудовой список М. Б. Едемского // Архив СПб. ФИРИ РАН. Ф.4. Оп. 4. Д. № 5109; *Ончуков Н. М.* Б. Едемский: Некролог // Советская этнография. – 1934. – № 1 – 2. – С. 233; Памяти М. Б. Едемского // Геология и полезные ископаемые Северного края. – Архангельск, 1934. – С. 3 – 6; *Толмачев А. М.* Б. Едемский // Вестник АН СССР. – 1934. – № 2. – С. 52 – 54; *Величутин В., Угрюмов А.* Ученый из Кокшеньги // Коммунист: Орган Тарногского РК КПСС и районного сов. Депутатов трудящихся Вологодской области. – 1960. – 24 мая. – № 61/2564. – С. 3; Воспоминания земляков о М. Б. Едемском: Запись учительницы Спасской восьмилетней школы Т. А. Соколовой. – 1960 // Архив Вологодского пед. института (Прислано А. А. Угрюмовым); *Сергеева М.*

(Вавилова М. А.). Крестьянский сын // Красный Север. – 16 августа 1960; *Девятковская Л. М.* Б. Едемский-фольклорист // Сборник студенческих работ. – Вып. 5: Материалы межвузовской фольклорно-диалектической конференции. – Вологда, 1967. – С. 33 – 37; *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. – Т. 2. – М., 1963. – С. 244; Из отзыва С. Ф. Ольденбурга // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 573. Оп. 1. Д. № 23; Письма М. Б. Едемского А. А. Шахматову: 1914 – 1919 гг. // Архив СПб. ФИРИ РАН. Фонд А. А. Шахматова – Ф. 134. Оп. 3. Д. № 509 (в одном из них М. Б. Едемский, находясь в больнице, жалуется на тяжелое состояние здоровья: «Сердце и артерия не в порядке... Ужасно хочется есть... рад уж и тому, что хоть лежать можно, а не стоять в очереди...») И о работе: «Пополняю предметный указатель к сказкам Смирнова» – 7 июля 1919 г.). *Вавилова М. А.* Из истории вологодского краеведения: М. Б. Едемский // Вологда: Краеведческий альманах. – Вып. 3. – Вологда, 2000. – С. 576 – 588; Библиография. – С. 589 – 591.

² *Говор жителей Кокшеньги // Живая старина. – 1905. – Вып. 1–2. – С. 97 – 101; Из Кокшеньгских преданий // Живая старина. – 1905. – Вып. 1–2. – С. 102 – 106; Из Кокшеньгских преданий // Живая старина. – 1908. – Вып. 1. – С. 75 – 83; Вып. 2 – С. 211 – 218; Вечерование, городки (хороводы) и песни в Кокшеньге Тотемского уезда // Живая старина. – 1905. – Вып. 3 – 4. – С. 459 – 512; Прозвища в Кокшеньге // Живая старина. – 1907. – Вып. 1. – С. 2; Загадки в Кокшеньге Тотемского уезда // Живая старина. – 1906. – Вып. 1. – С. 2 – 68. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда // Живая старина. – 1910. – Вып. 1–2. – С. 1–48, вып. 3. – С. 49 – 96, вып. 4. – С. 97 – 113; Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде Вологодской губернии. – Живая старина // 1912. – Вып. 2–4. – С. 221 – 258; О крестьянских постройках на Севере России // Живая старина. – 1913. – Вып. 1–2. – С. 2 – 115; О старых торговых путях на Севере России // Записки русского отдела Императорского Археологического общества. – 1913. – Т. 9. – С. 39 – 62.*

³ РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 2;

⁴ РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 23 – 25;

⁵ *Ончуков Н. Е.* М. Б. Едемский: Некролог // Советская этнография. – 1934. – № 1–2. – С. 233.

⁶ РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 2.

⁷ См. письма директора Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевича А. М. Угрюмовой, вдове М. Б. Едемского, о передаче архива фольклориста музею: 1) «Уважаемая Александра Михайловна. Очень радуюсь, что Вы откликнулись. Вам на днях напишет письмо наш представитель Лавровский и условится с вами, когда повидаться. Вы ему сейчас же ответьте. Самое лучшее Вам передать весь фонд Вашего покойного мужа, чтобы ничего не разбивать. Пришлите его фотографические карточки разных времен. Мы все здесь сейчас же приведем в порядок, все оценим и Вам за все уплотим. Лавровский все упакует и отошлет. Если у Вас есть какой либо ящик – еще лучше, а нет – он сам придумает, как сделать. Просматривать материал будем здесь в Москве – так у нас заведено и здесь все сведущие люди под руками. Всего Вам наилучшего» (4 июля 1935 года). 2) «Многоуважаемая Александра Михайловна. Спешу сообщить Вам, что полученные мною сведения от экспертов за фольклорную часть, присланного Вами архива, музей может предложить Вам 1500 руб. Это крайне высокая оценка, но ввиду Вашего категорического заявления о переоценке, нам пришлось согласиться на то, что чтобы дослать Вам 405 руб. Геологическую часть архива на днях возвращаем. Если Вам нужна моя помощь в смысле устройства этого архива в какое-либо другое учреждение, прошу Вас написать мне об этом. Я с удовольствием сделаю все, что могу. Всего Вам наилучшего» (26 марта 1936 года).

⁸ Архив Государственного литературного музея (АГЛИМ). Ф. А. Инв. 1. (КП № 50715/1.) Д. № 1–48; РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Ед. хр. 115;

⁹ *Едемский М. Б.* Говор жителей Кокшеньги. – С. 2;

¹⁰ *Едемский М. Б.* Говор жителей Кокшеньги. – С. 2;

- ¹¹ Едемский М. Б. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда / Сост., подготов. текста, комментарии М. А. Вавиловой и С. Н. Смольникова. – Вологда, 2000. – С. 10.
- ¹² Едемский М. Б. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда. – С. 12;
- ¹³ Едемский М. Б. О крестьянских постройках на Севере России. – С. 115;
- ¹⁴ Едемский М. Б. Из Кокшеньгских преданий (1905 г.). – С. 102 – 106; (1908 г.). – С. 75 – 83; 211– 218;
- ¹⁵ Справка об изменениях в административно-территориальном делении Вологодской области // Вологодская область: Административно-территориальное деление на 1 января 1973. – Архангельск, 1974. – С. 478;
- ¹⁶ Калуцков В. Н., Иванова А. А., Давыдова Ю. А., Фадеева Л. В., Родионов Е. А. Культурный ландшафт русского Севера. – М., 1998; Актуальные проблемы полевой фольклористики. – Вып. 1. – М., 2002; Вып. 2. – М., 2003; Живая культура Российской провинции: Калужский край, Козельский р-н (Этнографические очерки). – М., 1999; Духовная культура Севера: Итоги и перспективы исследования. – Сыктывкар, 2002;
- ¹⁷ Архив СПб. ФИРИ РАН. Оп.1. Д. № 310.
- ¹⁸ Едемский М. Б. О собирании русских народных сказок: Из этнологических наблюдений по Северу России за последние годы // Сказочная комиссия в 1924 – 1925 гг. – Л., 1926. – С. 39.
- ¹⁹ Там же. – С. 45.
- ²⁰ Азадовский М. К. История русской фольклористики. – Т. 2. – М., 1963. – С. 244.
- ²¹ Едемский М. Б. О собирании русских народных сказок в 1924 – 1925 гг. – С. 46.
- ²² Ольденбург С. Ф. О собирании русских народных сказок в последнее время // Журнал Министерства народного просвещения. – 1916. – Т. 44. – Август. – С. 304.
- ²³ Едемский М. Б. О собирании русских народных сказок в 1924 – 1925 гг. – С. 39.
- ²⁴ Там же. – С. 44.
- ²⁵ Там же. – С. 43.
- ²⁶ Едемский М. Б. Сказочная комиссия в 1924 – 1925 гг. – С. 35 – 47; Сказочная комиссия в 1926г. – С. 46 – 47; Сказочная комиссия в 1927 г. – С. 34 – 40.
- ²⁷ Едемский М. Б. Кулойско-Мезенский край // Известия Русского географического общества. – Т. 61. – Вып. 1– 2. – С. 481.
- ²⁸ Померанцева Э. В. Баллада и жестокий романс // Русский фольклор. – Вып. 24. – Л., 1974. – С. 202 – 209; Балашов Д. М. Народные баллады. – М.; Л., 1963. – С. 38.

КАЛЕНДАРЬ КОКШЕНЬГИ

по материалам полевых дневников М. Б. Едемского 1924 года

В основу статьи положены материалы, собранные М. Б. Едемским во время очередной его экспедиции в Тотемский уезд Вологодской губернии в 1924 году¹.

М. Б. Едемский – добросовестный, разносторонний, профессиональный собиратель. Его «Черновые записи для народного календаря» и незавершенная статья на эту тему примыкают к серии публикаций о традиционной культуре Кокшеньги, предпринятой им в 1903 – 1913 годах².

Главным источником календарных сведений для Едемского послужили беседы с крестьянами-земляками Спасской волости: Владимиром Петровичем Кузьминым, Александром Владимировичем Едемским, Осипом Александровичем Баскаревым, Михаилом Михайловичем Нагишевым. Поскольку он планировал продолжить работу³, то на этом этапе ограничил свою задачу сбором материалов практического характера, составлением календарного справочника, которым руководствуется крестьянин-земледелец, определяя сроки полевых работ: начало пахоты, сева, сбора урожая. Фольклорист пользовался методикой синхронного описания, удовлетворяясь теми сведениями и разъяснениями, которые давали ему информаторы.

В 30-х годах XX века Кокшеньга жила еще по патриархальным законам, о чем сообщает Едемский в начале своей статьи. Грамотных людей среди молодежи и подростков было мало: «дети школьного возраста почти сплошь неграмотны». Кокшеньгский крестьянин связывал элементарные умения читать с насущной необходимостью, желанием иметь «сведения о состоянии погоды, способах ее угадывания или предсказания». «Поучить бы парня-то, – высказывает он свое желание собирателю, – хоть в святцах мараковаў бы хоть, когда мисяц родитьсё, когда уцербнёт... праздники в

числах на весь год рассчитать... особенно начало и конец Великого промежговенья («от Рождества до масленицы». – *Пояснение собирателя*). Большой популярностью в Кокшеньге пользуются, отмечает М. Б. Едемский, знахари, колдуны, «книжные люди». Если к последним относятся с уважением, то колдунов и знахарей боятся: «много есть приговоров, много есть отворотов, порчи на людей и на скот. И многие очень и очень убеждены в силе этих наговоров и говорят, что есть и теперь такие люди, как вот, например такая-то испортила одного парня, что стал плохо жить, или вот такой-то наделал что-то по насердию над коровой» (от крестьянина М. М. Золотцева, д. Подгорная, 1924 г. – АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 38.).

В. П. Кузьмину 71 год. «Учиўсе самоуком». Имеет «Календарь Брюса» 1801 года, по которому толкует о погоде «по планетам». Марс показывает: на первое января холодно будет, ясно, на западе облачно; весь январь будет ясный и холодный. О. А. Баскарев отдает предпочтение святцам, приурочивая многолетние наблюдения, отражающие коллективный опыт, к дням памяти святых. «Егорий с водой – Никола с травой», «Евдокия лето устанавливает». «В Крещение станем поутру и смотрим, какая погода. Если ясная, то летом будет жар. Не будет овощи (грибов, ягод), обилья худые. Ковда дак с иконами пойдут на воду – иней и снежки – мы говорим: «Слава Богу, год будет хорош! Обилье родитсё, и овощ будет всякой» (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. № 39. Л. 16 об.).

С полным доверием относятся крестьяне и к суеверным календарным приметам. Святая Фекла получила прозвище «Заревница» – от зарева осенних огней. На Феклу начинают молотить в натопленных овинах хлеб, часто бывают пожары. Баскарев предсказывает: «Ежели ясный день бывает в этом году, пожаров будет много. Ежели день серой, мы говорим: “Слава Богу, пожаров в этом году будет мало”» (РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 99. Л. 16 об.).

Самая интересная и содержательная календарная информация на весь год получена от М. М. Нагишева, крестьянина деревни Подгорной (РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 101. Л. 41–44). Этот информатор привлек Едемского своей незаурядностью, открытостью. Судя по дневнику, их беседы продолжались с 23 по 29 августа 1924 года.

Нагишев считал себя человеком бывалым, и, несомненно, был в деревне уважаемым, «книжным человеком». «Я бываў в Петрограде на чугунолитейном заводе один год. Поляки там были. Я от их научиўсё кой-каким штуцкам (фокусам) по оракулу... Гадаю в бобы: ще надо – все розгадаю. От странников научиўсё. На ночлег приставали». Нагишев доверительно, по-свойски называет Едемского «паря», проникшись доверием и уважением к ученому-земляку, он разрешил переписать календарь погодных на-

блюдений, который сам вел с 1901 года (РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 101). М. М. Нагишев сообщил М. Б. Едемскому более 50 календарных примет: «Календарь погоду повторяет, так говорят некоторые, а мои наблюдения говорят, что погода меняется в семи годах, не по порядку, а как совпадет... я все примечаю, у меня дак все выходит (предсказания. – М. В.) подходяще». В календаре-справочнике удивительно переплетаются реалистические наблюдения над поведением животных, птиц, умение предсказывать по их поведению смену погоды, предугадывать удобное время для пахоты, сева, уборки урожая, с совершенно фантастическими приметами, суеверными предсказаниями. Можно найти удовлетворительные объяснения таким приметам: если «пчела полетела весной, отзимка не будет» (17.04 / 30.04); «если на Орину (5.05 / 18.05) наклюнулись огурцы, то сажать их надо на Николу» (9.05 / 22.05); нельзя задерживаться с севом после Виталия (15.05 / 28.05): «плохое бывает жито». В то же время разумный Нагишев советует: прежде чем ехать сеять, нужно поймать жука-навозника, по нему определить, каким будет сев: «если у него под первыми ножками детки – первый сев будет лучше, под задними – поздний, под передними – средний» (РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 101. Л. 42). Трудности обработки земли, частые в северных климатических условиях перепады погоды, неурожай определили особый характер контактов кокшаров с природой, а также со сверхъестественными существами и святыми. В крестьянском сознании совмещаются как бы две плоскости бытия: мир реальный и мир воображаемый, в котором и святые, и демонические существа одинаково участвуют в жизни земледельца. Рудименты мифологического мышления достаточно отчетливо проявляются в календарных обрядах коллективного типа, в которых принимали участие все жители деревни. В 1924 году они сохранились или в редуцированном виде, или в нарративах, воспоминаниях об обряде.

Один из них был приурочен ко дню сева, который в Кокшенье совпал с днем памяти святого Козьмы (Косьма 18.04 / 1.05). Нагишев ошибочно присоединил к Козьме Демьяна. День памяти святых-двойников отмечается по святцам поздней осенью (1.11 / 14.11). В Подгорной в канун или день сева устраивалась коллективная трапеза, на которую приглашались святые помощники Кузьма и Демьян. «На Кузьму-Демьяна кашу варят. Пойдем сиять, дежени намсят: “Кузьма-Демьян, пособите посиять. Идти каши хлебать (или соломату, или дежени)”».

Ритуальная трапеза в данной ситуации носит дарственный характер. Приглашение «кашу хлебать» – эквивалент дарообмена «мы – тебе – ты – нам», символическое выражение состоявшегося контакта между дарителями-крестьянами одариваемыми святыми. С неменьшим почтением, к

которому примешивается боязнь, относятся кокшары к демоническому персонажу – Овиннику, именины которого отмечают в день памяти Дмитрия Солоунского (27.10 / 8.11). Овинник – хранитель овина, в котором сушат и молотят снопы. Осенью зажигают огни, возникают частые пожары, вина за которые возлагается на Овинника. Отношение к нему двойственное: почитание и страх, что находит отражение в обрядах. В Кокшеньге Овиннику приносят в дар пироги и жертву: кровью петуха кропят углы овина. Жертвоприношение в Кокшеньге сохранилось в рудиментарной форме немотивированного действия: при входе в овин кукарекают и оставляют пироги, не разделяя трапезу с Овинником. Информатор отмечает: «обыкновенно с пирогами ходят подрастишки». Переход обрядов взрослых в детскую аудиторию – явление, характерное не только для Кокшеньги. Оно свидетельствует о разрушении связей и обязательств между субъектом и объектом обряда, о забвении хозяйственных мотивов, ради которых эти связи поддерживались. «В Димитров день Овин – именинник. Пекут пироги и ходит человек (двое) на овин, и молят здоровье (овиннику. – М. В.).

В этот день мало уже молотят. У меня робятишка ходют, дак що кикирикуют: «Доброго здоровья Овиннику! Кикирика, Овинная матушка! Сто лет стоять да богату быть» (РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 101. Л. 42 об.).

Описанный М. Б. Едемским обряд, при котором дар – жертва – материальный предмет заменяется словом, кукареканьем, интересен сохранностью архетипической модели, при которой слово отождествляется с представлением, а представление – с предметом. В приведенном описании кукареканье заменяет реальный предмет – петуха, что равнозначно обряду жертвоприношения Овиннику. В обрядовый календарный комплекс входят также сезонные обряды скотоводческого типа. «[На] Фролы-Лавры – лошадиной праздник (18.08) – приезжают в Ракуле. Молебны служат. Кропят водой (коней. – М. В.). На лошадях в этот день не работают, если обещанные кони. У кого не обещанные – робят». В этом нарративе от полного содержания обряда сохранилось лишь два фрагмента: конский молебен, кропление коней святой водой и запрет работать на обетных конях.

Обряд, проводимый в день Флора и Лавра (18.08 / 31.08), имеет устойчивую традицию. В полном виде, позволяющем понять его смысл, он был записан в Кадниковском уезде в 1895 году А. А. Шустиковым⁴. Коней пропускали через «теснину» (ворота), что можно интерпретировать как акт рождения; священник кропит коня святой водой, хозяин обмывает коню голову и уши (имитация обряда крещения новорожденного). Вода символизирует очищение и защиту. Заключительный этап – конь обретает новый статус, как бы вновь рождается, начинаются состязания, скачки, демонстрация возможностей коня и седока. Обряд соотносится с инициацией, актом повторного рождения, языческим по своей основе. Синкретическая

структура обряда, объединение языческих и христианских мотивов-эпизодов подтверждает идею тождества коня и человека, их принадлежности к одному миру. Едемский записал еще несколько обрядов узкосемейного типа, связанных со скотом, с заботой о его сохранении, с оберегом от падежа. В Великий Четверг домашний скот кормят обильно, пекут ритуальные караваи, два из которых скармливают коням и коровам, а два оставшихся съедают хозяева. Чтобы увеличилось поголовье скота, в Великий Четверг ходят на муравьище, приносят муравьев в сарай и произносят заговор: «Цярь муравей, царица муравьица, об чем тибя прошусь и поклонюсь. Как у тибя мурашки ведутся на муравьищине, дак так бы у меня велась скотинка в доме (повторяется три раза)». К этому же дню приурочен и узкосемейный обряд бытового характера. Накануне в среду девицы-невесты закалывают в муравейник борушку, а в великий четверг ее приносят в дом и произносят заговор-просьбу: «Как на етом муравьищине мурашки споваются со всех четырех сторон и никто не может их задержать... так бы ко мне ехали жонихи со всех сторон и никто их не мог бы задержать, не пешие, не конные, не вершные» (РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 99. Л. 18. Информатор А. В. Едемский).

Следы контактной магии и магии подобия обнаруживаются в основе этих обрядовых действий. В них слово и действие дополняют друг друга. Едемский записал также несколько вариантов узкосемейных обрядов, связанных с символикой печи и печной трубы. Суть всех вариантов сводится к следующему: хозяйка или хозяин залезают на крышу и спрашивают в трубу, перечисляя по степени значимости весь скот, называя по именам коней и коров: «Дома ли кони, коровы, овцы, свиньи?» и т. д. Снизу отвечают: «Все дома». Приобщение животных к миру человека говорит об органической связи, о тождестве природного и культурного в сознании крестьянина-земледельца. Как уже отмечалось выше, в 30-х годах XX века в мировоззрении крестьянина-кокшара совмещались две плоскости бытия: мир людей и мир трансцендентный. Демонические существа и святые пересекают границы этого мира, вмешиваются в земные дела людей, участвуя в них на равных правах, помогают или вредят. Едемский записал от М. М. Нагишева цикл рассказов, которые можно назвать календарными легендами, поскольку они связаны с определенными сезонными датами и несут определенную календарную информацию. Три сюжета: Никола Милостивый, Алексей Божий Человек, Изосима и Саватий – связаны повторяющимся мотивом пути. Святые путешествуют по Кокшеньге. (Нагишев постоянно подчеркивает – «говорят».) «Никола Милостивой к Семичаеской поплываит... И Олексей-от, Божий Человек на плите приплывау в Верховажье, дак его отпехнули. Вот он и сказау: “Ну, живите, – говорит, – не серо, не бело!” Так и живут. Не могут хорошо совсем зажить... Изосимы-

те-Саватии шли откуль-то, несли иконку. Остановились в Долговицах, где монастырь-то да в Степанихе. В Степанихе пиво варят каждой год (27. 09). В Ростове, в Усацихе тоже» (РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 101. Л. 44).

Рассказы о путешествии святых по Кокшеньге напоминают древнерусские хождения – «путники», в которых отмечался путь святого паломника, этнографические факты, впечатления от увиденного. Рассказы о хождении святых по земле, их участии в делах людей широко известны в фольклорной традиции: хождение по миру Иисуса с 12 апостолами, Касьяна и Миколы, Ильи и Миколы, Егория Храброго и т. д.⁵ Кокшеньгские легендарные сюжеты интересны включенностью в календарь с функцией предписаний. В год Касьяна Немилостивого не стоит начинать ничего важного; не стоит «отпехивать» приплывающего к Семичаевской Николу, как это сделали верховажцы, оттолкнув Алексея – Человека Божьего.

В обрядовой жизни кокшаров в честь Зосимы и Саватия проводятся пивные праздники, которые совмещаются с престольными. В них отчетливо проявляются дохристианские традиции общественной трапезы – братчины, приуроченной к завершению уборки урожая. Если судить по описаниям обряда соседнего Кадниковского уезда, братчины уже в конце XIX века превратились в складчины, посвященные почитаемому святому. Единого дня как престольных, так и пивных праздников нет. Они проводились в разные сроки: 18 августа – в день Флора и Лавра, 20 июля – в день Ильи Пророка, 1 октября – в день Покрова Пресвятой Богородицы. На пивных праздниках готовилось в больших количествах «мирское пиво», готовилась коллективная еда, которая съедалась «всеми крещеными» на улице. В Кокшеньге пивной праздник проводился в день памяти святого Савватия (27. 09 / 10. 10). Закончились полевые работы, собран урожай – крестьянин может отдохнуть. Праздник носит не столько ритуальный, сколько бытовой характер (следует заметить, что святые Зосима и Савватий, как Козьма и Демьян, в Кокшеньге выступают парами). В рассматриваемом нами сюжете интерес представляют два момента: 1) переход агиографического сюжета в этнографическую реальность и 2) образ рассказчика. Нагишев пересказывает легенду о Зосиме и Савватии с некоторой завистью. В Степанихе и Долговицах святые иконку оставили, а вот до Подгорной не дошли. Стоит обратить внимание на замечание Нагишева, которое Едемский заключил в скобки, как не имеющее прямого отношения к сюжету о Зосиме и Савватии. «У нас (т. е. в Подгорной. – М. В.) этта есть бы тоже Святая кост[ь] на кладбище-то, скорочи выйдет, дожидаемсе тоже». По-видимому, Нагишев передает бытующую в Подгорной местную легенду об ожидании явления святых мощей и о возможном престольном празднике святого, чьи мощи объявятся (РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 101. Л. 46 об.). Прямого отношения к календарю эта легенда не имеет, но она характери-

зует рассказчика, его образ мыслей, его мировоззрение. Второго мая – день памяти святых Бориса и Глеба. По крестьянскому календарю – это начало сева: «Борис и Глеб сеют хлеб». С этим днем у Нагишева связана еще одна легенда, имеющая косвенное отношение к календарному циклу – легенда о жертвенном олене, широко распространенная в Вологодской губернии (Тотемский, Кадниковский, Вельский, Белозерский, Вытегорский уезды). «На Ракуле олень прибежал в жертву второго мая. Празднество было. И приходили из лесу олени. Станут к церкви, его зарежут и едят, варят враз [в] котле, угощают приходящих, всех. Один раз поп отслужил Ракуле обыкновенно (нетрезвый), олень змверкнаў и убежаў. С тех пор не прибегаў. Тут и пенек был. Олень придет, станет у пенька, и грызет ево. Пенек-от и теперь грызут, у ково зубы болят... Была зяблуха каждый год. Явилась икона Тихона и Варнавы. И на [этом] мисте стали служить молебны. Зяблухи не бывало с тех пор» (РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 101. Л. 41об.). Варианты легенд о жертвенном олене хорошо известны в Вологодской губернии⁶. Вероятнее всего, это остатки языческих охотничьих обрядов аборигенов финно-угорского происхождения⁷. Обряды коллективного поедания жертвенного животного Ю. И. Семенов называет «зоофагическими праздниками»⁸ и указывает, что в своей исходной форме они были тотемическими, но их можно поставить в генетическую связь с культом умирающего и воскресающего бога, т. е. с календарными обрядами. Это «охотничья параллель земледельческого мифа»⁹, стремление воздействовать на возрождение как животного, так и растительного мира. В Кокшеньге этот обряд, дошедший до нас в пересказе Нагишева, сохранил лишь один фрагмент – коллективную трапезу, что характерно и для земледельцев. Обычно его совмещали с пивным праздником, но в Кокшеньге такой праздник или не сохранился, или Нагишев просто о нем не упоминает. В фольклорном тексте дана расшифровка архаического обряда с позиции человека XX века. Обряд можно рассматривать и как аграрный. На место оленя и зяблухи встали святые Тихон (6.07 / 19.07) и Варнава (11.07 / 24.07), дни памяти которых были приурочены к летним сезонным работам. Чудесное явление на месте коллективных трапез икон, проведение церковных служб позволяют предположить, что легенда отражает процесс христианизации края, процесс смены языческих обрядов христианскими.

Помимо сезонных обрядов коллективного типа, М. Б. Едемский записал от Нагишева его индивидуальный сезонный календарь-справочник, в котором дни церковного календаря, отмеченные памятью святых, становятся хрононимами. Имя святого теряет агиографическую биографию, обретая функцию «вторичного символа» в новом культурном контексте, «При этом, как правило, – отмечает Н. И. Толстой, – семантическая связь реалии с первичным обрядовым текстом хорошо осознается, и именно она

сообщает вторичным ритуалам особую сакральность и магическую силу»¹⁰. Святые выступают в роли советников, помощников, как современники земледельца. «Евдокия лето устанавливает (1.03 / 14.03)», «Конон Грядобой» (5.03 / 18.03) предупреждает: нельзя кидать в печь камня: «Иначе будет грядоба», т. е. летом град может побить посевы. «Родион-ледолом» определяет начало сева (8.04 / 21.04): «ставь соху и паши под овес». После Виталия (15.04 / 28.04) «плохое бывает жито». Поздно посеешь – не вызреет хлеб. На «Иова Горосца» (6.05 / 19.05) надо сеять горох, на «Ивана-Пшеничника» (8.05 / 21.05) – жито и лен и т. д.

Приметы-предписания соответствуют природным ритмам и определяют хозяйственные ритмы земледельца, стереотипы его практической деятельности. Но адаптация крестьянина к космическим ритмам определяется не только его ориентацией на церковный календарь, но и личными наблюдениями над погодой, поведением животных, птиц. «Лебеди пролетели – снег на крылушках пронесли. Через пять суток снег будет». «Свинья к морозу забирается в солому и визжит». По приметам, на Еремея Запругальника (1.05 / 14.05) нужно пахать. Но крестьянин ориентируется не только на даты, но еще и на природные приметы: «Если пойдешь сиять, чайки заревят – снегу еще нанесет, отзимок может быть или так, холодно будет» (т. е. нужно на время воздержаться от полевых работ). Календарные предписания могут не соответствовать природным циклам. На «Родиона Ледолома» можно пахать, но следует учитывать, «сколько недель отстоит вода подо льдом: 20, 21, 22 и 23 или 24 недели». Если лед в эти сроки не прошел, будет поздняя весна – «повреждения хлебу». Помимо примет реальных, основанных на знании человеком природы, проверенных не одним поколением и являющимися достоверными, существует в Кокшеньге огромное количество примет по аналогии, по модели «если – то». «Если на Сретенье звездисто, много будет ягод», «если в Крещение иней и снежки – обилье родится и овощ будет всякой», «Ежели в Крещение снег – урожай на грибы» и т. п.

Параллелизм символического мышления находит выражение в синтаксическом параллелизме. Можно привести большое количество примеров, основанных на сближении понятий по модели «много – много»: «Ежели под желобом сосульки нависли доўги – хлеба будут доўги (и лыны)», «Много снегу – много хлеба» и т. д.

В календаре-справочнике Кокшеньги преобладают в основном аграрные приметы, приметы-предписания, содержащие рекомендации и предупреждения (запреты). Все они связаны в основном с узловыми точками года – зимой и весной, со временем, в которое крестьянин-земледелец закладывает основу своего материального благополучия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 99; № 101; АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 38, 43.

² Едемский М. Б. Говор жителей Кокшеньги // Живая старина. – 1905. – Вып. 1–2. – С. 102–106; Из Кокшеньгских преданий // Живая старина. – 1908. – Вып. 1. – С. 75–83. – Вып. 2. – С. 211–218; Вечерованье, городки и песни в Кокшеньге Тотемского уезда // Живая старина. – 1905. – Вып. 3–4. – С. 492–512; Загадки в Кокшеньге Тотемского уезда // Живая старина. – 1906. – Вып. 1. – С. 2–68; Прозвища в Кокшеньге // Живая старина. – 1907. – Вып. 1. – Отд. V. – С. 2; Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда // Живая старина. – 1910. – Вып. 1–2. – С. 1–48. – Вып. 3. – С. 49–96. – Вып. 4. – С. 97–113; Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде Вологодской губернии // Живая старина. – 1912. – Вып. 2–4. – С. 212–258 и др.

³ РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 2.

⁴ Шустиков А. А. Тавреньга Вельского уезда (Этнографический очерк) // Живая старина. – 1895. – Вып. 2–4. – С. 171–191, 359–375.

⁵ Народные русские легенды. – Т. 1. – Легенды, собранные А. Н. Афанасьевым. – Казань, 1914. – № № 9–12.

⁶ Шустиков А. А. По деревням Олонецкого края (Поездка в Каргопольский уезд) // Известия Вологодского общества изучения Северного края. – Вып. 2. – Вологда, 1915. – С. 101–102; Шереметьев П. Зимняя поездка в Белозерский край. – М., 1902. – С. 136–137; Песни и сказки Белозерского края, записанные Б. и Ю. Соколовыми. – М., 1915. – С. XI–XII.

⁷ Шаповалова Г. Г. Севернорусская легенда об олене // Фольклор и этнография Русского Севера. – Л., 1973. – С. 209–223.

⁸ Семенов Ю. И. Как возникло человечество. – М., 1966. – С. 671–672; Фрезер Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. – М., 1980. – С. 253–254; 300–303; 308–311; 363–373.

⁹ Мифологический словарь. – М., 1991. – С. 671.

¹⁰ Толстой Н. И. Вторичная функция обрядового символа // Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995. – С. 168–169.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Народный календарь Кокшеньги

Систематизирован по дневниковым записям М. Б. Едемского, полученных им от крестьян Спасской волости Тотемского уезда Вологодской губернии: М. М. Нагишева (23.08–29.08 1924); А. В. Едемского, О. А. Баскарева, М. М. Золотцева в 1924 г. (РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 99; № 101; АГЛМ. Ф. А. Инв. 1. Д. № 38). Ссылки на источники даются сокращенно: М. М. Нагишев – РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 101; А. В. Едемский, О. А. Баскарев – РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. № 99.

1.01/14.01	<p>Новый год</p> <p>«[Если] на Новый год звездиста ночь – ягод и грибов много [будет]».</p> <p>«На Новый год на небе звезды да на снегу звезды, – ягод будет много».</p>	<p>М. М. Нагишев</p> <p>А. В. Едемский (л. 7 об.)</p>
6.01/19.01	<p>Крещенье</p> <p>«[Если] в Крещенье была бутора, а 6 июля будет дождь».</p> <p>«Ежели в Крещенье снег – урожай на грибы».</p> <p>«Крещенские морозы, а афанасьевские буторы».</p> <p>«В Крещенье Иисус Христос крестись, на какой-то рике, не знаю, но помню, а крестись в Ёрдане, это вместо пролуби. В то время явиусь андел господний над им в виде голубя. Патому-то мы и ходим с Крестным-то ходом на воду, тоже на Ёрдань, пролубь. Крестий Иван Креститель. И празнуем ему, Ивану эту Крестителю».</p> <p>«В Крещенье поутру стаём и смотрим, какая погода. Если ясная, то летом будет жар. Не будет овощи (грибов, ягод. – М. Б. Едемский), обилья худня. Ковда дак с иконами пойдут на воду, иней и снежки – мы говорим: “Слава Богу, год будет хороший. Обилье родитсь и овощ будет всякой”».</p> <p>«Восток лето и зиму становит».</p> <p>«В крещенский сочельник кур не кормят, зовут [их] в этот день пельками, щобы никто их летом не трону».</p> <p>«В крещенье ясно – зебель того году будет, а как облачно, дак тово году урожай хороший» (9. 08. 24).</p>	<p>М. М. Нагишев</p> <p>О. А. Баскарёв (л. 16 об.)</p> <p>А. В. Едемский (л. 9, л. 7 об.) д. Рыкаловская</p>
18.01/31.01	<p>Афанасий</p> <p>(Офанасий) Ломонос</p>	М. М. Нагишев
20.01/1.02	<p>Филарет</p> <p>«На Филарета звездисто – урожай на грибы и ягоды».</p>	М. М. Нагишев
25.01/6.02	<p>Оксинья</p> <p>«Какова Оксинья, такова и зима» (весна). «Оксинья – полужимница» (половина зимы).</p> <p>«[Погоду определяют] зимой по месяцу. Мисяц в рукавицах – на сутках будет снег. К снегу к мягкой погоде звёзд появитье много за сутки».</p>	<p>М. М. Нагишев</p> <p>О. А. Баскарев (л. 16 об.)</p>
9.01/22.01	<p>Филиппов пост</p> <p>«Три нидили в честь Филипа Митрополита – был такой знаменитый человек. Хоть по три день солнце проглянет, дак будет хороший год, плодородный».</p>	М. С. Едемский (д. Грязь), ед. хр. 99, л. 13

Февраль

1.02/14.02	<p>Трифон</p> <p>«На Трифона заговаривают мышей, щобы хлеба не или».</p>	М. М. Нагишев
2.02/15.02	<p>Сретенье</p> <p>«Зима с летом встречается».</p> <p>На Сретенье зима с летом встречаются. Звездисто – много [будет] ягод.</p>	<p>Фомина, ед. хр. 101, л. 7, О. А. Баскарев ед. хр. 99, л. 15 об. М. М. Нагишев</p>

3.02/16.02	В л а с и й «У Власия – борода в масле». «У Власия – борода в масле. Он был священник, дак любиў собирать, любиў ходить по хлеба – соломаху» (насмешка. – <i>М. Б. Едемский</i>).	М. М. Нагишев А. В. Едемский В. П. Кузьмин, ед. хр. 99, л. 4.
28.02/13.03	В а с и л и й К а п и л ь я «[Если] на Василья-Капилья тает – весна скорая». «[На] Василья Капильника и Овдотьи Плющихи – со крыши поплещет – ранняя будет весна».	М. М. Нагишев О. А. Баскарев
29.02/13.03	К а с ь я н Н е м и л о с т и в ы й «Касьян [29.02]. В этот день все три года не начинают ничево важново: сять, жать и пр. Будто Касьян как зглянет: хорошо – дак хорошо, а худо – дак худо. На лес зглянет – три года лес валитце. На хлеб – плохо родитце три года. На народ зглянет – народ помирает три года [больше бывает умерших. – <i>М. Б. Едемский</i>]. «Паре, Касьян как оглянуўсе на народ – редкой день покойника нет». «Будто бы Касьян с Николаем спорили. Николай говорит: “Надо миловать людей”. А Касьян и говорит: “Ой ты, – говорит, – дурак: тебе поставь свичку с пес(т) дак ты и милуешь. А мне хоть с пес(т) , дак я и то не помилюю”. Касьян и называется Немилостивым, а Микола – Милостивой». В этот день все три года не начинают ничего важного: сеять, жать.	М. М. Нагишев

Весна холодная – год плодородный (М. С. Едемский).

«Воробы к теплу залетают всё выше и выше, на дереве зимой к морозу ниже спускаютце – к дождю или к снегу».

Ворона закаркает – к теплу или к снегу. В речку западёт – к теплой погоде.

Дорога стоит, а снег тает раньше – горохи хорошие будут (А. В. Едемский, ед. хр. 99, оп. 1, л.11).

Март

1.03/14.03	1 марта тепло – весна скорая будет. Коровушка пасется до Николы. О в д о т ь и (Е в д о к и и) П л ю щ и х и «Какова Евдокия – таково и лето». «Откуда на Евдокию витер – оттуда всё лето». «Евдокия лето устанавливает. Какая погода, какой ветер, таким будет лето». «Ежели под жолобом сосульки нависли доўги – хлеба будут доўги (и лыны)». «Тепло в Евдокию и лето будет теплое и обратно».	В. П. Кузьмин, ед. хр. 99, л. 4 М. М. Нагишев О. А. Баскарёв, ед. хр.99, л.14
5.03/18.03	К о н о н Г р а д о б о й (Г р я д о б о й) «В этот день не кидают в печь камения. Иначе будет грядоба». «Чайки к холодной прогоде доўго голосу не оказывают».	М. С. Едемский (д. Грязь), ед. хр. 99. л.13 об.)

17.03/30.03	Алексей Тёплый «На Олесия Тёплова вода с гор броско побежит – скоро лето будет». «Алексей-то, Божий человек, на плите, говорят, приплыл в Верховажье. Дак его отпехнули! Вот он им и сказаў: “Ну, живите-тко не серо, не бело!” Так и живут. Не могут хорошо совсем зажить!»	М. М. Нагишев
19.03/1.04	Дарья-говнопрорубница Говно в проруби плавает. «На Дарью назёмная, вода (навозная) побежит».	А. В. Едемский, ед. хр. 99, л. 13 О. А. Баскарёв, ед. хр. 99, л. 14
24.03/7.04	Благовещенье «Жаворонки на Благовещенье прилетают, а другие после гуси – за неделю до Николя». «На Благовещенье снег или дожди – урожайная рожь, пшеницы не так будет хороший урожай. Если [день в] Благовещенье чистый, ясный, то жито и пшеница – урожай хороший, а рже не так урожай бывает». «В Благовещенье птичка гнезда не вьет, девица косы не плетет. Волосы не чешут». В Благовещенье нельзя спать после обеда. «Не ложись в Благовещенье спать, дак пчёлё гнизьдё найдешь». «В какой день Благовещев день, в тот день не начинай сеять, жать, овец не выпускают. Скот не выпускают так, чтобы кто-нибудь попался встречу – будет несчастливо» (волки и пр. – М. Б. Едемский).	В. П. Кузьмин, ед. хр.99, л.4 А. В. Едемский (99, л.11) О. А. Баскарев (99, л.14, 10)

Апрель

5.04/18.04	Федул Тёплый «На Тёплова Федула отворяй окна. Тепло будет».	М. М. Нагишев
8.04/21.04	Родион Ледолом «На Родиона Ледолома ставь соху и паши под овёс». «[Нужно считать] сколько ниделей отстоит вода подо льдом: 20, 21, 22 и 23, даже 24 нидели. Если дольше – будет повреждение хлебу. Ежели рыба вдруг отходит (нереститце) – вдруг хлеб поспеет, а не вдруг – и хлеб медленно [поспеет]. Вот в нынешнем году вся рыба вдруг в трои сутки отходила – и всё поспело вдруг: рожь, жито, овёс. Если комары толкутся весной рано, дак первый посев льна будет лучше». «Если в апреле загремит гром, то недород житу и пшенице».	М. М. Нагишев В. П. Кузьмин
15.04/28.04	Виталий «Послее Вита[лия] плохое бывает жито (поздно)».	М. М. Нагишев
17.04/30.04	Зосима Пчельник «Как пчела полетела весной – отзимка не будет».	М. М. Нагишев
23.04/6.05	Егорий (Юрий) Вешний «Егорий с водой – Никола с травой». «На Юрья роса – не надо коням овса (травы скоро и много наростет)».	М. М. Нагишев

	<p>«На Юрья дождь – скоту год лёхой (овса, травы будет много)».</p> <p>«На Юрья мороз – будет просо и овёс».</p> <p>«Коровам покровитель Егорий. Служат молебны. Хвосты подрезают».</p> <p>«Коров выпускают. Кормят досыта. Отрезают с хвосты и с хребта шерсть, зарывают в навоз [и говорят]: “Эта шерстка лежите с хвостиками в мисте, так бы наши коровушки всё лето ходили на пастбе в мисте, не расставались”».</p> <p>«Много есть приговоров, много есть приворотов, отворотов, порчей на людей и на скот у пожилых людей... Наделали по насердию что-то над коровами у такова-то – и вот не стали ходить и все примичились в поисках за коровами. Но как-то подружились с этим знахарем и хорошо угостили и попросили, не знает ли чего, не пособит ли? И вот гляди-ка! Ведь стали после тово ходить сами».</p> <p>«Когда коров выгоняют, икону ставят над воротами с внутренней стороны. Дают кусочек, начинают со старшей [коровы], и кончают младшей» (РГАЛИ, Ф.573, оп 1. Ед. хр. 101. 23.08 в д. Подгорной от М. М. Золотарева).</p> <p>«На Егорья морос, дак и за колодинкой овес».</p>	<p>О. А. Баскарёв, ед. хр. 99, л. 14. М. М. Нагишев</p> <p>АГЛИ, Ф. А. Инв. 1, Д.38.</p> <p>В. П. Кузьмин, ед. хр. 99, л. 4</p> <p>А. В. Едемский, 99, л.7 об.</p>
--	--	--

Май

1.05/14.05	<p>Еремей Запрягальник</p> <p>Начинается подготовка к севу. Приметы:</p> <p>«Если поедешь сиять, чайки зареветь – снегу еще нанесет, отзимок может быть, или так, холодно будет». «Еремей-запрягальник – запрягать сохи [пора], надо сиять».</p> <p>«Поезжаешь сиять. Жука-навоздника имаем: если у нево под первыми ножками детки – первый сев будет лучше. Под задними – поздний, под средними – средний».</p>	<p>М. М. Нагишев</p> <p>М. С. Едемский, ед. хр. 99, л. 13 об.</p>
2.05/15.05	<p>Афанасий (Офанасий) Тёплый</p> <p>«Офанасий с теплом, а Никола с возом» (травы много. – М. Б. Едемский).</p> <p>«Если второго тепло – весна теплая и травы хорошие».</p> <p>«На Офанасия теплова кукушка прилетает».</p> <p>«На Ракуле олень прибегау, на жертву (2.05). Празднество было. И приходил из лесу олень. Станет к церкви. Ево нарежут и едят, варят враз в котле. Угощают и всех приходящих. Один раз поп отслужил Ракуле обыкновенно (нетрезвой). Олень змверкау и убежау – с тех пор и не прибегау. Тут пенек был. Олень придет, станет у пенька и грызёт ево. Пенек-от и топерь грызут, у ково зубы болят. Была зяблуха каждый год. Явилась икона Тихона и Варнавы на [этом] месте. И когда стали служить молебны – зяблухи не бывало с тех пор».</p>	<p>М. М. Нагишев</p> <p>В. П. Кузьмин, ед. хр. 99, л. 4 О. А. Баскарёв, ед. хр. 99, л. 13 об. М. М. Нагишев</p>

5.05/18.05	Ирина (Орина) Рассадница «Если наклевала рассада [5.05], то плюют [её] Николе под бороду» (т. е. сажают на Николу. – М. В.).	
6.05/19.05	Иов Горосец «На Ивова-горосца горох сеют бабы».	
8.05/21.05	Иван Пшеничник (Иоанн Богослов) – Иван доўгой «На Ивана-доўгова (в мас) сеют доўгой лён (растет)».	
9.05/22.05	Никола Теплый (Вешний, Милостивый) «Никола с возом, Никола с травой». «Никола к семичасьской поплывит. На Раменью будто бы приплыў... И Алексей-от, Божий человек, на плите, говорят, приплугу в Верховажье. Дак его отпехнули! Вот он и сказаў: “Ну, живите-тко не серо, не бело!” Так и живут. Не могут хорошо совсем зажить». «Изосимы-те Совватины шли откуль-то. Несли иконку. Оставили в Долговицях, где монастырь-то, да в Стёпаныхе. В Стёпаныхе пиво варят каждый год [27.09], в Ростове, в Усачихе тоже. Вот оне ушли да там и поселились. Живут и на лошадке соловке возили большие каменья. Вот почему и монастырь прозывается Соловецкий. (У нас этта есть будто тоже Святая кост[ъ] на кладбище-то. Скороchi выйдет, ожидаемсе тоже.) «Никольска [неделя] для ярового, а Преображенская ниделя (Преображеньє господне, 6.08/19.08) для озимого лучше всего».	М. М. Нагишев
11.05/24.05	Мокий Мокрый «На Мокия мокро – всё лето мокрое». «На Мокия мокрова если дож[дь] – всё лето дож[дь]».	
14.05/27.05	Сидор (Исидор) Огуречник «Игра есть – Сидора колоть: “Витер Сивер потянул, да Сидор ноги протянуў, Сидориha молода даверху ноги подняла. Сидор баню продаёт, да Сидориha не даёт. Сидоренки верещат да баню под гору ташаt”». «Если на закате солнце в круге и круг не разорваўсѣ – к ведру. Разорваусѣ – к дождю». «Если солнце закатитце, да после заря – к ведру. В облако – так завтра дож(дь). Сделаeтce в пасмурную погоду как сметанное облачко – через сутки дож(дь) будет». «Пройдут Сидоры – дак пройдут и сиверы».	А. В. Едемский, ед. хр. 99, л. 13.
20.05/2.06	Фалалай Мокрый «([Если дождь]) весна будет сыроваята, а год влажный, хороший для хлебов и трав. Если майский жук съедает листья берез и ольхи, – будут градобитки и голод».	В. П. Кузьмин, ед. хр. 99, л. 4.
21.05/3.06	Царев день «В Царев день до обеда пшеницу сей – дойдет, а после обеда – не дойдет. Мураши с крылем залетают, дак рожь сий. Сей овес в грязь, дак будет князь». «Оглоблю смочит, дак навозу уж не закрывай».	А. В. Едемский, ед. хр. 99, л. 13.
29.05/11.06	Феодось Колосницы «Рожь на колос [идет]. Последний сев льна». (Первые семь ден семь дев сеют лён – пояснение М. Б. Едемского.)	М. М. Нагишев

9.06/22.06	Кирилл Белозерский «На Кирилла сеют галанку. Дак хорошая бывает галанка» (брюква – М. В.).	
12.06/25.06	Спиридон Солнцеворот (правильно Петр. – М. В.) «Пречистов день сонце на лето, а лето на жары дни короче».	М. М. Нагишев
11.06/24.06	Пахом «[На] Пахома если холодно – всё лето холодно. Говорят: “Пахом срядиўсь в балахон, да всё лето и давит”». «Какой Пахом – такое и лето».	М. М. Нагишев В. П. Кузьмин, ед. хр. 99, л. 6 об.
23.06/6.07	Аграфена Купальница Рвут траву накануне Иванова дня. «Травка изгон – для мытья головы от болезни». «Елочки (мытник болотный) от головной боли. Полевой хмель. Пьют от головной боли хвощ-трава, поят и моют скот, когда ноги болят» (д. Сорбала).	РГАЛИ, Ф. 573, оп. 1, ед. хр. 101, л. 16.
24.06/7.07	Иван Купала «[На] Ивана Купала рвут траву купальную и другую. Трава для лечения. Купальницей моются в бане накануне Иванова дня». «На Иванов день виник завязывают, потом зимой коров моют, когда отелятся, квашню и подойник такими венниками перекрывают на Иван-день». «На Иванов день купальница – как краска, головки у шерстянок». «Папертник – 12-ти статейница цветет на Иванов день в полночь, когда петухи коют, дак не покажутся, а не коют, дак покажутся. От всяких болей. Ходить воровать, дак не увидеть, если иметь цветок один, минует Иван великий. Семь годов не носила (не рожала – М. Б. Едемский), напоила старушка травой в пиве в живучем – и вот теперь беременна. Трава-от – пырей, на котором вырастает шишка зеленого цвета». «Белый клевер (сосулька), у которого цветы направлены кверху, напитокя настою – тогда будешь носить (рожать) парней, а не девок; настой в живучем пиве».	М. М. Нагишев (д. Ильинская), ед. хр. 99 П. С. Вячесла- вова, 22.08.24. П. С. Вячесла- вова, РГАЛИ, ф. 573, оп.1, ед. хр. 99, л. 6, об.
27.06/10.07	Самсон Сеногой Если дождь – весь сенокос дождлив.	В. П. Кузьмин, ед. хр. 99, л. 4; О. А. Баскарев, ед. хр. 9, л. 14, об.
29.06/12.07	Петры и Павлы «На Петров день цветет рожь, на Ильин – хлеб».	М. М. Нагишев

5.07/18.07	Афанасий Афонский Месяц играет. Предвещает хороший урожай и хорошую уборку урожая.	М. М. Нагишев
8.07/21.07	Летняя Казанская «Частая рожь хозяина радует, а редкая кормит» «На Казанскую поспела черника. На Ильин день поспеет рожь». <i>Обряды, выполняемые в Кокшетье.</i> Когда идут жатинать, выполняют обряды сначала дома. 1. Все участники жатвы с молитвой обращаются к Христу, к Богородице, к святым. Перечисляют, кто будет жать. После молитвы подходят к топящейся печке, по очереди приговаривают: «Как эта печка стоит весь век и не устаёт, не бонтца ни жару, ни пару, ни стужи, ни нужи, ни холоду, ни голоду, так бы и я, раба божия, (имя) жала [бы], не уставала». Все члены семьи подходят к печке и произносят заговор 3 раза. 2. Обряд в поле. Когда начинают жать, вырывают по три волота ржи, перепоясываются; приговаривают: «Как эти три волота целый год кланялись на четыре стороны, так у меня (имярек) спина [бы] клонилась, [и] поклонялась во все четыре стороны и не знала ни устатку, ни пристатку». Повторяется три раза. 3. Первый сноп жнут молча. Сожнут, завяжут, приговаривают: «Где сноп – тут суслон; где суслон – тут копна; где копна – тут и скирда (или: тут хлеба амбар)». Повторяется три раза. 4. Когда поставят первый суслон. Суслон закрывают снопом (шляпой, ...называют), ставят горсть житвины корнями вниз на суслон и приговаривают: «Вот это вам, вороны, питера и мидера!» (Это говорится и ставится к тому, чтобы вороны не ели суслон.)	П. С. Вячеслава, 22.08.24 г. М. М. Нагишев, АГЛМ, Ф. А. инв. 1 Д. 38
20.07/2.08	Ильин день На Ильин день поспевает рожь.	М. М. Нагишев
24.07/6.08	Борис и Глеб «Борис и Глеб сиют хлеб – ржаные засеватели».	А. В. Едемский, ед. хр. 99, л. 13
27.07/09.08	Николай Кочан (блаженный Николай Кочанов) «Под кочнем капусты спау (или скрываусе)». Начинают завиваться кочаны капусты. (О. А. Баскарев, во-первых, перепутал дни, приурочив день Николая Кочана к 24.07, правильно – 27.07 по старому стилю. Во-вторых, он по аналогии отнес к этому дню запрет брать в руки круглое, связанный с церковным праздником Усекновения главы Иоанна Крестителя.)	О. А. Баскарев, ед. хр. 101, л. 6 об.
29.07/11.08	Каллиник «Пронеси Бог Каллиника туманом и мороком, а не морозом – инеем. Слышал, в Архангельске это число – критическое для созревания хлебов, ибо нередко бывают инеи».	А. В. Едемский, ед. хр. 99, л. 8

1.08 – 14.08 /14.08 – 27.08	Успенский пост «Присвита Богородица умерла, дак пос(т)ничают». «Главное – лук до Успенья рвать».	В. П. Кузьмин, ед. хр. 99, л. 6 об. О. А. Баскарев, ед. хр. 101, л. 6 об.
1.08/14.08 6.08/19.08 16.08/24.08	Первый Спас (медовый). «Прошел первый Спас – бери рукавицы на запас, а прошел второй Спас (яблочный) – бери и с варежками, а третий Спас (ореховый) – бери и валенки на запас. «[Если] первый Спас с инеем – бери рукавицы про запас». «Первый Спас – [бывают] иньи».	М. М. Нагишев А. В. Едемский, ед. хр. 99, л. 8; О. А. Баскарев, ед. хр. 99, л. 15
6.08/19.08	Преображение Господне «Никольска [неделя] для ярowego, а Преображенская ниделя для озимого лучше всего».	М. С. Едемский
8.08/21.08	Изосимы – Саввати, Соловецкие чудотворцы «Изосимы – Саввати избавили по молитве от болезни лошадь. Потом сына. Ничем не лечиў».	
18.08/31.08	Фролы и Лавры, лошадиной праздник «Приезжают в Ракулу. Молебн служат, кропят [лошадей] водой. На лошадях в этот день не работают, если обещанные кони. У ково не обещаны – робят». «На Фролы-Лавры ещё у нас бывают иньи». «Фролы-Лавры – конные пастыри». «Коновалы молотся Флору и Лавру. Будто бы последние были коновалы» «Пекли караван лошадям в этот день и скармливали: лошадь считалась именинница в этот день».	А. В. Едемский, ед. хр. 99, л. 8 П. Е. Фомина, ед. хр. 101, л. 7 О. А. Баскарев ед. хр. 99, л. 14 об., 15 об.
29.08/11.09	Иван Постной Название церковного праздника Усекновения главы Иоанна Крестителя. Существует запрет брать в руки что-либо круглое, резать и есть круглое. Считается, что всё круглое напоминает голову. «Не ходить в огород по голанку (брюкву. – М. В.) и репу. Под листом скрывается [голова] Иван Креститель. Отсечена голова, так не надо снимать голову с голанки или репы». «В Иванов день в репу не ходят и брюкву, и капусту не берут. Иван Креститель спасаёт под листьями. Есть [в этот день] горох или репу считается большим грехом. А ребят обманывают, что зубы заболят – нельзя есть». Бабье лето С Иванова дня бабье лето до Богородицына дня (то есть с 29.08/8.09 – 11.09/21.09, до Рождества Пресвятой Богородицы (8.09/21.09) – десять дней.	О. А. Баскарев ед. хр. 101, оп. 1, л. 6 об., л. 14 об. О. А. Баскарев, ед. хр. 99, л. 14 об.

	<p>«В бабье лето лен убирают, мнут» (чистят).</p> <p>«[Если в первый день бабьего лета] выглянет красивая баба в окно – будет красное лето, а выглянет некрасивая алипатра – бедет лето мурговато и дожливоё, с ветром».</p> <p>(В Кокшеньге бабье лето не имеет единого срока. В д. Якуринской Павла Ефимовна Фомина, в отличие от О. А. Баскарева, называет сроки бабьего лета другие: с 5.09 по 24.09 (18.09/7.10), то есть 19 дней – М. В.).</p>	П. Е. Фомина, ед. хр.101, л. 7
--	--	-----------------------------------

Сентябрь

1.09/14.09	<p>Симеон Столпник</p> <p>«Симеон Столпник отдал своё тепло на съедение мухам. Стоял на столбе, покуда не упау – овод съел. В этот день хоронят мух: после етова мухи умирают, осень не надоедают».</p> <p>«Семенов день. Мух хоронят: тогда все мухи примрут».</p> <p>«На семена не продают луку, иначе лук доведется. Если продают, то с договором и высыпают, распоровши мешок в две или сбоку. То же с пшеницей. А надо развести пшеницу, то ее воруют (ночью из суслонов или зародов)».</p>	О. А. Баскарев, ед. хр. 99, л. 20, ед. хр. 101, л. 6 об.
8.09/21.09	<p>Рождество Богородицы</p> <p>«Ива рано покроется цветом – шишка такая, белой цвет пух, за мисяц до снегу (осенью). Бывает после Богородицына [дня] или на Звиженье».</p> <p>«Богородицын день – кончают жниву. Богородская губа последняя».</p>	О. А. Баскарев, ед. хр. 99, л. 15
14.09/27.09	<p>Звиженье (Воздвижение Креста Господня)</p> <p>«Звижев день – кафтан с шубой надень».</p> <p>«После Здвиженье медведей в берлогах обходят: уже легли».</p> <p>«Вздвиженье медведь в берлогу забирается».</p> <p>Начало охоты на рябчиков и тетеревов.</p>	О. А. Баскарев, ед. хр. 101, л. 6 об.
22.09/5.10	<p>Фокин день</p> <p>«Ясный, дак и осень протяжная, дождливый – скоро снег будет и осень холодная. Если первая половина дня сухая – весна будет сухая, вторая ясная – осень будет сырая. День чистый с солнечным сиянием – засуха будет большая, день ясный, но с облаками и ветреный – то лето будет ветренное и холодноватое».</p>	О. А. Баскарев, ед. хр. 99, л.19
24.09/7.10	<p>Феклы Зажигальницы</p> <p>«Если ясный день бывает, это в тот год пожаров будет много. Ежели день серый, мы говорим: Слава Богу! пожаров в этом году будет мало». (Замолотки в овинах идут с огнем. В натопленных овинах молотят. Бывают пожары).</p> <p>«Фекла Зажигательница красиво – пожаров бывает много».</p>	О. А. Баскарев, ед. хр. 99, л. 16 об. В. П. Кузьмин, ед. хр. 99, л. 6 об.

27.09/10.10	<p>Савватиев день «Жнивьё кончали даже в поздние года». Пивной праздник в честь Зосимы и Савватия в Ростове, Усачихе, Степанихе (Верхняя Кокшеньга). «Изосимы-те Савватины шли откуль-то. Нёс икону. Оставили в Долговицах, где монастырь-то, да в Степанихе. В Степанихе пиво варят каждый год (27.10), в Ростове, в Усачихе тоже». Пожелание варящим пиво: «Мёд да патока! Двоевара хмельная! Просим милости». «В сентябре начинают стелить и бучить лен. Здравуются с теми, кто стелет: “Шоук тебе на руки!” – “Спасибо!” или: “Спасибо, лебедь белая”. Когда бучат лен, мужчины здравуются: “Бог на помочь!” Женщины вместо “Бог на помочь!” [говорят] “Лебеди лители, бело крылушко уронили”. За трепаньем или чесаньем льна [говорят]: “Шеўк на руки!”»</p>	<p>О. А. Баскарев РГАЛИ, Ф. 573, оп. 1, ед. хр. 101, л. 6 об.</p> <p>АГЛМ. Ф. А. Инв. 1, информатор не назван, 1, Д. 38</p>
-------------	---	--

Октябрь

1.10/14.10	<p>Покров «Покрыв землю снежком, девицу – женишком». На Покров день бывает снег. «Батюшко Покров, покрой теплом (углы конопатят старухи)». «Покровская суббота по голу, дак и Дмитриевская по голу (если и попадает [снег], дак растает)». «Божатко Покров! покрой землю снежком, а меня хорошим женишком». «Конопатят избы: “Тятенько Покров, покрой избу теплом”».</p>	<p>П. Е. Фомина, ед. хр. 99, л. 7</p> <p>О. А. Баскарев, ед. хр. 101, л. 6 об., л. 15. А. В. Едемский</p>
14.10/27.10	<p>Параскева Пятница «Пятница Парасковья, пошли жонишка поскорее».</p>	<p>А. В. Едемский</p>
27.10/8.11	<p>Дмитриев день (Информатор ошибочно относит этот день к 26.10.) «Овин именинник. Испекут ярушничек, хозяин пойдет на овин и там поздравляет, отломит ярушничек и скажет: “Доброво здоровья овиннику-имяниннику”. Иногда все семейство поздравляет овин». «Овин именинник. Испекут пироги и ходят человек (двое) на Овин молить здоровье. В этот день мало уже молотят. У меня робятишка ходили, дак ши-то ещё кикирикают: “Доброва здоровья овиннику! Кикирика, овинная магушка! Сто лет стоять да богату быть!”» «Осенью гуси литят низко – скоро снег будет. Лебеди литят – снег будет, самое большее, через пятеро суток. Лебеди пролители, снег на крылушках пронесли – через пятеро суток снег будет. Лебеди пролители снег на крылушках пронесли. (У Спаса – утки.) Лебеди со снегом литят – скоро снег будет». «Дмитриевская суббота – поминание родителей».</p>	<p>О. А. Баскарев, ед. хр. 99, л. 15</p>

Ноябрь

1.11/14.11	Козьма – Демьян «Козьма – Демьян братья родные были». «На Козьму – Демьяна кашу варят. Пойдем сиять. Дежени намясят». «Козьма – Демьян, пособляйте посиять, идите каши хлебать (или соломату, или дежени)».	П. Е. Фомина, ед. хр. 101, л. 7
14.11/27.11	Свинобитное заговенье «К этому времени свиней бьют, после начинается Филиппов пост».	О. А. Баскарев, ед. хр. 99, л. 15
21.11/4.12	Введение, Введеньев день (Введение во Храм Богородицы, информатор ошибочно указывает дату 24.11). Введенская оттепель. «Введеньё ломает ледень». «На Введение оттепель – и на Николу (6.12) оттепель, и на Рождество (25.12) – оттепель».	О. А. Баскарев, ед. хр. 99, л. 15
26.11/9.12	Егоргий (Георгий) Осенний (холодный) «Свинья к морозу забирает[ся] в солому и визжит.»	

Декабрь

1.12/14.12	Наум Грамотник Устраивают молебен, чтобы дети хорошо учились. «Пророк Наум наставляя детей на ум». «С 1 декабря начинали учить грамоте».	О. А. Баскарев, ед. хр. 99, л. 15
6.12/19.12	Никола Зимний 6.12 – 12.12 – Никольская неделя. «Копят на Никольской неделе масло и возят в казну, щоб для коров полегче было год прожить, здоровья Бог дал [бы]».	
12.12/25.12	Спиридон Солнцеворот «Солнце не лето – зима не мороз».	
25.12/7.01	Рождество «С Рождества начинают примечать, какая погода. В Рождество снег – пчелы будут хорошо роняться». «Погода соответствует: Рождество – Иванов день. Рождество – против Рождества». «Если на Рождество дож[дь] или мокрота, то урожайная рожь». «На Рождество ясная погода, куржев[ной ?] лес, так хлеб хорош будет».	В. П. Кузьмин, ед. хр. 99, л. 4 М. С. Едемский (д. Грязь), ед. хр. 99, л. 13
25.12/31.12 (26.12/5.01)	Святые вечера (Святки) «Девки-матки, проспали святки. Будем масленицы ждать».	А. В. Едемский
31.12/13.01	Маланья «На Новый год [в день] Маланьи-Кишочницы – кишки начинивают». В конце Нового года – Щедрый вечер. Связано с представлением об изобилии. Выражение «маланьиная свадьба» – значит «изобилие».	О. А. Баскарев, ед. хр. 99, л. 16

М а с л е н и ц а – неделя перед Великим постом. «Если в который день красиво на масленице, надо в тот день снет[ь]».	В. П. Кузьмин
В е р б н о е в о с к р е с е н ь е – за неделю до Пасхи. «На вербице сиверко, дак и в Троицу сиверко».	А. В. Едемский
П а с х а – по старому стилю приходилась на период с 22 марта по 21 апреля.	
Т р о и ц а. Воскресенье, 50-й день после Пасхи. «В Троицу красиво – сенокос хорош. И наоборот».	
С е м и к – седьмой четверг после Пасхи. «Троицкий Семик – праздничек невилик, да виден».	А. В. Едемский
Ч и с т ы й ч е т в е р г (Великий Четверг) – на последней, Страстной неделе Великого поста.	А. В. Едемский
На Ч и с т ы й п о н е д е л ь н и к ветра – корм выдует, не хватит кормов, весна будет холодной, трав не будет долго.	В. П. Кузьмин

Приметы, связанные со скотиной, приуроченные к Великому Четвергу

(от А. В. Едемского, 99, л. 9)

«Ходят по муравьище и рассыпают по двору, щобы велась скотинка лучше и говорят: “Цярь – Муравей, Цярица – Муравьица, об цём я тибя покорюсь и помолюсь. Как у тибя мужики ведутца на муравьищалке, дак так бы у меня велась скотинка в доме”».
«В Великий Четверг, когда ударят к заутрине, хозяйка бежит коров будить, чтобы коровы все лето сами приходили домой».
«В Великий Четверг пекут четыре корова. Один коням, один коровам, два сами едят. Из этих короваев хлиба на разнос не дают (попам или нищим)».
«В Великий Четверг хозяйка забирается на крышу и спрашивает в трубу хозяина, дома ли кони и весь скот. Тот отвечает: “Дома”».
«В Великий Четверг в трубу говорят: “Дома кони, дома корова, дома овцы, дома свиньи, дома весь скот”. Повторяют 3 раза».

Девичьи обряды Великого Четверга

(от А. В. Едемского, 99, л. 9, 10)

«Девичи ходят на муравьища, борушку закапывают еще накануне в среду. И в Великий Четверг подходят к муравьищу и говорят: “Цярь – Муравей, Цярица – Муравьица, об цем я тибя покорюсь и помолюсь: как на этом муравьищнике мурашки сповзываютца со всех четырех сторон и никто не может их задержать, не конные, не пешие, не вершние, так бы ко мне, рабе божией (имярек), ехали жонихи со всех сторон и никто бы их не мог задержать: не пешие, не конные, не вершние”».
«В Великий Четверг котора девка насиделась в девках, дак в Великий Четверг всю скруту и дары перебирает в клетки (и приговаривает): “Вы, дары, належались, а я в девках насиделась. Вас пора дарить, а мне замуж выходить”. Повторяет три раза».
«В Великий Четверг нарядится девка во всю скруту и выйдет на крышу. Подходит к трубе. Снизу спрашивают: “Чья эка деука, да чья эка красавица?” Девича отвечает: “А Иринья Александровна!”»

<p>«В который день Петров день (29.06 / 12.07) – в тот день Ильин (20.07 / 2.08) день» (то есть такая же погода. – <i>М. В.</i>).</p> <p>«А в который день Ивана – в тот Прокопьев день».</p> <p>(Информатор не указывает, кого он имеет в виду: Иоанна Богослова или Иоанна Крестителя. Скорее всего, он имел в виду дни памяти Иоанна Крестителя, отмечаемые зимой и весной – 7.01 / 20.01 или 27.02 / 9.03. День памяти Прокопия Устюжского – 8.07 / 21.07. В этот же день – праздник явления иконы Казанской Божией Матери; с ним связано представление о начале лета, подготовке к жатве, сенокосу. – <i>М. В.</i>)</p> <p>«А в который Успенье [Пресвятой Богородицы, 15.08 / 28.08] – в тот и Ведыне» [Введение во Храм Пресвятой Богородицы, 22.11 / 4.12].</p>	<p>А. В. Едемский, РГАЛИ, ед. хр. 99, л. 7 об.</p>
<p>«В какой день Благовещев день (Благовещение, 26.03 / 7.04) – в тот день не начинают сеять, жать, овец не выпускают. Скот не выпускают так, чтобы кто-нибудь попался встречу – будет несчастливо (волки и пр.). Если кто из дому отъезжает, в тот день не выпускают скот».</p> <p>«В Благовещенье птичка гнезда не вьет, девица косы не плетет. Волосы не чешут».</p> <p>«В Благовещенье нельзя спать после обеда. Не ложись в Благовещенье спать, дак пчёлё гнзидё найдешь».</p> <p>«В какой день Благовещев день, в тот день не зачинают жать, скота не выпускают в этот день».</p>	<p>А. В. Едемский, РГАЛИ, ед. хр. 99, л. 11</p>
<p>«Ежели как в Чистый понедельник чистая погода (ясно), то год будет плохой».</p> <p>«В Чистый понедельник за сеном не ездят – все сено вычистит, выберет».</p>	<p>О. А. Баскарев, РГАЛИ, ед. хр. 99, л. 17.</p>
<p>Последняя неделя Великого поста – «Страстная седмица».</p> <p>«Страшная нидиля – мы признаем, що Иисус Христос приготавлиуё к смерти, дак он всю ниделю молиуё Богу, а в петницу ево придали смерти, в субботу ево хоронили. Дак [вот] почему ето страшная суббота. Я уж и не знаю: может быть и не ему было страшно, а матери ево, уж и не знаю, шо ето такоё».</p>	<p>А. В. Едемский, РГАЛИ, ед. хр. 99, л. 19 об.</p>

СОДЕРЖАНИЕ

СТЕРЕОТИПИЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ В ФОЛЬКЛОРЕ	5
ВАРИАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СКАЗКИ О ЛОВКОМ ВОРЕ	14
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СЮЖЕТА СКАЗКИ О ПОПЕ В КОЗЛИНОЙ ШКУРЕ	34
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА В РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ	55
ФОЛЬКЛОРНЫЙ ГЕРОЙ В ПУШКИНСКИХ «ПЕСНЯХ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ»	84
М. Б. ЕДЕМСКИЙ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ	98
КАЛЕНДАРЬ КОКШЕНЬГИ по материалам полевых дневников М. Б. Едемского 1924 года	118